Рита Галис

Невеста палача

18+

Рита Галис
Невеста палача

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41973747
SelfPub; 2023

Аннотация

Дарина продана в невесты палачу, но судьба – плутовка, и до венчания девушку похищает колдун из иного мира – Темный князь Константин. С этого момента жизнь Дарины переворачивается с ног на голову, преподнося множество приключений и испытаний. Она должна спасти колдуна-похитителя, сумевшего завоевать ее любовь, от пожирающего душу мрака, но длительное время оставаться в чужом мире опасно, ведь по правилам магии принадлежит она палачу. И только время покажет, сможет ли истинная любовь преодолеть трудности и преграды на пути.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	69
Глава 6	100
Глава 7	108
Глава 8	186
Глава 9	221
Глава 10	240
Глава 11	268
Глава 12	341
Глава 13	384
Эпилог	418

Рита Галис
Невеста палача

Глава 1

Март 1600 г. Россия, село Опричное

Огненно-алый шар катился за горизонт, разливая по вечернему небосводу золотисто-багровые лучи. На улице тихо, тепло и безветренно. Погода совершенно не соответствовала мартовским дням, когда должны еще стоять на дворе холода, а руки, да ноги стынуть и зябнуть оттого, что зима отступила совсем недавно. Конечно, март подходил к концу, но это не слишком оправдывало разыгравшуюся оттепель.

Деревья, еще недавно покачивали на ледяном ветру голыми ветвями, теперь, напитавшись солнечным теплом, распускали молодые зеленые лепестки, прорывая «кожицу» набухших почек. В сумеречном алом свете заката они казались сказочными духами, сбежавшими из леса, гуляющими по селу.

Опричное, так местные называли село, маленькое, да захудалое, располагалось неподалеку от города Великого Новгорода, на стороне Софийской от реки Волхов. Даже весенняя оттепель не придавала ему особой жизнерадостности. Небольшое количество деревянных срубов, перекрытых со-

ломой, выстроились вдоль единственной улицы поселения. Здесь жили крестьяне, пришедшие с чужих земель, и которым, якобы, не хватило места в городе, поэтому они поселились вблизи его. На самом деле, причина крылась в ином, чужаки-крестьяне не пожелали селиться в городских чертогах, не желая переходить в чью-либо собственность. В городе крепостных и так предостаточно, а за его чертой люди считались свободными, и пока на их свободу никто не посягал.

Но не для всех опричненских крестьян жизнь казалась свободной.

В одном из домишек, на жесткой деревянной скамье, сидела юная девушка, босая, в стареньком сарафане. В руках она держала старую выцветшую заштопанную рубаху. Взгляд лазуревых глаз прикован к оконцу, девушка сосредоточенно всматривалась в сумеречную даль, пытаясь запечатлеть в памяти необычную картину заката, подходившего к концу.

Внезапно, с улицы, внимание привлек звук приближающихся тяжелых шагов, сердце бешено заколотилось в груди, с трепетом, страхом и замиранием. Шаги смолкли на пороге, а через секунду, сильный удар ногой, заставил дверь распахнуться настежь, жалобно скрипнув петлями.

На пороге показался высокий плечистый мужик, сдвинутые в кучу, густые, кустистые брови красноречиво выражали недовольство, качнулся, привалился к дверному косяку.

– Ага, Даринка, опять бездельничаешь? – громыхнул в

небольшой комнатушке грозный бас.

– Что ты, батюшка, вот рубаху штопать едва кончила, – последовала короткая попытка оправдаться.

– Брешешь, паршивая! – заорал мужик, пронесся по выметенному начисто полу, преодолев в мгновение ока расстояние между ним и дочерью, и так низко наклонился, что та отпрянула назад, едва не слетев со скамейки.

Растеряно заморгав, девушка глубоко вдохнула, поморщилась, ощутив пахнувший запах крепкого перегара. Отец снова напился, ну теперь ей несдобровать.

Угрим Феофанович заметил неприязнь на лице дочери, хмыкнул, слегка покачнулся и отстранился, сощурил глаза, принялся придирчиво осматривать помещение. Комнатушка не велика, угловую часть с правой стороны от двери занимает саманная печь, наверху аккуратно засланная тряпичным стареньким покрывалом, указывавшим, что данное место служит постелью. Рядом с печью установлен деревянный стол, приставлена скамья, длинная, без спинки, с двумя толстыми ножками. В левом углу комнаты взгромоздился большой сундук, набитый пожитками хозяев, а недалеко от сундука располагается нечто напоминающее перину, только наполнена лежанка сухой соломой. Эта «перина» служила постелью для Дарины. Стены помещения завешаны разносортными сушеными грибами, вязанками колосьев пшеницы, сухих трав, деревянными ложками. Вся остальная посудная утварь, коей совсем не много, хранилась на печном шестке.

В целом картина составляла обычное зрелище нищенского жилья, но оно начисто прибрано, все расставлено аккуратно, пол подметен, печь вычищена. И все же Угрима что-то ужасно раздражало, поэтому он снова склонился к дочери, схватил за плечи, и рывком поставил на ноги.

– Ты что, паршивая, думала не разберу что к чему? – зловонно выдохнул мужик.

– Но как же…

– Чяво как же? – резко гаркнул Угрим, жестко тряхнув дочь. – Ты, когда брехать перестанешь? А? Весь день, небось, продрыхла, а под вечер храбрости набралась сказать, что работала! В хату войти гадко, грязюка кругом несусветная! Животина на дворе голодная орет, жрать просит! А ты тут сидишь, в оконце пялишься?!

У Дарины на глаза навернулись слезы. Да она за весь день только и присела к вечеру, и то, чтобы отцовскую рубаху заштопать. От зари, заведенной бегала, работу подгоняла, да и вообще, когда это она дни просиживала, не было отродясь такого. Угодить отцу в первую очередь старалась, работу по дому, по хозяйству знала, выполняла добросовестно, а в ответ только упрёки, да ругань. И что так злило-то его, не понятно вовсе. Сколько бы ни трудилась, как бы ни силилась, все не так, все плохо. И перестать бы давно уж стараться, да только если хоть немного попустит дело домашнее, так он и выпороть может. И на то, что ей двадцать годков минуло, на то, что она давно не ребенок, не посмотрит.

– Глаза б мои тебя не видели! – захрипел Угрим, и потащил дочь к выходу.

– Не надо! – заупиралась Дарина, предчувствуя недоброе.

– Чаво тебе не надо! Иди на двор, там ночуй, тебе ж без разницы, что тут, что там грязища одинаковая!

Не успела Дарина еще хоть словечко в оправдание сказать, как оказалась босая, полуодетая на улице. Угрим захлопнул дверь прямо перед ее носом, со словами:

– И не вздумай в дверь тарабанить, или выть, выпорю!

Дарина сделала шаг назад и поежилась, спорить с отцом все равно бесполезно. На улице становилось зябко, солнце уже закатилось за горизонт, а сумерки успели накрыть землю покрывалом полумрака. Надо бежать. Бежать к полю, к стогам сена, оставшимся после зимовки, лишь там можно укрыться, спрятаться. И она, сорвавшись с места, опрометью помчалась к заветной цели. До поля бежать не близко, и сделав всякий новый шаг, девушка ощущала, как каждую клетку юного тела заполняет панический страх. Этот страх порождал не холод, и не подступающий ночной сумрак, не расстояние от дома до стогов сена на поле, а то, что на пути она могла встретить иноземцев, в страхе державших простых крестьян, как в чертогах Великого Новгорода, так и за его пределами.

Иноземцы прибыли на Русь в больших количествах не так уж давно, 1598 году, когда Борис Годунов окончательно законно пришел к власти, и призвал их к себе в помощь, да

во служение. Но при этом они чувствовали и вели себя так, словно хозяева здешних мест были сами. В сущности, больших бед крестьянам не приносили, но и не упускали возможности сделать что-либо себе в угоду, даже если это противоречило здравому смыслу. Особенно иноземцам полюбилось силой брать девушек простолюдинок, если те встречались на дороге в поздний час, и без должной защиты. Нет сопровождения, значит ничья! Говорили они, и последствия не заставляли долго ждать. Поэтому девушки, дорожившие своей честью, да и жизнью, перестали ходить в вечернее время по улицам, а уж если и была особая нужда, то просили мужа, брата или отца о сопровождении.

Дарину же сопроводить было некому, поэтому она так торопилась, сильнее подгоняемая страхом.

Когда до поля оставалось совсем немного, запыхавшись от интенсивного бега, Дарина слегка притормозила, набрала полные лёгкие чистого воздуха, шумно выдохнула, подняла лицо к потемневшему небу, взглянула на проявившиеся звёзды и желтый полумесяц, выкатившийся на середину тёмно-синего полотна. Месяц тонок, но от него исходил плотный тяжелый желтовато-белый свет, падающий на землю, позволяющий различать внезапно появившийся вдоль дороги плотный клубок туманного облака странной формы.

Сбитая с толку Дарина резко остановилась, и стала пристально всматриваться вдаль. Образовавшееся на пути облако росло, быстро надвигаясь на неё. Девушка охнула, ин-

стинктивно почувствовав возможную опасность, сердце бешено заколотилось, она попыталась сдвинуться с места, но ноги словно одеревенели, стали неподвижными, неуправляемыми.

Продолжая расти, облако утрачивало сгустившуюся плотность, и через мгновение, прямо в его середине, беглянка отчетливо различила темный силуэт. Пристально вглядевшись в очертания, девушка смутно осознала, что силуэт вырисовывается мужской, а это не сулит ей ничего хорошего.

От безысходности она затрепетала, страх мгновенно приумножился, в глазах блеснула паника, мысли лихорадочно завертелись в голове. Кричать бесполезно, убежать не успеет, туманное облако приближается слишком быстро, остается только ждать неминуемой участи. Но легко она не сдастся, лицом к лицу встретится с тем, что ожидает, и будет бороться до последнего вздоха.

Выпрямившись, Дарина сделала глубокий вдох и прищурилась. Тёмный силуэт принял отчетливые формы, стал узнаваем развивающийся плащ за спиной и широкополая шляпа. Мужчина, казалось, имеет высокий рост, широкоплеч и двигается так, словно не идет, а летел по воздуху. Это пугало еще сильнее. Но как только он оказался в нескольких шагах от беглянки, и та непроизвольно открыла рот, чтобы заорать во всю мочь, силуэт тут же растворился, туман рассеялся, и на улице стало аже немного светлее.

Часто моргая, пытаясь выйти из ступора, порождённого

страхом, Дарина шумно выдохнула, и только сейчас поняла, что не дышала несколько последних мгновений. Что это было? Видение? Впрочем не важно, что бы то ни было, нужно продолжать бежать, иначе в следующий раз, если она нарвется на реальных мужиков, на иноземцев, легко не отделается.

Глава 2

Чёрные тучи висели над каменным, готического вида, замком тёмного Князя Константина Ратмирова. Это было необычное строение, и уникальность архитектуры Амбра Каструм, заключалась не в форме постройки, и даже не в размерах, а в том, что замок недосягаем для созерцания простым смертным. Князь, обладавший способностями творить магию, позаботился о том, чтобы место его обитания стало доступным только для него, и для тех, кто входил в круг союзников и подчинённых.

Внутри просторный Замок Теней имел множество прекрасно обставленных комнат, внушительных размеров бальный зал, согреваемый вечерами огромным камином, вполне способным послужит в качестве кладовой, кухню, хранившую запасы еды, достаточной для прокормки целой орды воинов. Библиотеку, излюбленное место Константина, заполняли сотни полок, уставленные тысячами книг разных эпох, столетий и миров. Он часто любил уединяться там, изучая тот или иной манускрипт с рецептами зелий, или тома с заклинаниями, способными помочь ему в многолетних поисках. Но в последнее время, всё это стало терять прежнюю привлекательность. Более того, начинало угнетать, и он всё чаще стал кидаться из крайности, в крайность, блуждать по параллельным мирам, полагаясь на удачу.

На дворе уже стояла глубокая ночь, когда Константин вернулся с очередной прогулки, скользнув из межмирья к порогу тайного обитания. Он прошелся по коридору, передал прислужнику плащ и шляпу, и прямиком направился в библиотеку. Там уже горел камин, помогая освещать помещение нескольким зажжённым восковым свечам. Приятный золотистый свет, наполнявший комнату, уютное тепло очага немного расслабили взбудораженного мужчину. Он подошёл к тумбе, взял хрустальный графин, и, налив в стакан немного коньяка, одним глотком выпил. Янтарная жидкость обожгла горло, но при этом подействовала еще более успокаивающее.

Плеснув ещё напитка, рецепт которого раздобыл в одном из параллельных миров, в стакан, князь направился к креслу у камина, и, усевшись поудобнее, принялся всматриваться в мерцающий огонь, изредка делая теперь небольшие глотки коньяка. Мысли, роившиеся в усталой голове, постепенно приходили в последовательный порядок, но сердце по-прежнему продолжало гулко биться о грудную клетку, лишь при малейшем воспоминании о событии сегодняшнего вечера.

Неужели он нашёл её? Нашёл после стольких лет безуспешных поисков? Князь не мог в это поверить. Ему нужно проверить безумную догадку. Нужно вернуться в Великий Новгород, чтобы снова встретиться с той босоногой девушкой, которая бежала ему на встречу.

Но он не может сделать это сейчас, нужно время, переходы слишком тяжелы… Необходимо крохотная доля време-

ни, и тогда он отыщет ее уже наверняка.

Дарина, лишь на мгновение задремавшая, неожиданно пробудилась, широко распахнула глаза, уставилась в темноту. Внезапно возникшее ощущение, словно некто проник ей в голову, и копошится там, неприятно шуршит, перебирает по таенные мысли, пытаясь отыскать в них что-то подходящее, заставило поёжиться. Она лежала на самом верху соломенного стога, зарывшись большей частью тела в сухую траву, в попытке сохранить значительное тепло, но ей казалось, что вокруг камни, сковывающие движения, не дающие пошевелиться. В одно мгновение девушку охватила паника. Как выбраться из ловушки? Собрав волю в кулак, она дёрнулась, затем еще раз, и ещё, пока не ощутила спасительную легкость, наваждение отступило, разомкнув невидимые путы.

Стараясь не думать о неприятных ощущения, Дарина сделала глубокий вдох, немного поёрзала успокаиваясь, закрыла глаза и попыталась заснуть. Но сон не приходил, мысли, словно стайка надоедливой мошкары, роилась в голове, будоражили старые воспоминания, пережитые времена не столь уж далекого детства. Вспоминалось пережитое, хорошее, плохое, воскресла в памяти и покойная мать Верея, которую Дарина любила больше всего на свете, которая жалела единственную дочь и часто защищала от брани и нападок пьяного отца.

Мать Дарины скончалась от лихорадки, едва дочери исполнилось девять лет. С тех пор жизнь малышки превратилась в сущий кошмар. Угрим Феофанович, и прежде не любивший ребёнка, отныне и вовсе стал относиться к девочке хуже, чем к бродячей дворняге. Отчего та всё больше силилась понять, почему раздражает отца, в чём причина рождающихся вспышек гнева и ярости, обрушивающихся на её несчастную голову. Но с течением времени, отказалась искать причины, стала принимать тиранию родителя как должное.

При жизни Верея часто бранилась с мужем, и Дарина оказывалась тому частым свидетелем. Неоднократно слыша в споре родителей своё имя, девочка догадывалась, что причиной ссор являлась именно она, но мать отрицала очевидный факт, если дочка спрашивала её об этом напрямую.

Однажды женщина, при очередной ссоре так кричала, доказывая мужу истинную правоту, что охрипла до немоты. В тот день Угрим пришёл домой поздним вечером, пьяным, едва держась на ногах. Он ввалился в дверь, схватил Верею левой рукой под локоть, правой отвесил пощёчину с такой силой, что у несчастной запрокинулась голова, при этом ни произнес, ни слова.

Перепуганная Верея разрыдалась, потом стала кричать, мол, ты что творишь, окаянный, какой леший тебе дорогу перешел. Угрим же, повернувшись к забившейся в угол Дарине, рявкнул:

– Пшла на двор, ни то убью!

Девочка шмыгнула из угла в дверь, но убегая, слышала отчетливо слова Угрима, так втиснувшиеся в память, что она не забудет их до самой последней минуты жизни.

– Нарожала тут всяких, – рычал муж Верее, – а я хочу нормально, по-людски, и получу, сейчас получу…

Позже подобное повторялось неоднократно, но женщина не беременела. Когда, в очередной раз, пьяным вернувшись домой, Угрим напал на жену, та не выдержала, и, кинувшись на улицу, побежала по дороге в неведомом направлении. Вечер стоял холодный, дождь лил как из ведра, но Верея домой не вернулась даже под утро. Проспавшись, мужик отправился на поиски затираненной жены, и нашел её всю вымокшую, замёрзшую на берегу реки Волхов. Женщина сидела на земле, прижав к груди, согнутые в коленях ноги, голову склонив, не шевелясь и практически не дыша. Угрим остановился в нескольких шагах от жены, не решаясь подойти ближе, сердце его сжалось от страха перед тем, что Верея уже мертва. Вот так села ночью на землю и застыла, тело задеревенело, не упало, и сидит ныне склонившись. Но женщина тяжело вздохнула, слегка дрогнула, что послужило причиной Угриму тут же броситься к ней, подхватить на руки, не чувствуя сопротивления. Ослабевшая, измотанная жена, просто не имела сил, чтобы дать отпор, и когда муж принёс её домой, положил на печную постель, она лишь взглянула на него, закрыла глаза и крепко заснула уже не чувствуя то-

го, как её раздели, обтёрли, и завернули в тёплое одеяло. Ночью у Вереи поднялся сильный жар, она стонала, ворочалась, иногда кричала. Маленькая Дарина подбегала к матери, хватала её за руки и, не переставая, плакала. Угрим, наблюдая за мрачной картиной, поднимался из-за стола, за которым сидел с кружкой браги, шагал к плачущему ребёнку, хватал за шиворот как котёнка, и оттаскивал на жесткую неприятно шуршащую «перину» со словами: «Хватит нюнить, спи!». Но девочка, полежав немного, снова бежала к матери, пока, в конце концов, окончательно забралась к ней на «постель», сложив голову на живот женщины, и заснув в изнеможении.

Когда малышка Дарина проснулась, на дворе зарождалась заря. Мать её лежала теперь неподвижно, тихо, белая кожа на лице напоминала первый выпавший снег. В один момент к девочке пришло страшное понимание чего-то непоправимого, жуткого, сердце гулко ухнуло, тело задрожало, на лбу выступил холодный пот, по спине пробежали неприятные мурашки. Она обвила глазами комнату, увидела дремлющего за столом отца, снова повернулась к матери и тихо позвала: «Мама!», но ответом послужила лишь тишина. Закричав в отчаянии, схватила ледяные руки матери, запричитала над ней, разбудив отца. Тот сорвался с места, подбежал ближе, замер на месте, осознав, что непоправимое все же случилось. Верея умерла от лихорадки в ту роковую ночь после непреднамеренного побега от издевательств мужа.

Когда женщину хоронили, Дарина стояла молча, слезы ис-

сякли, но чувство безнадежности и тоски по материнскому теплу продолжало преследовать ее и поныне.

Теперь, лежа под открытым звездным небом, перебирая мучительные воспоминания, она чувствовала себя по-прежнему одинокой, обделенной любовью, теплом, лаской, но слезы так и не появлялись на глазах.

Глава 3

Ночь пролетела мимолётно, несмотря на то, что Дарина заснула лишь под утро. Разбудил девушку лёгкий ветерок, нежно играющий с локонами, цвета созревших пшеничных колосьев. Она взглянула небесно-лазурными глазами в сторону села и сморщила носик, сознавая, что пришёл новый трудный день. Сначала необходимо как-то сладить с отцом, вернувшись домой, а уж остальное само собой сложится.

Потянувшись, шурша сухой травой, девушка выбралась из мягкого стога сена, и побрела в сторону села, задевая босыми ногами распустившиеся одуванчики. Утренняя прохлада приятно прикасалась к нежной девичьей коже, и постепенно, ставшая привычной тревога немного утихла. Но, вернувшись домой, отца она не застала, и то что Угрим в такую рань покинул дом не предвещало ничего хорошего. Невольный страх вновь охватил девушку, предчувствие надвигающейся беды неприятно защекотало нервы. В попытке заглушить тревожные мысли, она принялась за домашнюю работу, не замечая, как стремительно понеслось вперёд время.

Несколько часов спустя, выметя пол, натаскав с улицы дров, растопив печь, девушка, отодвинув заслонку, вынимала из печного устья приготовленную пшеничную кашу, приятный аромат истомившегося в жару блюда, соблазняя, по-

щекотал ноздри. Глубоко вдохнув аппетитный запах, девушка сглотнула набежавшую в рот слюну, но твердо решила не есть сама, дождаться отца. Угрим обычно всегда приходил к обеду, где бы ни пропадал и как рано не уходил из дому. Но сегодня, когда солнце уже стояло в зените, его всё ещё не было. Дарина заволновалась, понимая, что с отцом могло случиться несчастье. Пусть он плохо к ней относится, бранит без повода, выгоняет на улицу на ночь глядя, это не причина, чтобы забыть то немногое хорошее, что случалось ему делать для неё. Она по-своему всё же любила отца, в глубине души надеясь, что придёт время, и он осознает неправоту, станет добрее, ласковее, прекратит напиваться, и они заживут счастливо, как полагается родителю и ребёнку.

Когда солнце уже силилось скрыться за горизонтом, голод и тревога Дарины сравнялись с собой по силе. Она всё-таки решила съесть немного каши, и отправиться на поиски отца. Взяв деревянную ложку, зачерпнула горстку уже остывшей пшеничной массы, положила в рот и чуть не замурлыкала от небывалого удовольствия, взорвавшегося яркими эмоциями в оголодавшем теле. Голодный предел оказался настолько велик, что обычно просто вкусная каша, теперь казалась нектаром богов. Быстро прожевав, девушка отправила в рот ещё пару ложек каши, глянула в окно. На улице стремительно вечерело, стоило поторопиться. Оставив кашу на печном шестке, Дарина направилась к двери, и только протянула к ней руку, как та распахнулась, на пороге показался Угрим.

Увидев вернувшегося отца, девушка почувствовала необычайное облегчение, но тут же забеспокоилась, заметив за его спиной тёмный силуэт огромного незнакомца.

Отец вошел в комнату, мрачный мужчина последовал за ним. Сделав шаг в сторону, чтобы не скрываться за спиной Угрима, он остановился и пристально оглядел Дарину. Его холодный неприветливый взгляд смутил девушку, заставил поёжиться от неприязни, но глаз она всё же не отвела, стараясь лучше рассмотреть непрошенного гостя. Тот оказался высок, широкоплеч, но сильно сутулился, и часто переступал с ноги на ногу. Угловатые черты лица красивыми не назовёшь: изогнутый орлиный нос, тонкие жесткие губы, густые брови, между которыми отчетливо пролегала борозда, показывающая присущность сурового характера. Единственной красивой частью на лице чужака оказались глаза, крупные миндалевидной формы, с радужкой насыщенного каштанового цвета.

– Ну что, согласен? – спросил Угрим обращаясь к незнакомцу.

Мужчина медленно кивнул, при этом мрачный вид так и не сполз с его неприветливой физиономии.

– Тогда, – обратился Угрим к дочери, – тогда, Дарина, прошу любить и жаловать, это человек, чьей женой в скором времени ты станешь!

Девушка в ужасе распахнула глаза, не в полной мере соображая, что сейчас происходит.

– Звать его Гордей, – спокойно продолжал мужик, – он на минувшей неделе прибыл на службу в Великий Новгород, ему некогда искать себе жену, а без таковой, ясное дело, обходиться не может, поэтому мы сговорились, и он согласился взять в жены тебя!

– Прибыл на службу?! – словно в полудрёме пролепетала Дарина, всё ещё не веря в действительность происходящего.

– Да, Гордей прибыл на службу. Нынче в граде он станется палачом, – с противной гордостью сказал Угрим.

Но Дарину, последние слова, хлестнули подобно кнут с железным наконечником. Неужели она всё правильно поняла, и собственный отец собирается отдать её в жёны такому страшному человеку? Они вообще никогда не разговаривали о её замужестве, а теперь так внезапно стала невестой палача! Это пострашнее самого кошмарного сна. Это реально! Но не сложившаяся ситуация пугала девушку так сильно, страх внушал мужчина, стоявший сейчас перед ней, мужчина, нарекаемый ей в мужья, в столь красивых глазах которого таилось какое-то зло, заставлявшее холодеть сердце юной девушки.

– Батюшка, не понимаю… не могу… – запричитала Дарина, очнувшись от неприятного гипнотического состояния.

– Чаво ты там не можешь? – раздражённо взревел Угрим.

– Не могу пойти за этого человека, – ели слышно закончила та.

– Это ещё почему? – закричал отец, брови угрожающе со-

шлись на переносице. – Ты мне перечить не вздумай, а то погляжу, на шее то у меня сидеть нравится! Замуж выйдешь, авось тебя муж уму да разуму научит! Иди, собирай пожитки, проваливай!

– Куда? – непонимающе вскрикнула девушка, в недоумении широко распахнув глаза.

– Как куда, к Гордею, забирает он тебя сейчас!

– Это как же… на ночь глядя…– застонала Дарина. – Молва недобрая пойдёт коли увидят одну ночью с мужиком чужим.

– А тебе-то какое дело? Это ж муж твой! – хмыкнул Угрим.

– Не муж ещё! – последовала очередная слабая попытка возразить.

– Ну ничего, жених значит! А не сегодня, так завтра уже и муж! Иди, говорю, пожитки собирай, это моё последнее слово!

– Батюшка, я же… – Дарина задохнулась, в горле забился ком, на глаза набежали горькие слезы, и двумя влажными горячими дорожками побежали по щекам.

– Нечего мне тут мокрое дело разводить, – заворчал Угрим, но голос всё же немного смягчился, – иди, собирайся, Даринка, перед человеком неудобно, вам уж ехать пора.

Но дочь не шевелилась, вперив в отца умоляющие глаза, и чтобы сердце не дрогнуло в сомнении, тот поспешно рявкнул:

– Ступай же!

Плечи девушки поникли, она медленно развернулась и пошла собирать то, что можно назвать ее скудным приданым, а через несколько мгновений вернулась обратно с небольшим узелком в руках.

– Вы будете жить с Гордеем в Великом Новгороде, прямо за стенами, поэтому ты радоваться должна, а не нюни пускать, – пробубнил родитель, нахмурив брови.

Дарина ничего на это не ответила, только подняла полные хрустальной влаги очи, уставилась невидящим взором, мольба в котором ныне погасла. Угрим сделал вид, словно не замечает страданий дочери.

– Ну, ступайте, – проговорил он, – да в церковь идти не тяните, обвенчайтесь поскорее.

– Батюшка, а ты придёшь? – тихо спросила несчастная дочь.

– Не знаю, скажете, когда венчаться будете, может и пожалую.

Обхватив невеликий узелок обеими руками, и опустив голову ниже плеч, чтобы хоть как-то скрыть нескончаемый поток слёз, Дарина побрела к выходу, Гордей через мгновение последовал за ней, Угрим же не сдвинулся с места.

На дворе, недалеко от дома стояла двухколёсная телега, запряжённая старой кобылой. Остановившись перед повозкой, девушка печально на неё взглянула, не желая уезжать из отчего дома, но и не имея возможности остаться, нарушив

волю родителя. Гордей увидел колебания случайной невесты, поравнялся с ней, молча указал рукой, чтобы та взобралась на телегу, устроилась поудобнее. Ничего не оставалась, как повиноваться, и это беспрекословное повиновение пришлось будущему палачу по вкусу. Сухо улыбнувшись, он зашагал обратно к дому, переговорил с Угримом и в скором времени старая кобыла уже переставляла усталые ноги, глухо стуча неподкованными копытами по накатанной дороге, таща за собой, по направлению к граду, двухколёсную повозку с пассажирами.

Погрузившись в печальные размышления, Дарина могла поклясться, что, забравшись в телегу, прислушавшись, она уловила сквозь неразборчивый разговор двух мужчин звон монет, но поверить в то, что палач мог заплатить Угриму за неё, словно за вещь на базаре, заплатить отцу за согласие отдать дочь чужаку в жёны, отказывалась. Девушка мысленно сослалась на больное, растревоженное воображение, сыгравшее с ней злую шутку.

– Почему не простилась с отцом? – грубый, сухой голос прервал её раздумья.

– Чего? – переспросила Дарина, пытаясь понять, послышалось ли ей, либо Гордей действительно задал вопрос.

– Я говорю, почему ты с отцом не простилась? Не захотела? Вышла молча, села, да поехала со мной, – теперь голос палача звучал громче.

– Как-то само собой так вышло, – промямлила девушка,

каждое слово сейчас давалось с большим трудом, но жених не унимался.

– Ничего, понятное дело, растерялась, – проговорил он, немного помолчал и продолжил, резко сменив тему разговора, – Венчаться мы с тобой не сразу будем.

– Не сразу? – встрепенулась спутница, ей вовсе не хотелось венчаться с незнакомцем, но перспектива оказаться опозоренной пугала сильнее.

– Нельзя пока, я совсем недавно в град прибыл, дел много, работы до меня накопилось, надобно порядок соблюдать.

Какой это работы? Он же палач! Хаотичные мысли завертелись в голове у Дарины. И как только полный смысл дошёл до неё, ужас холодной волной прокатил по позвоночнику. Да именно, он же палач, его работа казнить людей, отнимать жизни, убивать. Что же батюшка натворил, кому отдал дочь родную? За какие грехи то?

– Но, если венчаться будем не скоро, зачем же меня из дому сейчас забирать надобно было? – не удержавшись, спросила Дарина.

– На то воля отца твоего, он предложил, я согласие дал, – последовал мрачный ответ.

Сердце девушки ухнуло куда-то вниз, в голове зашумело с удвоенной силой, глаза заволокло туманом, навернулись новые жгучие слёзы. Выходит, что родной отец просто отдал её, как надоевшую собачонку, отдал в первые попавшиеся руки, незнакомому человеку. Палачу! В подобное не хотелось ве-

рить, но факты говорили сами за себя.

Видя, что девушка вся скукожилась, побледнела и вот-вот рухнет без чувств, Гордей нахмурился.

– Да не бойся, не обижу. Ишь как побелела! Да на отца не серчай, коли дело сделано, знать по судьбе так назначено.

Дарина не нашлась что ответить, продолжая молча сидеть, глотать солёные слёзы, не переставая котившиеся по щекам.

Когда они подкатили к граду, ворота ещё оставались открытыми. Проехав через величественную арку, прокатив по частично опустевшим улицам, им без труда удалось добраться до жилища палача. Остановившись перед странного вида хатёнкой, Гордей жестом показал Дарине, чтобы та выбиралась из телеги. Девушка повиновалась, подошла ко входу, но остановилась, уставившись в закрытую дверь невидящим взором. Даже когда Гордей открыл пред ней дверь, она не шелохнулась.

– Ну, чего же ты, заходи.

В голосе мужчины послышалась едва уловимая жесткость, заставившая Дарину сделать шаг вперёд, но при этом дальше девушка не пошла, и снова остановилась.

Недолго думая, Гордей схватил невесту под локоть и буквально втащил внутрь своего скромного жилища.

– Хватит уже ломаться, – голос мужчины был спокоен, но твёрд, дружелюбия поубавилось.

Дарина сжалась от холода, повеявшего неоткуда.

– Вон, видишь койку? – продолжил Гордей, кивком ука-

зав на деревянный лежак, стоявший возле стены, – ложись сегодня туда, да не бойся, не трону тебя. А пока будешь тут обустраиваться, пойду займусь телегой да лошадью.

С этими словами Гордей действительно развернулся, пошел к выходу, и уже через мгновение Дарина осталась в комнате одна, наедине со своими мыслями.

Вернувшись, Гордей обнаружил Дарину на койке, которою указал ей. Она лежала одетая, свернувшись калачиком, лицом к стене.

– Спишь? – тихо, но разборчиво спросил мужик, и когда ответа не последовало, хмыкнув, проследовал в прилежащую соседнюю комнату, где стояла большая дубовая кровать. Через несколько минут он уже крепко спал.

Дарина же напротив, как ни старалась, уснуть не могла. Сердце девичье щемило, душа стонала. Она размышляла над поступком родного отца, над поспешностью и непреклонностью решения, круто меняющего уклад её привычной жизни. Разумеется, медовыми дни прошлого не назовёшь, но стать женой палача, человека, якшающегося со смертью, казалось более чудовищной участью. Впрочем, ничего иного не остаётся, она совершенно беспомощна в сложившейся ситуации. Естественно, можно предпринять попытки к бегству, но идти не куда, да и не к кому, негде искать помощи, из родичей только отец, отославший её подальше от себя. Оставалось только смириться, отдавшись воле судьбы, в конце концов она совершенно не знает Гордея, возможно, не смотря

на профессию, мрачный вид и угрюмость, он не плохой человек.

Посеяв долгими безмолвными уговорами в душе семя надежны, невеста палача тяжело вздохнула, перевернулась на другой бок, и погрузилась в беспокойный, но спасительный сон.

Глава 4

Солнце высоко повисло в небесах, стараясь нагреть холодную влажную землю, поросшую сочной молодой травкой, а Дарина по-прежнему суетилась по кухне, с раннего утра занимаясь домашними делами. Минула целая неделя с тех пор, как палач назвал её своей невестой, привёл в дом, дав возможность спокойно обживаться, и за это время девушка должна была свыкнуться с новым положением, но она по-прежнему чувствовала себя неуютно, несмотря на то, что Гордей почти не находился дома.

Поставив на деревянный стол свежеприготовленную кашу, Дарина взглянула на дверной проём, ведущий в соседнюю комнату. Надо успеть подмести там. Слишком большого труда это не составит, комната невелика, впрочем, как и всё жилище мужика. Но всё же в сравнении с отцовской хатенкой, этот казался довольно просторным.

Жилище Гордея представляло собой основную комнату с выходами в хозяйскую спальню и на кухню. В ней располагалось небольшое количество убранств: койка, служившая постелью Дарине, да огромный деревянный резной сундук. Покои Гордея представляли собой более воодушевляющее зрелище. В середине располагалась массивная дубовая кровать с пуховой периной, накрытая сатиновым покрывалом, подле неё лежал половик, выцветший, с краями слегка об-

трёпанными, но без дыр и плесневелых пятен. Возле стен расставлены сундуки, наполненные хозяйским скарбом, деревянный столик разместился неподалёку, на нем, в небольшом железном подсвечнике покоился огарок свечи. Некоторые из вещей выглядели неподходяще большими для помещения скромного размера, но мужик редко разговаривал, что оставляло его прошлое в тайне, и выяснить откуда тот или иной предмет, да и сам откуда пришёл, не представлялось возможности.

Большую часть своего времени Дарина проводила на кухне, обустроенной дубовым столом, скамьями и печью, от которой в зимние деньки обещало растекаться во все углы приятное тепло.

Взяв веник, девушка прошла в основную комнату, руки принялись за работу, а мысли побежали прочь, рисуя разнообразные картинки перед невидящими реальность глазами. Страхи её немного поутихли, но досада и непонимание никак не хотели покидать наивное доброе сердечко. Возможно, зря себя растревоживает, ведь пока Гордей относился к ней хорошо, а точнее, вообще никак не относился. Он не бранился, как отец, не кричал, не тиранил, мало разговаривал, приказы не отдавал. Молчал он и о дне венчания, но Дарину устраивал подобный расклад вещей, потому как, покуда не венчаны, то и ложе супружеское делить не пристало. Но всё же Дарину что-то постоянно тревожило, иногда сердце начинало само по себе бешено колотиться, слёзы набегали на

глаза, печаль наваливалась тяжёлым камнем на грудь так, что дышать становилось невозможно. В такие моменты приходилось заставлять себя глубоко вдохнуть безжизненный воздух, смахнуть солёных предательниц с влажных ресниц, и принимать за работу, стараясь пустить мысли в иное русло. Тоска отступала и в моменты, когда вспоминалось о скорой необходимости трудиться на засеве полей, где требовалась помощь, в которой девушка никогда не отказывала. Конечно, несколько последних деньков моросил мелкий весенний дождик, из-за чего посевная могла затянуться, но этот факт огорчал менее всего. Дарина отчаянно старалась верить в хорошее, приободриться, отгоняя неприятные жалящие доводы разума, не подозревая, что старания напрасны.

Гордей вернулся, когда солнце наполовину закатилось за горизонт, роняя на вымокшую от дождя землю, последние лучи уходящего дня. Он бесшумно отворил входную дверь, прошёл в комнату, навис над дремавшей на койке Дариной. Та непроизвольно напряглась, инстинктивно ощутив присутствие мужика, и опасность, исходившую от него, но повернуться, встретиться лицом к лицу, не рискнула, неосознанный страх сковал движения.

– Спишь? – тихо позвал палач.

Вопрос прозвучал безобидно, глупо, но Дарина непроизвольно вздрогнула при звуке голоса будущего мужа, сжалась, по спине побежали неприятные мурашки.

– Повернись, – шёпот превратился в низкий хрипловатый

рык, – повернись, взгляни на меня.

Девушка попыталась шевельнуться, но тело отказывалось слушаться, казалось вместо крови в жилах растекается плавленый свинец, наполняющий тяжестью, бросающий в жар, заставляющий сильнее ощутить надвигающуюся беду. Стараясь справиться с наваждением, она собрала остатки воли в кулак, отвернулась от стены, села, опустив глаза в пол.

– Погляди на меня, Дарина, – не унимался Гордей, в голосе послышались нотки раздражения.

Ничего не оставалось, лишь повиноваться, но, когда девушка подняла глаза, то ужаснулась. Мужик, огромной, непреодолимой скалой нависал над ней, зрачки расширены, взгляд горит безумным, адским огнём, губы искривила злобная усмешка. Несчастная невеста невольно охнула, внимание привлекли руки палача, до самых локтей испачканные свежей кровью. Представленное зрелище заставило сердце гулко удариться о грудную клетку и остановиться, отдавшись на короткое мгновение во власть объятий смерти. Но лишь биение возобновилось, ритм оказался столь быстрым, что оно едва не разломало тонкие рёбра, стремясь вырваться на волю.

Не переставая изображать подобие улыбки, Гордей потянулся к Дарине, схватил под локоть и рванул на себя. В это мгновение девушка поняла, ее будущий муж безумен! Придя в отчаяние, попыталась высвободиться, упершись ладонями ему в грудь, но хватка невероятной силы пресекла старания

так, что её попытки оказались сравнимы с трепетанием бабочки зажатой в могучий кулак.

– Нет! – громко выкрикнула она, почти оглохнув от собственного вопля, но палач не отпустил, наоборот, лишь крепче прижал к себе, распаляясь.

Нарастающий страх окончательно завладел сознанием девушки, она знала, кожей ощущала, что сейчас случится беда, непоправимое, то от чего нужно спасаться любой ценой. Вырвавшись из власти оцепенения, она стала брыкаться, извиваться, царапаться, кусаться, словно пойманный в силки зверёк. Но безнадёжные трепыхания лишь раззадорили Гордея, и, подхватив неистово сопротивляющуюся бунтарку на руки, словно паук, пресекая движения жертвы, потащил в спальню на большую постель.

– Уймись, Даринка, – захрипел он, – чего противишься? Мне после казни утишиться надобно! Приласкай меня!

С этими словами, палач швырнул несчастную на неизмятое ложе, и рухнул сверху, навалившись на неё всей тяжестью тела, подминая под себя.

Крик готов был сорваться с уст Дарины, но мужик зажал нежные уста ладонью, а другой рукой принялся задирать подол сарафана. Неуклюжее действие не заняло много времени, и через мгновение, сопротивления девушки оказались бесполезны. Раздвинув коленом ноги невесты, приспустив штаны, и устроившись поудобнее, Гордей с силой вошёл в нежную плоть жертвы, продолжавшую трепыхаться, стара-

ясь высвободиться. Та закричала от резкой, нестерпимой боли, но рука насильника, прижатая к девичьи губам, заглушила неистовый вопль. Палач словно не замечал, какие страдания причиняет несчастной, и продолжал двигаться, раскачиваясь, кряхтя, с шумом выгоняя воздух из лёгких, тем самым, усиливая страдания девушки. Его действия казались Дарине ужасной, непрекращающейся пыткой.

Утратив последние капли терпения, она завыла, словно раненое животное, слёзы неудержимыми потоками хлынули из глаз. В это же мгновение из горла мужика вырвался блаженный стон, тело его затряслось, выгнулось и обмякло. Он, глубоко вздохнув, скатился с невесты, лёг рядом на спину. Дарина, сломленная, обессилевшая лежала неподвижно. Желание сорваться с места, убежать, если не из дома, то хотя бы из комнаты Гордея, клокотало в груди, но потрясение парализовало движения, сковав юное тело так, что с трудом удавалось даже моргать.

Немного полежав, Гордей поднялся на ноги, и взглянул на содеянное. Дарина так и лежала на его постели неподвижно, словно утратившее все жизненные силы тело. Её задранные юбки и внутренняя часть бёдер испачканы девственной кровью, чуть повыше коленей на коже красуются тёмно-фиолетовый синяки с алой каёмкой и несколько царапин. Застывшая гримаса боли и страдания на её лице омыта горькими слезами, руки раскинуты в разные стороны, грудь едва вздымается, пытаясь втянуть немного воздуха в лёгкие. Молча

глядя на отвратительную картину, учинённую собственными руками, Гордей нахмурился, круто развернулся, желая скорее покинуть комнату.

Стук закрывающейся входной двери вывел Дарину из оцепенения и, понемногу приходя в себя, девушка медленно приподнялась, села. Долго оставаться в таком положении не позволила неприятная саднящая боль, пульсирующая в лоне, поэтому она встала и прошлась по комнате. Столь же медленно добрела до своего лежака, прилегла, и провалилась в крепкий спасительный сон.

Проснулась невеста палача далеко за полночь, в доме царили мрак и тишина, Гордей всё ещё не вернулся, измятая перина на дубовой кровати пустовала. Неприятные ощущения, обгоняя мерзкие воспоминания, стали подниматься откуда-то из глубины души, перерастая в отвращение к безжалостному насильнику, и, к самой себе. Снова беззвучно заплакав, девушка поднялась с лежанки. Беспорядочные мысли завертелись в притупленном от случившегося сознании. Ужасающая сцена растления стояла перед глазами. А ведь Гордей был трезв! Если, конечно, это можно так назвать. В его глазах искрилось безумие, столь часто узнаваемое у Угрима, когда тот в стельку пьяный заваливался домой. Но от Гордея запаха браги не исходило. Хотя это уже не имело абсолютно никакого значения, ничто не имело значения кроме боли и горечи, которые могла успокоить только забвение. Она и так слишком долго боролась за бесмысленное

существование, слишком много терпела, начиная от смерти матери, брани и издевательств отца. Достаточно! Больше нет смысла тащить слишком тяжёлый, неподъёмный крест, нет смысла испытывать страдания! Её некому спасти, никому она не нужна, даже собственному отцу.

Несчастная Дарина осознавала, что, если сейчас не решится на опрометчивый, но спасительный шаг, Гордей будет постоянно насиловать её. А уж когда она станет его законной женой… Законной женой убийцы! От этой мысли девушку передёрнуло, тошнота подступила к горлу. Внезапный грохот на улице привлёк её внимание, заставил резко вскочить на ноги, рвануться к двери, надеясь, что этот шум исходил не от вернувшегося палача. Но если и он, то ей удастся выскочить из жилища незамеченной.

Протянув дрожащую руку к ручке входной двери, юная особа помедлила несколько мгновений, затем с силой дёрнула на себя, и, не разбирая дороги, со всех ног бросилась бежать по улице. Преодолев довольно большое расстояние, девушка остановилась, чтобы немного отдышаться и убедиться в отсутствии преследователей. Улица казалась совершенно пустынной, поэтому, как только дыхание немного успокоилось, она снова продолжила путь быстрым шагом. Шла Дарина в сторону реки Волхов. Лунный свет гладким полотном ложился на дорогу, тем самым хорошо освещая её. Но невесте палача все же мешали видеть не просыхающие слёзы, нескончаемыми потоками текущие по щекам. С каждым

мгновением шаги её становились меньше, движения медленнее, чудилось, будто она засыпала на ходу. Но девушка твёрдо брела к зловещей цели, намереваясь учинить саморасправу.

Остановившись перед тихой гладью воды, изредка колышущейся, покрывающейся мелкой рябью, нагоняемой лёгким ветром, Дарина спокойно посмотрела на реку, будущее пристанище. И как только решилась сделать первый шаг, чтобы навсегда войти в холодную тёмную воду, услышала приближающийся топот копыт. Волна страха ледяным ознобом прокатилась по позвоночнику, и, не осознавая, что делает, она вдруг рванулась в противоположную от реки сторону.

Топот слышался всё ближе, но силы быстро покидали девушку, поэтому бежать, увеличивая скорость, она не могла, а делать шаги шире не удавалось, помехи чинил узкий подол сарафана. Со стороны, должно быть, она могла выглядеть неуклюже, но, как ни странно, в жемчужном свете луны, Дарина больше походила на русалку из повествуемых дедами русских сказок. Длинная коса расплелась, разметавшись вдоль грациозной спины золотыми волнистыми локонами. С каждым рывком, они колыхались, подобно морским волнам в ненастную погоду. Босые маленькие ножки виднелись из-под приподнятой юбки сарафана, а руки так крепко сжимали подол, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

Набравшись храбрости, Дарина обернулась, чтобы воочию увидеть преследователя, и тут же охнула от изумления.

Рассекая воздух, нагоняя её, на могучем вороном жеребце мчался незнакомец, позади которого развивался плащ, а на голове покоилась широкополая шляпа. На мгновение невеста палача словно узнала этот странный образ. Но не успела опомниться, как мужчина поравнялся с ней, перегнулся через коня, и, схватив за узкую талию, усадил рядом с собой, заставив невольно ощутить жар сильного могучего тела. В то же мгновение яркая вспышка осветила лицо Дарины, она крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, поразилась увиденному. Перед её взором простиралась странная улица, освещённая необычным золотым светом огненных шаров на длинных палках. Словно маленькие солнца, они излучают тёплый, приятный свет. Вдоль улицы располагаются небывалые постройки, величественные и прекрасны, в сравнение не идут даже царские палаты Великого Новгорода. Выстлана уличная дорога красивыми плоскими камнями, от которых цокающий звук подкованных копыт слышится звонко, ровно и отчётливо. Именно ритмичный цокот вывел Дарину из оцепенения. Осознав, что она в плену у незнакомца, плотно прижата к его могучей груди, девушка стала отчаянно брыкаться, изгибаться, стараясь вырваться из цепких лап похитителя. Безумное желание завопить во всю мощь маленького горлышка, перебивал страх привлечь ещё больше ненужного внимание, этого она не могла себе позволить. Чувствуя, что силы на исходе, юная особа сделала последний отчаянный рывок, сумев выскользнуть, спрыгнуть с лошади. Ощу-

тив призрачную свободу, она рванулась вперёд, не разбирая пути перед глазами.

В свете зажженных фонарей, в просторной одежде, свободного покроя, убегающая Дарина казалась Константину прекрасным неземным созданием. Босые ножки шлёпали по каменной мостовой, отдаляя девушку от него, но Тёмный Князь лишь улыбался, наблюдая за столь забавной картиной. Теперь он абсолютно точно знал, что прелестница нынче в его полной власти, на его территории, и бежать ей некуда.

Пришпорив коня, мужчина подался вперёд, обогнал беглянку, повернул всхрапнувшего жеребца к ней мордой. Резко потянул назад поводья, заставив вороного стать на дыбы. Конь неистово заржал, исполняя приказ хозяина, отчего Дарина испугалась сильнее, попятилась назад и, потеряв равновесие, плюхнулась на землю, в мыслях проклиная собственную неуклюжесть.

Торопливо спешившись, незнакомец стремительным шагом направился к перепуганной девушке, осторожно протянул ей руку, предлагая помощь. Но та колебалась, искоса поглядывая на похитителя.

– Не стоит меня бояться, – тихо произнёс Константин, продолжая стоять, протягивая руку помощи.

Похищенная беглянка шире распахнула глаза, с недоверием взирая на чужака. Сперва хватает её, увозит в неизвестном направлении, а после спокойно предлагает отбросить страхи, вот так просто.

– Ты кто? Чего надбно? – рассеянно выпалила она, не принимая руки, стараясь отползти подальше.

– Я лишь желаю помочь, – последовал короткий ответ.

– Обжимая меня? Али затоптать норовясь? – вспыхнувший гнев затмил чувство страха, но сердце не утратило бешеного ритма.

– Прошу, выслушайте, – доверительным тоном произнёс Константин, желая успокоить девушку, давая возможность прийти в себя, – необходимо уйти с улицы, лишнее внимание привлекать совершенно ни к чему, я всё объясню, как только мы окажемся в более подходящем месте.

– Уйти? Куда? Чего решил сделать со мной? – запищала та, срывающимся голосом.

Ощущение тревоги вернулось, заставив Дарину инстинктивно возобновить неуклюжее сование ногами, стараясь вновь усиленно пятиться. Во взгляде прослеживалась откровенная паника, рот слегка приоткрыт, дыхание учащенное, вывод напрашивался лишь один – несчастная до смерти перепугана.

– Прощу меня простить, – тяжело вздохнул Константин, наблюдая нешуточное состояние юной особы, – но другого выбора не осталось.

Сделав внушительный шаг вперёд, мгновенно сократив расстояние с девушкой, он провел рукой по воздуху перед её глазами, прошептал:

– Спи.

В то же мгновение Дарина ощутила небывалую лёгкость во всём теле, веки отяжелели, словно налитые свинцом, густые ресницы опустились на побледневшие щёки, и она, медленно улёгшись на каменную мостовую, погрузилась в глубокий безмятежный сон. Тёмный Князь склонился над обмякшим телом девушки, взял на руки, крепко прижал к твёрдой мускулистой груди, и зашагал в направлении Замка Теней, казавшегося на горизонте огромной великолепной скульптурой. Верный конь Фрагор покорно последовал за хозяином, покачивая головой, изредка потряхивая густой чёрной гривой и похрапывая от предвкушения пожевать сладкого овса. Константин не оглядывался на жеребца, уверенный в преданности старого друга, он не мог оторвать взгляда от нежного миловидного лица юной особы, чувствуя, как сердце предательски сладко ускоряет ритм. Не следует терять голову, не сейчас, особенно от того, что дева оказалась столь неожиданно прелестной. Первым делом необходимо обезопасить её, и Амбра Каструм наилучшее для этого место.

За все годы жизни, Дарина не смогла бы вспомнить ни единого момента, когда спала так крепко, как сейчас. Тело расслаблено, дыхание ровное, сон необыкновенно сладок, что и не скажешь, будто она уснула не по собственной воле, а благодаря колдовским знаниям похитителя. Девушка нежно улыбалась во сне, рассматривая яркие картинки, навеянные воображением собственного разума. Те казались совер-

шенно реальными, события словно происходили не в мире грёз, но на самом деле. В стране фантазий Дарина шла по залитому тёплыми солнечными лучами лугу, ноги её утопали в мягкой зелени сочной травы. От движения, проделанного вперед, из-под босых ступней, выныривали, покидая травяные кустики, служившие незначительным укрытием, и взлетали, беспорядочно паря в чистом воздухе, десятки разноцветных бабочек. Прелестные трепещущие в полёте сознания, не отлетали далеко от нарушительницы покоя, продолжая грациозно метаться подле неё. Позади, на следах неведомой гостьи, стоило ей оторвать ногу от земли, за короткое мгновение, вырастали и тут же распускались дивные цветы, начиная пестреть буйными завораживающими красками. Озираясь по сторонам, куда бы ни падал взгляд девушки, она натыкалась на высокие сказочно красивые деревья, стоявшие в цвету. Хрупкие лепестки крупных бледно-розовых бутонов, отрываясь от пушистых желтовато-золотистых серединок, опадали в огромных количествах, кружа в воздухе, а на их местах чрез пару секунд возникали новые цветы. Шустрые бабочки подлетали к падающим лепесткам, принимая их за новоявленных мотыльков, кружили рядом, старательно подражая изысканному плавному падению. Но стоило лепесткам окончить полёт, замерев, коснувшись земли, как трепещущие тонкими бархатистыми крылышками провожатые, тут же снова взмывали ввысь.

Дарина упивалась безупречной красотой развернувшейся

перед глазами картины, до тех пор, пока её внимание не привлекло лёгкое движение между волшебными деревьями. Она прищурилась, постаравшись лучше разглядеть предмет, возбудивший в ней интерес, и тут же охнула, широко распахнув глаза. Из самой гущи ниспадающих бледно-розовых лепестков, двигаясь на встречу, шла её покойная мать Верея.

– Матушка, – чуть слышно прошептала Дарина, дёрнулась, подалась вперёд.

Но попытка сдвинуться с места оказалась тщетной. Такие же цветы, что распускались на оставленных ею следах, проскользнули под нагими ступнями, молниеносно вытянулись вдоль голеней, плотно обвили их, не давая возможности оторвать ноги от земли.

– Матушка! – отчаянный вопль полетел над лугом.

Женщина услышала крик дочери, нахмурилась, прибавила шаг. По мере приближения, надетая на покойницу сорочка неожиданно стала темнеть, приобретая багряный, кровавый оттенок. Казалось, этот факт поторапливал Верею, старавшуюся поскорее добраться до запутавшейся девушки. Но стоило, наконец, выбраться из чащи заколдованных деревьев, выступив на открытый участок поляны, как, внезапно, словно из неоткуда, между ней и Дариной возникли два огромных разъярённых зверя. Волк и медведь.

Чёрно-серый окрас густой волчьей шерсти напоминал клок ночного неба, усыпанного тысячами серебряных звёзд, выхваченного мощными челюстями гиганта, вскинутого на

спину, подобно одеялу. Чудовищные белые клыки торчали из скалившейся пасти. Выразительные синие глаза сверкали не добрым ледяным огнём. Размером хищник походил на добротного взрослого вола, коими привычно пахать поле, но оставался при этом гибким и грациозным. Он устрашающе глядел на великана-медведя, всем сосредоточенным видом показывая неприязнь к животному-противнику. Тот заметно отвечал взаимной враждебностью. В завидной степени превышая волка по величине, медведь подергивался, кичась напускной свирепостью, которой всё же не удавалось оторвать внимания от его плачевного вида. Истрёпанная шкура бурого цвета походила на дырявое полотно. В местах, где выдраны солидные клочья шерсти, виднелись розовые участки огрубевшей шелушащейся кожи. Широко раскрывая пасть, в попытке издать воинственный рёв, он оскаливал пожелтевшие, слегка стёршиеся, но всё ещё остававшиеся острыми зубы. Глаза медведя, устремлённые на врага, казались поблекшими, невидящими, отрешёнными. Складывалось впечатление, что если и стоило кого-либо опасаться в данный момент, то скорее переполненного жизненной силой волка, нежели усталого, шатающегося от слабости медведя. Но торопиться с выводами не стоило.

Став на две задние лапы, медведь шире разинул пасть, издал дикий хрипящий рев, продолжая наблюдать за действиями серого противника. Но, так и не дождавшись атаки врага, резко развернулся в сторону Дарины, судорожно дёрнулся

и, со всех ног, рванулся вперёд. Девушка закричала в испуге, инстинктивно сознавая надвигающуюся опасность, упала на землю, стала рвать цветы, опутавшие её ступни. Но чем яростнее рвала стебли, чем больше выдирала корней, тем крепче и толще становились путы.

Промежуточное расстояние между ней и зверем стремительно сокращалось, бурому чудовищу оставалось не больше пары внушительных прыжков, поэтому девушка приготовилась к неизбежному, замерла, не в силах отвести взгляда от неминуемой смерти. Развязка, казалось, подошла к кульминации, как вдруг, бегущий по пятам противника волк, за долю секунды до нападения гигантского зверя на беззащитную девушку, прыгнул на врага и вцепился ему в глотку мёртвой хваткой. Медведь издал душераздирающий вопль, резко выпрямился, извернулся и, схватив волка мощными когтистыми лапами, с бешенной яростью бросил на землю. Неприятный ухнувший звук от сильного удара тела о твердыню почвы долетел до ушей Дарины, но сам волк не издал даже лёгкого стона. Молниеносно вскочив на стойкие пружинящие лапы, зверь снова бросился в атаку. Завязалась серьёзная беспощадная дикая борьба, за которой девушка наблюдала с ужасом и благоговением. Она не понимала, почему чёрно-серый хищник вступился за неё, бросившись на противника, в несколько раз превосходившего его по размерам, но юное сердечко трепетало от благодарности за помощь.

Битва продолжалась, и медведь, казавшийся слабым и

усталым, принялся набирать обороты. Выпады, броски, удары лап становились мощнее, увереннее, вредоноснее. Волк выбивался из сил, сменяя атакующие маневры на защитные. Дарина видела, ухудшающееся положение зверя, и когда бурый враг, исхитрившись, дёрнулся, прыгнул на чёрно-серого противника, впившись клыками в изогнувшуюся спину вблизи от позвоночника, девушка неистово закричала. Звенящее эхо разлетелось во все стороны, невольно принудив медведя оторваться от извивающейся в болевых конвульсиях цели. Подняв окровавленную морду, он взглянул на вопившее существо пустыми мрачными глазами, где плескалась черная бездна. Дарина ощутила ледяной озноб, пробежавший по телу от макушки до кончиков пальцев на ногах, но не успела опомниться, как холодные, мертвенно бледные руку обхватили ее плечи, потащили назад. Цветочные путы мгновенно завяли, ослабив хватку, и девушка сделала попытку высвободиться из неприятных объятий, но нежный женский голос остановил слабые попытки, коснувшись её слуха. Девушка узнала теплые, успокаивающий нотки, узнала голос Вереи.

Мать неведомым образом оказалась позади напуганной дочери, усердно таща дитя в неизвестном направлении, сильнее впиваясь костлявыми пальцами в нежную кожу. Казалось, присутствие женщины, её тихий шепот должны успокаивающе подействовать на Дарину, но растущее внутри беспокойство, наоборот, усиливало обороты, перерождаясь в

неподдельную панику.

В конце концов ледяные руки матери возымели действие, и девушка, поёжившись, отдалась власти Вереи, ощущая, как жизненные силы покидают её. Тревога по-прежнему трепетала в глубинах разума, но тело окончательно расслабилось, мир поплыл перед глазами, сознание провалилось в бездну, растворяясь в хаосе разливающегося в пространстве мрака. Дарина падала во тьму, невольно запоминая последнюю сцену схватки двух разъярённых хищников, медведя и волка.

– Нет! – внезапный крик вырвал Дарину из черноты, заставляя широко распахнуть глаза, быстро оглядеться.

Она лежала на постели, располагавшейся в странном чужом помещении, полном незнакомых красивых предметов, силуэты которых виднелись благодаря бледному сиянию луны, роняющей мерцающей свет на убранства комнаты, сквозь огромные арочные окна.

Словно опомнившись, встрепенувшись, юная особа приподнялась на локтях, тихо позвала:

– Матушка!

Робкий призыв прошелестел по комнате, но результатов не дал, ответом послужила тишина. Девушка снова огляделась по сторонам, убеждаясь, что в помещении абсолютно пусто. Значит крик, от которого пробудилась, мог принадлежать лишь ей самой.

Что же происходит? Что это за место? Пугающее виде-

ние, казавшееся совершенно реалистичным, в итоге оказалось сном? Возможно эти дивные палаты тоже часть сна!

Тревога нарастала, мысли лихорадочно вертелись в голове, сердце отбивало нешуточный ритм, и Дарина, желая отвлечься, попыталась встать с постели. Необыкновенно мягкое воздушное ложе, усланное нежной, ароматной тканью, проминалось под девушкой, усложняя движения, но заставляло восхищаться помимо воли.

Медленно осторожно сползши на пол, она приблизилась к большому арочному окну, повернулась спиной к лунному свету, изучающе оглядела спальню. Глаза быстро привыкали к темноте, поэтому бледно-желтого свечения оказалось достаточно, чтобы предметы и убранства помещения виделись отчётливее. Огромная комната постепенно раскрывала секреты под пытливым девичьим взглядом. В середине располагалась кровать гигантского размера с подвешенным на узорчатых деревянных столбах балдахином, такой маленькой тряпичной крышей для ложа, как подумалось Дарине. Сшит балдахин из изящных кружевных тканей, нежного персикового цвета, и ниспадает сверху до самого пола бархатистым воздушным облаком с квадратными просветами, дающими возможность не запутаться в пышных занавесях, взбираясь на постель или покидая её. Окна зашторены похожими тканями, собранными по бокам шелковыми лентами, прикреплёнными к стенам, что не мешает им пениться и вздыматься от легких порывов сквозняка, прони-

кающих в помещение сквозь едва приоткрытые створки. В правом углу комнаты, неподалёку от входной двери, располагается здоровая деревянная коробка, по высоте практически достигающая, и без того высокого, потолка. Впереди к коробке приделаны резные дверные ручки. Подле неизвестного дива, поставлена его миниатюрная копия, к верху которой приделано большое плоское овальное блюдо в красивой золотой оправе, отражающее на серебристой гладкой поверхности часть помещения с убранством. Слева от кровати находится резной невеликий столик, покрытый ажурной белой скатертью, больше напоминающей кружевную паутинку. На столе красуется изысканная разукрашенная ваза с пышными бледно-сиреневыми цветами, аромат которых слегка улавливался в воздухе. Два стульчика среднего размера, приставленные к столику, опираются на вычурные резные ножки, выгибая спинки с мягкой набивкой, словно стараясь удержать равновесие. Дарина пристально поглядела на удивительные предметы, напоминающие ей крохотных сказочных лошадок, и снова перевела взгляд на гигантскую коробку с миниатюрой, не подозревая, что любуется обычным бельевым шкафом, комодом и зеркалом.

Но больше всего внезапную гостью восхитили, висевшие на стенах, картины, привидевшиеся девушке оконцами, выходившими на улицу, где покоились удивительные неподвижные вещи, предметы и замершие живые существа. Цветочные букеты с грациозными бабочками и стрекозами, па-

рившими над ними, выставляли себя на показ перед юной особой, впервые глядевшей на подобную волшебную красоту. Великолепные натюрморты, манившие естественностью, будоражили неискушенную фантазию. Всевозможные чаши с экзотическими фруктами, о существовании которых даже задумываться никогда не приходилось, вызывали желание прикоснуться к ним.

– Пробудись, пробудись же, – тихо зашептала Дарина, по-прежнему сомневаясь в реальности виденного, помотала головой.

За входной дверью раздался внезапный шорох, и девушку встрепенулась, вздрогнув от неожиданности, тесно вжалась в стену возле окна, около которого стояла, замерла в ожидании.

Слегка скрипнув, дверь стала медленно открываться, в проёме появился тусклый свет зажженной свечи. По мере того, как отворялась дверь, сердце юной особы всё сильнее сжималось от страха, и когда на пороге показался высокий плечистый мужчина, она едва не лишилась чувств. Приглядевшись к незнакомцу, Дарина узнала недавнего преследователя, и, не успев опомниться, подумать, выкрикнула:

– Чего надобно?

– Не спите, – утвердительно произнёс Константин, не обратив внимания на угрожающие нотки в девичьем голосе и постарался скрыть удовлетворённую улыбку. Затем прислушался к паническому дыханию гостьи. – Вам не стоит меня

бояться, я всего лишь заглянул удостовериться, что всё в порядке.

«Что за наречье у чужака?» – подумалось девушке. Выговор его плавен, текуч, голос нежен и силен. Но слова, такие знакомые, и в то же время не познанные, сложно разобраться в истинном смысле произнесенного. Подобные мысли заставляли Дарину бездействовать, поэтому она молчала, не зная, что ей говорить, как реагировать и как себя вести. Но стоило мужчине сделать шаг в её направлении, как она срывающимся голосом завопила:

– Не подходи!

– Выслушайте меня, – проговорил Князь спокойным приглушенным тоном, не желая сильнее напугать гостью.

Подойдя к прикроватному столику, хозяин замка поставил подсвечник на ровную поверхность, присел в одно из кресел, легким кивком указав на пустующую соседнюю мебель.

– Присядьте, – предложил он по-прежнему дрожащей напуганной девушке, – так вам легче будет успокоиться.

Но Дарина не сдвинулась с места, лишь сильнее вжалась в стену, мысленно моля успокоиться неистово колотящееся сердце.

– Ну хорошо, – огорченно выдохнул незнакомец, видя, что положение не изменится, – можете оставаться там, где пожелаете и просто слушать. Меня зовут Князь Константин Арман Наргор Ратмиров, называть полный перечень своих

имён не буду, в этом нет смысла, думаю, что для знакомства вполне достаточно первых. Я похитил вас из вашего мира, и посредством магических заклинаний перенёс в мир, параллельный вашей вселенной, за что приношу свои глубочайшие извинения. И…

Константин осекся, взглянув на Дарину и замолчал, увидев абсолютное непонимание, о котором ясно говорило сконфуженное выражение лица гостьи. Совершенно очевидно, что попытки объяснить сложившуюся ситуацию тщетны, поэтому Князь принял решение сменить тактику.

– Дарина, – тихим, вкрадчивым голосом позвал он, – прошу вас, не бойтесь, я желаю вам лишь добра, и это основная причина того, почему сейчас вы именно здесь. Всего одно ваше слово, и я верну вас обратно, в ваш мир, в ваш дом, к вашей привычной жизни…

– Нет, – со стоном выдохнула девушка, – домой… не надобно.

– В таком случае, чего же вы желаете?

– Не знаю…

– Не знаете? Тогда позвольте помочь.

Юная особа помотала головой, выказывая недоверие, а затем выпалила:

– Толкуете со мной вот так… важно… словно я знатная какая-то! Толкуете красиво, что я не все речи могу разобрать!

Слова рвались из уст девушки, позволяя растворить

немного бушующих страхов, почувствовать себя увереннее, свободнее. Незначительные перемены в её поведении, появившаяся лёгкая раскрепощенность, порадовали хозяина замка, давая решимости сделать следующий шаг.

– Иногда я забываюсь, – очаровательная улыбка появилась на лице Константина, – прошу меня простить за это и позволить исправить совершенную оплошность.

Дарина неотрывно глядела на Князя, прислушиваясь, и стоило улыбке лишь коснуться его губ, выставив на показ ряд жемчужно-белых, ровных зубов, как юное колотящееся от волнений сердечко замерло. Девушка дождалась, пока охвативший её трепет немного утихнет, и посмотрела на незнакомца увереннее. Чужак оказался необыкновенно красив, таких мужчин ей прежде не доводилось встречать. Овал лица мужественен, изящно очерчен, но слегка выступающие скулы указывают на твёрдость и решимость характера, большие тёмно-синие глаза сверкают, отражая танцующий на сквозняке огонек свечи, прямой нос, с лёгкой горбинкой делит лицо на две симметричные части, а слегка пухлые губы манят, требуя поцелуя.

Жадно впитывая грубую мужественную красоту похитителя, девушка вдруг ощутила слабость в коленях, готовых подогнуться в любую секунду, выставив девичью глупость и несдержанность на показ. Смутившись, испугавшись возникших чувств, она так сильно побледнела и осунулась, что Константин заволновался и слегка нахмурился.

– Прошу, не бойтесь, присядьте, обещаю, вам ничего не угрожает, – тихо произнёс он, неспешно указав на соседнее кресло лёгким движение руки.

Гостья прерывисто вздохнула, сморщила носик, давая понять, что по-прежнему не доверяет чужаку, но всё-таки отважилась, и медленно, бочком, стала продвигаться к свободному креслу. Достигнув цели, неспешно опустилась на мягкую поверхность, сложила дрожащие руки на коленях ладонями вниз, и внимательно посмотрела на Князь с некоторой готовностью к обороне, словно тот мог наброситься на неё подобно изголодавшемуся зверю, подобно Гордею.

– Так намного лучше, – снова улыбнулся мужчина. – Ваши сомнения и непонимание мне знакомы, чтобы устранить возникший барьер необходимо знание языка доступного нам обоим, и я могу помочь обрести это знание. Но мне потребуется ваше доверие.

Дарина внимательно слушала говорившего, от части улавливая смысл некоторых слов.

– Ничего не бойтесь, здесь вы в безопасности.

Константин понизил голос до громкого шепота, придвинулся ближе к столу и положил руки на ровную поверхность, ладонями вверх. Затем посмотрел на девушку, и лишь взгляды их встретились, принялся неразборчиво что-то бормотать. Это бормотание, словно маленькие паучки, побежали по слуховым каналам гостьи, устремляясь глубже к разуму, продвигаясь вперёд, пока не достигло потаённых струн её со-

знания.

Одурманенная колдовским заговором, подчиняясь воле заклинателя, Дарина вложила свои руки в ладони Князя. Тот же, продолжая неотрывно смотреть ей в глаза, не отпуская холодных дрожащих рук, медленно поднялся со своего места, потянул девушку на себя, приблизившись вплотную. Она не сопротивлялась, не могла, даже в момент, когда хозяин замка медленно склонился и приник к её устам неожиданным лёгким поцелуем. Жар и трепет от невесомого прикосновения тёплых губ мужчины стремительной волной прокатили по телу гостьи, вызвав непроизвольный томительный стон. Но через мгновение, очнувшись, девушка широко распахала глаза, оттолкнула Константина, попятилась назад и тяжело дыша, закричала:

– Что вы себе позволяете?

Стоило фразе сорваться с губ, как Дарина зажала рот ладонями, в недоумении уставившись на своего похитителя. Князь при этом довольно улыбнулся.

– Теперь сложностей не возникнет, – загадочно проговорил он.

– Что вы хотите этим сказать? – выдохнула она, слегка ослабив «кляп». – Что вы со мной сделали?

– Ничего дурного, моя дорогая, всего лишь поделился с вами частью моих знаний.

– Вы меня поцеловали! – дрожащим голосом пролепетала гостья.

– Да, это было необходимой частью при заклинании, – спокойный тон Князя не выдавал эмоций.

– Заклинение? – брови девушки удивлённо поползли вверх. – Теперь моя речь будет подобна вашей?

– Не только…, – таинственно произнёс Константин, слегка склонив голову набок, удовлетворенно наблюдая за результатом проделанной работы.

– Что значит это ваше «не только»? – не унималась юная особа.

– Не всё сразу, моя дорогая, – на лице колдуна снова заиграла обворожительная улыбка. – Сейчас вам необходимо поспать. Боюсь, что я зря начал все эти объяснения посреди ночи. Единственное, что вам необходимо знать на данный момент, это то, что вы желанная гостья в этом доме, а не пленница. Я, конечно, понимаю, что поступил не совсем добросовестно, похитив вас, но сложившаяся ситуация имеет здравый смысл и я докажу это, но лишь завтра. Ложитесь в постель и постарайтесь уснуть, обещаю, что вас больше никто и ничто не побеспокоит сегодня.

– Но я…, – попыталась возразить Дарина.

– Нет, моя дорогая, – перебил её Князь, продолжая настаивать на своём, – не надо спорить, тем более, если учесть ваше недомогание.

– Недомогание? – встрепенулась та и с подозрением посмотрела на похитителя.

Константин замолчал и так же пристально поглядел на де-

вушку. Какую же глупость он сейчас сказал, точнее проговорился.

– О каком недомогании вы говорите? – нахмурилась гостья. – Я вполне сносно себя чувствую, если, конечно, вы ничего со мной не сделали, пока я оставалась без сознания.

– Нет, я ничего с вами не делал, и уж тем более, когда вы были без сознания, – без тени улыбки на лице произнёс Князь, – но вся ваша одежда… подол… были… в крови, и…

Запнувшись, Константин так и не смог закончить фразу. Теперь он просто стоял, молча глядя на девушку, у которой, казалось, все краски в один момент сошли с лица. Она побледнела так, что её кожа напоминала первый выпавший снег, уславший неприступные горные долины. Естественно Князь говорил о женском регулярном периоде, протекающем один раз в месяц, и Дарина прекрасно поняла его намек, но обстоятельства её «недомогания», на самом деле, были гораздо ужаснее.

Бессознательно обхватив плечи руками, стараясь спрятаться в собственных объятиях, юная особа опустила глаза и, взглянув на нижнюю часть своего тела, ахнула от неожиданности. Вместо сарафана, перепачканного кровью, гостья обнаружила на себе бледно-голубую кружевную сорочку, длинной доходившей до щиколоток. Медленно прижав подбородок к шее, чтобы поднять взгляд выше, она вдруг ощутила, как её щеки загораются жарким пламенем, приобретая пунцовый оттенок, оттого что сорочка имеет весьма откровен-

ный глубокий вырез, который выставляет, чуть ли ни большую часть вздымающейся белой груди на показ. Хуже того, плечи оголены, на них красуются лишь тонкие кружевные бретельки, благодаря которым сорочка не сваливалась с неё. Как она раньше не обращала внимания на эту срамоту! И всё это время абсолютно незнакомый мужчина глазел на неё, а она даже не прикрылась, потому что не замечала своей откровенной наготы! Ко всему прочему он ещё позволил себе бесстрастно говорить о её «недомогании»! Дарина, растерянная, возмущённая, не знала, как поступить, поэтому, дрожащим голосом, задала первый пришедший на ум вопрос:

– Где мой сарафан?

– Я приказал его почистить, – спокойно ответил Князь.

– Меня раздевали ВЫ? – задохнулась гостья, чувствуя, как щёки краснеют ещё сильнее.

На этот раз Константин нахмурился.

– Дарина, – тихим, уверенным голосом проговорил он, – я, возможно, повторюсь, но будьте уверенны, что мне даже в голову не пришло бы сделать с вами что-либо дурное. Да, раздевал вас я, но и одевал тоже. При этом мои помыслы были достойными, а не порочными, а уж действия и подавно. Не отрицаю, я вас похитил, против воли привёл в иной мир, но это единственное, что осмелился сделать без вашего согласия. Тем более, учитывая ваше нынешнее состояние… мне… просто необходимо было вас осмотреть.

– Осмотреть?

– Именно, – кивнул хозяин замка, затем уточняя, добавил, – не разглядывать, а слегка осмотреть. Ведь, когда я заметил кровь, то… подумал, что вы ранены.

– Но я действительно ранена, – прошептала Дарина, думая, что сделала это достаточно тихо, чтобы не услышал Константин, но он услышал.

– Вы ранены? – в недоумении переспросил тот, пожалев, что не провёл осмотр тщательнее.

Несчастная девушка неожиданно вздрогнула, и по щекам её покатились две хрустальные слезинки, оставив влажные дорожки на всё ещё краснеющих от стыда щеках.

– Нет, я не это хотела сказать, мне… я…, – пролепетала юная особа, делая попытку оправдаться.

Но, не найдя в душе сил закончить фразу, она запнулась и посмотрела на Князя, словно затравленный зверёк. В глазах её плескались горе и отчаяние, и чтобы не выпустить эмоции на волю, она закрыла лицо руками, пытаясь унять поток горько-солёной влаги, стараясь защититься от пытливого взгляда мужчины.

Константину стало не по себе. Ему доводилось бывать в столь сложных ситуациях, что не каждый мог выдержать, случалось, созерцать явления, заставлявшие иных слепнуть, слышать звуки, от которых другие теряли слух, но при этом он никогда ещё не находился в таком смятении, как в эту минуту. Тихие всхлипы хрупкого беззащитного создания, слов-

но затупленные заржавевшие лезвия, вонзались в сердце, вызывая глубокое сочувствие, желание заключить несчастную в крепкие успокаивающие объятия. Но пока уступать нельзя, необходимо помнить об этом! Сглотнув ком образовавшийся в горле, тихо проговорил:

– Прошу, успокойтесь.

Дарина не слушала, продолжала безмолвно вздрагивать от каждого порыва срывающихся слёз, заставляя хозяина замка сильнее недоумевать. Возможно, она действительно ранена, а он попросту этого не заметил?

Нахмурившись, Князь всё же решился на опрометчивый жест. Сделав шаг вперёд, протянул руки к рыдающей девушке, привлек к себе, заключил в объятия. В то же мгновение гостья затихла, словно трепыхавшийся мотылек, наконец-то обретший покой.

– Я даже подумать не мог, что повергну вас в такое уныние, – тихо, с сожалением, проговорил Константин.

Последовало недолгое молчание, а затем, уткнувшись лицом в мужскую грудь, Дарина чуть слышно проговорила:

– Это не ваша вина, не от ваших поступков мне горько, и нет того ранения, которое можно было бы назвать опасным для тела, но только для души.

Князь не ощутил облегчение от её слов, скорее тревогу. Несчастная действительно нуждалась в утешении. Но почему? Если слёзы она проливала не из-за ран, и не из-за похищения, почему тогда? Что же могло наполнить душу такой

горечью?

Кровь! Подол перепачкан кровью! Ночь и она совершенно одна на тёмной улице…

Как гром среди ясного неба, понимание настигло Константина, он крепче прижал к груди невинное создание, которое не смог сберечь именно в тот момент, когда она сильнее всего нуждалась в помощи.

– Прости, – прохрипел он, будто вина лежала на нём, затем громче добавил, – скажи кто?

Дарина покачала головой, не желая отвечать, но вопрошающего это не остановило:

– Разбойник?

– Нет, – выдохнула та едва слышно.

– Знакомец? – настойчиво прощупывал хозяин замка.

– Больше, – наконец сдалась девушка, – тот, кого должна назвать своим супругом. – И вдруг запаниковав, пошла на попятную: – О Боже, простите, я не хотела… не понимаю, что со мной… почему всё это говорю.

– Можете мне довериться, – прошептал Князь.

– Довериться вам? Но почему? Я не знаю вас, и вы похитили меня! – выпалила девушка, отстраняясь. Паника нахлынула с новой силой.

– Чуть позже я объясню причину, по которой так поступил, но сначала мне хотелось бы выслушать вас, – всё тем же спокойным тоном продолжал Константин, не ослабляя своих объятий, не позволяя девушке высвободится.

Юная особа чувствовала огромную мощь прижимающего её к себе мужчины, ощущала его власть над собой, но это не пугало, тревожило, но не пугало, наоборот, предавало силы и уверенности. Почему незнакомец оказывает на неё сильнейшее влияние, она понять не могла, но это не мешало наслаждаться трепетом, охватившим каждую клеточку тела. Глубоко внутри чувство доверия к таинственному чужаку уже поселилось, но бывалые страхи по-прежнему привычно играли на струнах души, не позволяя отказаться от настороженности и подозрительности.

И всё же, шумно вздохнув, гостья неожиданно заговорила, тихо, но отчётливо:

– Мой отец, уж не знаю, в чём перед ним провинилась, всю жизнь, сколько себя помню, относился ко мне с презрением. Все старания с моей стороны угодить ему, не приносили никаких плодов. И, видимо, нелюбовь ко мне возросла в нём столь сильно, что он продал меня в невесты палачу. Палачу! Продал как какую-то скотину! Я слышала, когда уже была на дворе, как звенели монеты, которыми палач расплачивался за своё приобретение, слышала этот проклятый звон, но не хотела верить в то, что со мной могли так поступить, но теперь понимаю, что жестоко ошибалась.

Замолчав на несколько мгновений, Дарина, инстинктивно ища спасения, прижалась к мужчине сильнее, уткнулась лицом в каменную грудь, заставив его острее почувствовать тёплую влагу горьких слёз, пропитавшую льняную рубашку.

Затем девушка снова немного отстранилась, продолжила:

– Поначалу мы жили с Гордеем мирно.

– С Гордеем? – переспросил Князь, предчувствуя ответ.

– Да. Так звать палача, купившего меня у отца, – короткий кивок сопроводил пояснение, – Он не прикасался ко мне, обещал, что пока нас не повенчают не тронет. Но солгал! В момент, когда вы меня … забрали, я шла к реке Волхов, чтобы… смыть позор, чтобы… чтобы…

Дарина содрогнулась, вспомнив, как страстно желала смерти, отчетливее ощутила мелкую дрожь, бившую тело и попыталась сдержать рыдания, рвавшиеся наружу. Больше она не смогла выдавить ни слова, но и этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть Константина в ярость. Злился он не только на чудовище, надругавшееся над юной невинной девственницей, но и на себя, опоздавшего на самую малость. Если бы он осуществил замысел на день раньше, девушка не пострадала бы от грязных лап мерзкого похотника. Увы, минувшего не воротить. Но он постарается заслужит доверие гостьи, пусть добиться этого будет совсем не просто. Да, сегодня она приоткрылась ему, доверив неприятную тайну, но это лишь мимолётный порыв, желание облегчить душу, сбросить камень, повисший на сердце непосильной ношей. Как она поведёт себя позднее, зависит от времени и его стараний.

– Вам необходимо поспать, – с нежно проговорил Князь, не желая дальнейших терзаний девушки.

– Но вы обещали открыть мне причину моего присутствия здесь, – запротестовала та.

– Конечно, моя дорогая, завтра я отвечу на любые ваши вопросы, а на сегодня достаточно переживаний, вы слишком устали, ложитесь в постель, не о чем не беспокойтесь.

– Неужели вы думаете, что я спокойно усну в чужом незнакомом месте. Я вам всё ещё не доверяю…

Девушка поспешно отстранилась от Константина, который до этого внушали ей лишь покой и трепет, снова почувствовав тревогу. Мужчину жест позабавил. Ему нравился факт, что гостья настолько непостоянна, непредсказуема. То она искренне плакала, не в силах сдержать эмоции, то отчаянно защищалась, шипя, словно загнанная на дерево кошка, то открывала перед ним душу, не стесняясь детской наивности, а вот теперь снова, казалось, стала опасливой и подозрительной. Чтобы успокоить, но не напугать прекрасную деву, Князь осторожно потянулся к ней, взял за подбородок большим и указательным пальцами, приподнял лицо и, не став терять ни секунды, не отводя взора, наклонился, прильнул губами к нежным теплым девичьим устам. Дарина неожиданно затрепетала в ответ, но не отпрянула. Отдавшись желанию придвинуться ближе, она положила ладони мужчине на грудь, ожидая дальнейших действий. Константин почувствовал, что девушка не сопротивляется, и мысленно вознёс благодарность небесам. Он слегка провёл языком по её нижней губе, лаская, а затем поцеловал крепче.

Покорённая ощущениями, ведомая инстинктами, гостья отдалась во власть Тёмного Князя, неосознанно подчиняясь ему. Тот продолжал дразнить, покусывать податливые уста до тех пор, пока они не приоткрылись, впуская внутрь горячий ищущий язык. Дразнящими движениями он то погружался в глубь её рта, искусно лаская, то возвращался обратно в своё прибежище. Этот страстный поцелуй совершенно не походил на предыдущий. Тот, невесомый, лёгкий, служил частью ритуала, нынешний разжигал огонь внутри, превращая кровь в жидкое пламя.

Теряя рассудок, утопая в новых ощущениях, Дарина почувствовала слабость, ноги стали ватными, колени задрожали, подогнулись. Стараясь удержаться и не упасть, она обвила руками шею кудесника, позволив Князю воспользоваться ситуацией, теснее прижать её к себе. Но лишь округлые нежные груди девушки коснулись Константина, он тут же оторвался от сладостного рта, издав приглушенный рычащий звук. Сердце его с неистовой силой колотило в грудную клетку, а в глазах читалось откровенное желание. Что же он делает? Сложно успокоить напуганную гостью, когда сам находишься в состоянии жгучего возбуждения.

Сделав глубокий вдох, хозяин замка отпрянул назад, пристально всматриваясь в милое лицо наивной девушки с влажными, припухшими от поцелуя губами, в глаза, затуманенные неосознанной страстью.

– Поспи, душа моя! – гипнотически проговорил он, ста-

рательно заглушая нахлынувшие чувства, слишком опасные, чтобы поддаваться их влиянию.

Дарина мгновенно ощутила тяжесть, наполнившую веки, заставившую их сомкнуться. Не успев осознать происшедшее, она погрузилась в обволакивающую мглу, отдаваясь воле сновидений. Князь подхватил на руки обмякшее тело, отнес к постели и, уложив на воздушный матрац, присел рядом.

Он долго смотрел на невинное создание, потрёпанное жизнью за годы существования. Но, не смотря на перенесённые тяготы, чистота души осталась не тронута, именно поэтому Князь так сильно нуждался в ней. Но до этой минуты колдун и представить себе не мог, что его нужда окажется выше того, на что приходилось рассчитывать раньше. Уже очень давно ни одна женщина не могла разжечь в нём огонь такой пожирающей силы, который сегодня удалось распалить юной, испуганной девушке, испытавшей накануне их встречи столько боли. Но это положения вещей не меняло, он не должен и не может воспользоваться преимуществом хозяина, необходимо постепенно завоевать хрупкое доверие девушки, лишь в этом случае она исполнит уготованное ей предназначение. И тогда он сможет уберечь избранницу, защитить от бед и от людей, способных причинить страдания безвинному наивному существу.

Поднявшись, Константин взял свечу с прикроватного столика, бросил последний взгляд на крепко спавшую девушку,

и вышел из комнаты.

Глава 5

Яркий дневной свет, разившийся по комнате, заставил Дарину открыть глаза. Стремительно сев на постели, девушка окинула помещение взглядом, убеждаясь, что события минувшей ночи действительно происходили. Но на этот раз не было ни страха, ни растерянности, лишь недоумение.

Выбравшись из постели, подойдя к комоду с зеркалом, гостья обнаружила на нём фарфоровый тазик и кувшин, наполненный чистой водой. Инстинктивно налив воды из кувшина в тазик, девушка умыла лицо и руки, затем вытерлась небольшим махровым полотенцем, предусмотрительно покоившееся на комоде. Покопавшись в выдвижных ящичках комода, Дарина обнаружила расчёску, несколько шелковых лент и заколок. Тщательно расчесав локоны, она подвязала их голубой лентой, довольно поглазела на отражение в зеркале. Все действия, проделанные ранее, выходили, словно сами собой, напоминая укоренившуюся старую привычку. Конечно, замарашкой юная особа никогда не слыла, но умываться она обычно ходила на улицу, где стояла лохань с водой, а волосы чесала гребнем и заплетала в косу. Естественно никакой речи не шло о фарфоровых тазиках и шелковых лентах. Но благодаря заклинанию, сотворенному Князем минувшей ночью, привычней теперь казались именно те действия, которые она проделала нынешним утром. Перемены отчётливо

выражались не только в привычках, они сквозили во всём образе девушки. Её движения, манеры, поведение отныне стали изысканнее, элегантнее. То как изящно она брала кувшин, как расправляла плечи, садясь на маленький стульчик, как плавно проводила расчёской по спутавшимся за ночь непослушными локонами, как вышагивала по комнате твёрдым уверенным шагом, выдавало в ней особу благородных кровей, каковой по сути Дарина не являлась. Удивляясь новому образу и поведению, девушка всё же получала от происходящего удовольствие, такое же новое, ни с чем не сравнимое и неописуемое.

Насмотревшись на отражение в зеркале, гостья стала перемещаться по комнате в тщетных попытках отыскать хоть какие-то признаки приличной одежды. В конце концов, не в ночной рубашке же расхаживать по незнакомой местности. Подойдя к платяному шкафу, она распахнула дверцы и охнула. Такого изобилия нарядов отродясь видать не доводилось. В изумлении и нерешительности, застыв на месте, девушка не могла оторвать глаз от роскошных богатых одеяний, достойных цариц и боярынь.

Именно в таком положении и застал её, вошедший в комнату, Константин. Услышав, как щелкнул замок закрывшейся двери, Дарина быстро обернулась, возмущённо уставилась на вошедшего. Обхватив себя руками, она постаралась закрыть слишком глубокий вырез ночной рубашки, недовольно прошипела:

– Совершенно бестактно врываться в комнату к полуобнаженной… гостье!

– Прошу извинить меня, – произнёс Князь, но глаза не опустил, более того, уголки его губ дрогнули в непринуждённой улыбке, – я пришёл как раз, чтобы помочь вам одеться.

– Я и сама прекрасно справлюсь, не в первой, – голос девушки дрожал, не взирая на старание говорить твёрдо.

– Не сомневаюсь, – согласился хозяин замка, чтобы тут же развеять появившиеся надежды следующими словами, – но не сегодня. Сперва я хотел прислать к вам служанку, чтоб та помогла с туалетом, но затем подумал, что кроме меня здесь вам никто не знаком, и побоялся напугать вас новым вторжением чужого человека. Между раздражением, который вы сейчас испытываете по отношению к моему поступку, и паническим страхом перед незнакомой личностью, я выбрал меньшее из двух зол.

– Я не паникую при виде незнакомых людей, – насупилась возмущённа юная особа и обиженно поджала губы.

– Вынужден не согласиться.

– Вы меня похитили, – уже по-настоящему разозлилась Дарина, – естественно я запаниковала! Никто не повёл бы себя спокойно в подобной ситуации!

– Хорошо, – сдаваясь, проговорил Константин, – ваша правда, но одеться я вам всё же помогу.

И уже не дожидаясь согласия или протестов девушки, прошёлся по комнате, заглянул в распахнутый шкаф, и как

бы невзначай спросил:

– Вам уже приглянулось какое-нибудь из платьев?

– Голубое, – помолчав, выдавила наконец гостья, не в силах противостоять напору хозяина замка.

– Чудесный выбор, – улыбнулся Князь и, достав единственное платье голубого цвета, повернулся к Дарине.

– Что? – непонимающе выдохнула та, подозрительно уставившись на мужчину.

– Снимайте ночную рубашку.

– Вы, должно быть, шутите? – не веря собственным ушам, смутившись, пролепетала гостья, и как только Константин сделал шаг в её сторону, попятилась назад.

– Ну же, не ведите себя как ребёнок, – строго произнес он, хотя в синих глазах плясали озорные огоньки, когда девушка, подпрыгнув на месте, стремительно бросилась к кровати, и, юркнув под одеяло, натянула до самого подбородка.

– Нет, это вы ведёте себя… неправильно, – послышалось приглушенное возражение.

– Я всего лишь пытаюсь помочь вам надеть платье, с которым самостоятельно вы не справитесь, уж поверьте, – продолжал настаивать хозяин замка.

– Тогда отдайте мой сарафан, – справедливо потребовала девушка, – его я и сама смогу надеть.

– Ваш сарафан ещё не просох после стирки, – схитрил Константин, – и ко всему прочему, когда буду показывать вам свои владения, чтобы не возникало лишних вопросов у

слишком любопытных личностей, вам лучше быть в наряде, подобающем данному миру.

– Нет! Вы меня не заставите! – не сдавалась юная особа, сильнее кутаясь в одеяло.

– Ну, хорошо, – Князь сделал вид, что уступает, – бельё наденете сами, но с платьем мне всё равно придется помочь.

Глаза Дарины стали ещё шире.

– Вы что, хотели и бельё на меня надеть? – изумилась она.

– А что в этом такого? – пожал плечами мужчина.

– Вы бессовестный человек!

– Почему же, мне довелось видеть вашу наготу, и должен признаться, вам совершенно нечего стесняться.

Дарина задохнулась от стыда и возмущения, но высказаться не успела. Константин, повесив платье на спинку стула, проследовал к выходу.

– Ваша взяла, – проговорил он, остановившись у двери, – но я вернусь через несколько минут. Думаю, этого будет достаточно, чтобы надеть бельё.

Стоило входной двери захлопнуться за мужчиной, как Дарина молниеносно выпрыгнула из-под одеяла, подскочила к комоду, принялась резко открывать один ящик за другим в поисках заветного белья. Ей казалось, что исподнее должно находиться именно здесь. И не ошиблась. В третьем по счёту ящике оказались панталоны, сорочки, подвязки, словом, необходимые части интимного туалета. Схватив первое, что попалось под руку, девушка принялась стремительно натя-

гивать вещи.

К тому времени, когда Князь снова вошёл в спальню, гостья была уже полностью одета.

– Вот это скорость, – улыбнулся хозяин замка, не удивившись, – я отсутствовал три, возможно четыре минуты.

Девушка, смутившись, не нашлась, что ответить.

– Что ж, моя дорогая, вы справились с задачей, но боюсь, мне всё равно придётся помочь вам с туалетом, – наигранно вздохнул Князь.

– А что не так? – удивилась Дарина и повернулась лицом к зеркалу.

Отражение ответило само за себя. Платье перекошено, из глубокого прямоугольного выреза на груди видна поддетая кружевная сорочка, один рукав, в виде фонарика, задравшись, неуклюже торчит, другой подвернут внутрь. Та ещё картина неуклюжей растрёпанной неряхи.

Подойдя к гостье почти вплотную, Князь потянулся к торчащему рукаву, но не успел его коснуться, как она, вздрогнув, слегка отпрянула.

– Душа моя, – вкрадчивый завораживающий шепот прозвучал прямо возле уха девушки, – не бойся, я всего лишь хочу помочь, и только.

Шумно выдохнув, юная особа недоверчиво поглядела на мужчину, отражавшегося в зеркале позади неё, но противиться больше не стала, и когда он снова потянулся к рукаву, позволила поправить торчавший уголок. Пользуясь безмолв-

ным разрешением, колдун положил руки на талию девушки, настойчиво, но аккуратно одёрнул платье. Затем расстегнул несколько пуговиц на спине, вдетые не в свои петельки, застегнул как требуется, удовлетворенно поглядел на проделанную работу.

Всё это время Дарина стояла неподвижно, иногда забывая дышать. Её завораживали плавные ласковые движения сильного мужчины. А когда он добрался до торчащей из прямоугольного выреза платья кружевной сорочки, бережно заправил ткань, и как бы невзначай слегка коснулся вздымающейся груди тыльной стороной ладони, она задрожала, ощутив легкий трепет. Константин невольно ощутил возбужденное волнение гостьи, прокатившее по его телу ответной волной жара, но сделал вид, будто ничего не произошло. Поддаться желанию, значит загубить проделанные усилия.

– Ну, вот и всё, – проговорил Князь охрипшим голосом, усиленно стараясь взять себя в руки, прокашлялся.

Дарина снова взглянула на отражение в зеркале, и уголки её губ тронула лёгкая улыбка. Юная прелестная девушка, смотревшая на неё теперь с той стороны зеркальной глади, кардинально отличалась от предыдущей растрёпанной особы.

– Теперь вы готовы к тому, чтобы прогуляться по окрестностям моего замка, – сказал Константин.

– Вашего замка? – недоверчиво переспросила гостья.

– Конечно, – улыбнулся Князь, – ведь вы не против?

– А мне даётся выбор? – нетерпеливо произнесла девушка.

– Выбор, – спокойно отозвался мужчина, – есть всегда и у каждого, просто иногда необходимо направлять того или иного человека в правильное русло.

На этот раз Дарина предпочла не спорить. Повернувшись лицом к Константину, готовая последовать на предложенный променаж по замку и местным окрестностям, она вдруг замерла, встретившись взглядом с кудесником, мгновенно ощутив, как тонет в глубинной синеве колдовских глаз. На короткое мгновение у неё перехватило дыхание, пока Князь Ратмиров не предложил руку, прервав гипнотический импульс. Юная особа непроизвольно опустила ладонь на локоть хозяина замка, стыдливо потупив взгляд. Мужчина оказывал на неё престранное влияние, порождал удивительные чувства, эмоции прежде не испытанные. Но главное, она больше не питала страхов, наоборот, девичье сердечко трепетало с доверием и симпатией к новому знакомцу.

Пробираясь по коридорам замка, гостья молча восхищалась красотой созерцаемого. Переводя взгляд от одного диковинного вида к другому, она с удовольствием разглядывала висящие на стенах картины и гобелены, стоявшие на мраморном полу статуи и скульптуры, свисавшие с потолка гигантские люстры. Изобилие фресок и мозаик, сменявших полотна портретов приводили девушку в благоговейный трепет. Никогда прежде ей не доводилось в своей жизни слы-

шать о чём-либо подобном, не говоря о том, чтобы лицезреть это.

Когда же они добрались до библиотеки, и Дарина, войдя внутрь, увидела множество длинных и высоких полок, уставленных книгами, то в растерянности обратилась к Константину:

– Я почему-то знаю, что всё это называется книгами, – взволнованно произнесла она, рукой указывая на полки, заполненные томами и мемуарами, – но всё же не совсем понимаю, что именно это означает.

– Всё в порядке, – успокаивающе улыбнулся Князь, – я передал вам лишь малую часть знаний при заклинании, но ели у вас будет желание, то постараюсь рассказать больше о том, что известно мне самому, и научить вас тому, чем вы заинтересуетесь.

Коротко кивнув, Дарина робко улыбаясь, неожиданно осознав, что она очень любознательна, и проследовала вглубь библиотеки. Помещение оказалось поистине огромным. В дальнем углу стоял большой письменный стол, выделанный из кранного дерева, на котором находились кипы бумаг и чернильница с пером. Приставленное к столу кожаное кресло с резными ножками, дополняло картину интерьера. Неподалеку от мебели вырисовывался здоровенный камин, подле которого располагались ещё два кресла с подлокотниками и удобной высокой спинкой. Посередине комнаты лежал плотный мягкий ковёр из верблюжьей шерсти, а

на больших окнах в виде арок, висели великолепные теневые шторы, которые в данный момент оказались распахнуты, позволяя дневному свету проникать в комнату настолько, чтобы полностью осветить её. В соседнем же углу, напротив письменного стола, находилась тумба, на которой красовался серебряный, выгравированный чудными рисунками, поднос, уставленный хрустальными графинами с жидкостями различных оттенков, а также хрустальные бокалы и стаканы, которые можно было наполнить этими жидкостями.

Изящные предметы посуды привлекли внимание Дарины.

– Что это? – спросила она.

– Напитки, которые возможно по вкусу кому-то будут не очень приятны, зато по составу наверняка завоюют симпатию каждого.

– А мне можно попробовать, – наивно пролепетала гостья.

Князь склонил голову набок, внимательно взглянув на юную особу. Затем, очаровательно улыбнувшись, подвёл к тумбе и, налив в один из бокалов немного жидкости янтарного цвета, протянул девушке. Приняв бокал из рук хозяина замка, Дарина сначала понюхала содержимое. Запах ей понравился, поэтому она без опаски поднесла бокал к губам, сделала большой глоток, и тут же закашлялась. Жидкость обожгла ей горло так, что на глазах выступили слёзы. Девушка в ужасе уставилась на Константина, не переставая при этом кашлять.

– Ох, это яд, – задыхаясь, выговорила она, – а я так глупа,

что сама его попросила!

– Это не яд, – проговорил хозяин замка, протягивая Дарине стакан с водой, – запейте, и тогда станет легче.

Девушка с сомнение поглядела на стакан с прозрачной жидкостью, но всё же взяла его, и разом осушила. Жжение в горле стало утихать, а по телу потекло приятное расслабляющее тепло. В голове немного зашумело, и гостья почувствовала странное умиротворение.

– Если это не яд, тогда почему со мной происходит что-то странное? Я чувствую себя такой лёгкой и свободной, – тихо промолвила она, прикоснувшись рукой к холодному лбу.

Ничего не ответив, Константин взял девушку за руку, и, подведя к креслу подле камина, усадил в него.

– Подождите немного, – сказал он, – через мгновение все чувства вернуться в привычное состояние.

И действительно, не прошло и пары минут, как Дарина почувствовала себя гораздо привычнее. Решив, что пора выяснить причину своего пребывания в замке Тёмного Князя, обратилась к нему:

– Вы обещали поведать мне сегодня, какова причина похищ… вашего внезапного гостеприимства.

Глубоко вздохнув, мужчина поглядел на пытливую юную особу, поморщился. Он знал, что этот момент настанет, но не думал, что так скоро.

– Хорошо, – угрюмо произнёс он, – думаю, вы правы, время настало.

– Время, – неосознанно вторила ему девушка.

– Да, моя дорогая, именно время причина всему. Как вы думаете, сколько мне лет?

Дарина удивилась такому вопросу, но в ответ лишь пожала плечами, и Константин продолжил.

– Мне тысяча сто тридцать три года, и уже восемь сотен лет, из прожитого мною времени, я ищу ту, что поможет разрушить оковы заклятия, ставшего причиной моего одиночества, – хозяин замка принялся мерить комнату шагами, стараясь не глядеть на гостью.

Та же в изумлении распахнула глаза, приоткрыла рот, чтобы спросить что-то, но потом снова закрыла его, так и не решившись что-либо произнести. А Князь тем временем продолжал:

– Когда-то, будучи молодым и не познавшим жизни в полной её красоте, я, с присущим юности пылом, стремился овладеть многими знаниями и ремёслами. Мне всё казалось интересным, притягивающим внимание, удивительным. Но имея властного богатого отца-тирана знатного рода, который не давал ступить и шагу без его дозволения, трудно было воплотить в жизнь мечтания. И тогда, лишь мне исполнился двадцать и один год, я пустился на авантюру. Переодевшись простым крестьянином, я бежал из отчего дома к ближайшему поселению, и там, на все сбережения, которые мне удалось умыкнуть у родителя, купил у местного пастуха отару овец, чтобы уйти с ними на далёкие пастбища, и в другие го-

рода, которые могли дать мне те знания, о которых так грезил.

Целый год бродил я по свету, продавая овец и их шерсть, когда требовались деньги на пропитание и одежду, и за этот год многое узнал, многому научился. Но однажды, моя отара набрела на город под названием Далий, потаённый город, в котором главным ремеслом были магия и колдовство. Не знаю почему, но как только я подошёл к огромным воротам города, они распахнулись передо мной, словно приглашая войти. Не став медлить, я прошёл сквозь арочный свод, ведя за собой небольшое овечье стадо. Но стоило бяшкам оказаться внутри стен града, как все они, до единой, рухнули замертво у моих ног. И в тот же момент я увидел, как мне на встречу идёт прекрасная женщина, одетая в белые одежды.

– Это плата за твоё пребывание в великом Далие, путник, – сказала незнакомка, указывая на мёртвых овец.

– Не слишком ли большая цена, тридцать овец за жалкий момент сомнительного гостеприимства? – последовало слабое возражение.

Женщина лишь рассмеялась в ответ, но затем лицо её стало серьёзным.

– Чего же ты хочешь, странник? – спросила она.

– Обучится ремеслу, которое есть в вашем городе.

– Ремеслу? – удивилась женщина. – А знаешь ли ты, какое именно ремесло процветает в Далие.

Я ответил честно, что не знаю, на что незнакомка снова

рассмеялась.

– Ну, хорошо, – сказала она, – ты получишь то, что желаешь.

Как же глупа и беспечна молодость. Мне действительно позволили остаться в Далие, где за десяток лет я выучился очень многим премудростям алхимии, магии, колдовства и ворожбы. Но как же велико было моё разочарование, когда, наконец, понял, что меня готовили в рабы, служители главной жрицы города, той самой женщины, встретившей меня у ворот.

Поначалу не осознавал того, что меня используют, направляют делать самую грязную работу. Я разрушал города, уничтожал селения, возрождая их снова, но уже с новой верой и храмами для поклонения жрице Далия.

Полностью поддавшись чарам колдуньи, магическому азарту, и в конце концов утратив себя, я был совершенно безразличен к тому, что происходило вокруг. Но шли годы, и мой разум с течением времени прояснялся, пробуждая стыд за содеянное, жалось к павшим от моих рук, боль от разрушений, учинённых мною. И мне захотелось уйти из Далия, покинуть жрицу, предотвратить всё то ужасное, что ещё могло свершиться. Но я не учёл одну важную деталь. Мои желания не имели никакого значения для колдуньи. Она считала меня своей собственностью, рабом, который не мог ослушаться приказа. И как только я попытался покинуть её, она наложила на меня могущественное заклятие, необходимое

для того, чтобы удержать меня подле неё.

Познания в магии, приобретённые за долгие годы обучения, помогли мне уклониться от большей части колдовского наговора, но полностью защититься от него мне не удалось. Поэтому, покинув город, я постарался уйти как можно дальше, и в месте, где мы сейчас находимся, возвёл город с помощью колдовства и защитил его, окутав магическим полотном, сотканным из заклинаний.

Это усилие помогло оградиться от обнаружения жрицей Далия и людьми, служащими ей, но полной связи с этой женщиной не смогло пресечь. Иногда я всё ещё чувствую, что она нуждается во мне, призывает, пытается выманить и снова приручить, и знаю, что это не прекратится, пока заклинание жрицы не будет разрушено.

Выслушав рассказ Князя, Дарина пристально на него посмотрела, а затем спросила:

– Но какова моя роль в сложившейся ситуации?

– Вы – ключ, необходимый мне для исцеления, – искренне признался Константин, глядя в пытливые глаза девушки.

– Ключ? – растерялась та. – И чем же я могу помочь?

– Очень скоро в двух мирах наступит затмение, в моем лунное, в вашем солнечное, подобное явление большая редкость, два мира обретут единство на короткий срок. Вам к этому времени необходимо не утратить невинность и доброту души, – пояснил хозяин замка. – В назначенный срок, останется только произнести заклинание, оно разрушит ча-

ры жрицы.

– Но я не знаю заклинаний, не владею магией, – пролепетала гостья.

– Этому не сложно научиться.

– Все что от меня требуется, произнести необходимое заклинание? – недоверчиво переспросила Дарина, потирая кончиками пальцев пульсирующие виски, стараясь уменьшить нарастающую мигрень.

– Да, – кивнул мужчина. – Но, увы, не все так просто…

– Почему? – выдавила та.

– Душа…, – Константин замялся.

– Что не так с душой?

– Усложняет задачу состояние вашей души.

Девушка нахмурилась, теряя смысловую нить разговора.

– Дело в том, – старался разъяснить Князь, попутно наблюдал за реакцией гостьи, – что на момент нашей первой встречи, ваш внутренний мир излучал невероятный свет доброты, чистоты, доверчивости. При повторной встрече многое поблекло, и я отчетливо ощутил надломленность душевных чувств. Сейчас причина известна, от чего безмерно сожалею, что я не вовремя… не предотвратил… случившегося.

Дарина смотрела на Князя в полном недоумении. Видя её растерянность, тот продолжал:

– Не думайте, что первое столкновение с вами произошло минувшей ночью. Я видел вас раньше, бегущей в сумерках

по дороге меж полями. Мои поиски спасения начались уже давно, приходилось бродить по мирам, тратя бесчисленное количество сил и времени. А когда надежда почти угасла, небо сжалилось и послало мне вас.

– Значит, туман не был видением… – прошептала Дарина, внезапно вспомнив сумерки спускающейся ночи, отцовский выговор, поле, стремление к спасительному сеновалу и призрачный силуэт мужчины в туманном облаке, двигающийся на встречу.

– Туман? – настороженно спросил хозяин замка. – В ту ночь вы видели туман?

– Не знаю, – пролепетала гостья, сосредотачиваясь,– облако походило на туман, медленно плывущий, а по центру силуэт человека. Но тогда мне подумалось, что это от страха разыгралось воображение и образ просто почудился.

Князь улыбнулся, сильнее уверившись в подлинности находки. Если избранница смогла разглядеть его под оболочкой заклинаний, помогающих скрыться от посторонних глаз, значит высокие ставки на сделанный выбор оправдаются.

– Так, по-вашему, теперь я нечиста? – потупив глаза, Дарина резко сменила тему.

От брошенной фразы, улыбка на лице Константина мгновенно завяла, брови сошлись на переносице, добавив хмурому виду немного угрюмости.

– Послушайте, моя дорогая, – спокойный тон мужчины скрывал его истинные чувства, – чистота и непорочность

слегка поблекли, но остались при вас, невзирая ни на какие обстоятельства, ибо я говорю о невинности духовной. Вы не стремитесь к мести, не желаете никому дурного, но горечь и обида все же закрались в ваше сердечко. Откажитесь от них, сберегите жизнелюбие, доброту, всепрощение, ведь это сильнейшее оружие против злого и порочного в мире.

Дарина молчала, понимая о чём толкует колдун, но легче от этого не становилось. Упомянутая горечь, словно противный слизкий червяк, действительно притаилась в сердечке несчастной и точила его, вызывая щемящую боль при каждом воспоминании о мерзкой сцене её растления.

Напряжение возрастало. Князь чувствовал гнетущую атмосферу, поэтому, желая сменить обстановку и настроение, быстро протянул девушке руку, попутно спросив:

– Вы позволите проводить вас в сад? Уверяю, он придётся вам по вкусу.

– В сад? – удивилась гостья. – А как же книги? Вы хотели объяснить их значение.

– Так оно и было, – признался хозяин замка, – но теперь вижу, что не время для этого. Вам необходимо слегка развеяться. Сложившийся разговор оказался слишком утомительным.

С этим девушка не могла не согласиться, поэтому противиться не стала. Позволив Константину помочь ей подняться, последовала за ним по широкому коридору, ведущему к выходу в сад.

Место, называемое садом, оказалось удивительно необыкновенным. Длинная извилистая тропинка, по которой прогуливались Князь со спутницей, пролегала вдоль загадочных деревьев, увешанных странными неведомыми вытянутыми, скрюченными, в пупырышке и даже с пушком плодами, бордовыми, фиолетовыми, бело-оранжевыми цветами, листва и та имела непривычный сине-зелёный оттенок с красными прожилками. Между деревьев стелился по земле голубоватый дымок, местами клубившийся, заворачиваясь в причудливые узоры и казавшийся гуще обычного. Солнечному свету, пробивавшемуся сквозь древесные кроны, не хватало сил рассеять туманное чудо колдовской природы. Повсюду слышалось не знакомое, но приятное заливистое щебетание птиц. Порхали крохотные мотыльки со светящимися поблескивающими крылышками.

Постепенно, с каждым следующим шагом, к Дарине возвращалось спокойствие и умиротворение. Она с большим интересом разглядывала новые невиданные ранее древа, растения, насекомых. Но лишь до тех пор, пока её внимание случайно привлекло движение кого-то или чего-то, прятавшегося меж древесных ветвей и стволов. Она крепче схватила Константина под локоть, инстинктивно прижавшись к нему. Остановилась, озираясь по сторонам, поморщилась.

– Что вас обеспокоило, душа моя? – поинтересовался мужчина.

– Наверное, показалось, – сказала юная особа, продолжая

всматриваться вглубь сада.

– Что именно? – Князь проследил за её взглядом.

– Не знаю, что-то белое, полупрозрачное… Оно за нами наблюдает.

Константин слегка улыбнулся, потянул девушку вперёд, продолжив медленно следовать по тропе.

– Не нужно тревожиться, душа моя, – привычно спокойным тоном проговорил он, – это безобидные существа, потерянные души, призраки, обретшие приют и убежище в Саду Грёз.

– Потерянные души? – испуганно переспросила гостья, ещё теснее прижавшись к спутнику.

– Да, – ответил Князь, позабавившись реакцией девушки. – В разных мирах, разные существа, но потерянные души есть везде, обычно они не видны человеческому глазу, но только не в этих местах. Бывает так, что тело гибнет, а душа остаётся на земле, не сумев уйти в потусторонний мир, царство мёртвых, чтобы начать цикл перерождения, и тогда, мучась, обрекается на скитания. Однажды повстречав несчастного, измученного скитаниями призрака, я пожалел его и сотворил Сад Грёз, ставший бедолаге пристанищем. Позже и другие духи нашли здесь свое место, в обмен на некоторые услуги с их стороны.

– Вы используете нуждающихся… духов в своих целях? – охнула Дарина, слегка отстранилась.

– Не часто и только по согласию, – ответил Константин. –

В Саду Грёз им легко, спокойно, здесь они счастливы, поэтому, в благодарность, иногда выполняют некоторые из моих просьб.

Сказанное хозяином замка успокоило девушку, позволив немного расслабиться и продолжить путь. Тропинка тянулась вперёд, удаляясь дальше в глубь сада, который, казалось не имел конца и края.

Немного позже прогуливающаяся пара вышла к небольшому озерцу, круглой формы, усеянному белыми и жёлтыми цветущими кувшинками. Два чёрных лебедя грациозно плавали по зеркальной глади воды. Более крупный из них встрепенулся, выпрямил длинную шею, расправил крылья, замахал вверх-вниз, задевал, разбрызгав озерную воду. В это же мгновение на берегу стали появляться призраки, так тщательно, до этого, скрывавшиеся за деревьями. Сущности приобрели форму человеческих тел, взялись за полупрозрачные руки, и стали водить хоровод вокруг озера. Их белые одежды плавно раскачивались на лёгком тёплом ветру.

– О, это волшебно! – восхищённо воскликнула Дарина.

– Они приветствуют тебя, – проговорил Князь, а затем внезапно наклонился и прильнул к устам девушки.

В нежном, лёгком поцелуе не ощущалось намёка на огненную страсть, и всё же гостья затрепетала, подалась вперёд, бессознательно прильнув к Константину, положив тёплые ладони на его могучую грудь. Наслаждение лаской заполняло её, но неведомый страх, закравшийся в девичье сер-

дечко, всё же заставил прервать поцелуй и отпрянуть от мужчины, вызвавшего бурю смешанных чувств.

– Почему вы целуете меня? – голос девушки предательски дрожал.

– Прости, но я не в силах удержаться, – улыбаясь, ответил Князь, – в лучах утреннего солнца ты обворожительна.

От подобных слов, сердечко Дарины застучало сильнее. Она вдруг заметила в стоявшем перед ней мужчине странные, почти неуловимые изменения. Но это не напугало, даже наоборот, понравилось. Словно вот только что между ними протянулась невидимая связывающая нить, не существовавшая раньше.

Связь действительно образовалась, хрупкая, неустойчивая, но способная на развитие. Касание поспособствовало её возникновению так, как и было изначально задумано. Поцеловав избранницу в момент ритуального танца духов, колдун укрепил положение девушки в новом для неё мире. Но Константин не учёл одной важной детали. Прикосновения к этому земному созданию, снова вызвало в нём неземные ощущения. Почувствовав, что желание переходит за рамки дозволенного, он даже обрадовался, что Дарина отпрянула, не позволив развиться дальнейшим событиям. Ещё не пришло время, и не потому, что он не хотел её, а потому, что она не была готова принять его. Познавшая боль и слишком напуганная, теперь несчастная не могла так просто принять факт, что близость мужчины не принесёт новых нестерпимых му-

чений. В невинном создании чувствовалась женственность и страсть, которой девушка ещё не понимала и не распознавала, поэтому она, то тянулась к Константину, неосознанно отдавая себя во власть чувств, то отталкивала его, пугаясь нахлынувших ощущений.

Князь видел её терзания, сомнения, нерешительность и не хотел торопить события. Действия и так слишком быстро набирали обороты, поэтому необходимость в некоторых ситуациях соблюдать дистанцию и проявлять терпение, увеличивалась. Но Бог свидетель, с каждой минутой, проведённой рядом с Дариной, ему гораздо труднее удавалось держать себя в руках.

– Не сердись, душа моя, ведь это поцелуй перед временным расставанием, – тихо проговорил мужчина.

– Расставанием? – встрепенулась гостья, в глазах промелькнуло удивление, сменившееся с огорчением.

– Тебе необходимо вернуться домой, в Великий Новгород, – подтвердил он.

Теперь уже в глазах девушки читался неподдельный страх.

– Но как же? – заупрямилась она. – Ведь я должна помочь тебе, я – ключ, необходимо учить заклинания, познать книги…

– Всё будет, но пока необходимо вернуться, – твердил Князь.

– Но почему? – взмолилась девушка.

– У тебя нет полной свободы, – пришлось признаться, другого выхода не было.

– Не правда, я абсолютно вольна решать сама за себя!

– Да, но не в мире магии, – вздохнул колдун. – Ты сказала, что отец заключил сделку с палачом, продав тебя ему.

– И что с того? – пожала плечами девушка, мысленно содрогнувшись от печального воспоминания.

– Теперь ты принадлежишь человеку, купившему тебя, а значит должна пока вернуться к нему, – хмуро выдавил из себя Константин, зная, что выбора нет.

– Это жестоко! – в бессилии закричала Дарина. – Зачем же тогда нужно было забирать меня в этот мир, давать надежду? Зачем нужно было уговаривать, рассказывать…

Голос девушки дрогнул, сорвался, из глаз брызнули слёзы отчаяния, она закрыла лицо руками. Но как больно ни было Князю принять решение, необходимо оставаться непреклонным во имя спасения обоих.

Он приблизился к несчастной, обнял за плечи, притянул, ласково провел ладонью по щеке.

– Прошу тебя, душа моя, не надо так огорчаться, – нежно, сочувственно проговорил он, – тебе абсолютно нечего страшиться.

– Я не вынесу снова того позора, – всхлипнула Дарина, перед глазами возник образ обезумевшего Гордея.

– Никто и ничто больше не причинит тебе вреда, – уверил колдун.

Девушка вскинула голову, и глазами полными слёз, посмотрела на человека, которого теперь считала спасителем. Похитив несчастную, он спас её в роковую ночь, когда она должна была учинить саморасправу. Осознание пришло ещё раньше, но признание факта наступило только сейчас, наполнило сердце теплом и благоговением.

– Я верю тебе, – прошептала невеста палача.

– Хорошо, – с трудом выговорил Тёмный Князь, на душе скребли кошки. – Скоро я снова приду за тобой, а пока закрой глаза, и не открывай, пока не почувствуешь, что меня больше нет рядом.

При этих словах сердце девушки болезненно сжалось, но всё же, в последний раз, заглянув в кобальтовые глаза спасителя, Дарина крепко зажмурилась, а когда открыла веки, обнаружила, что находится в доме Гордея в малой комнате, возле своей лежанки.

Хозяина нигде не было видно, но стоило только подумать, что его нет дома, как дверь резко распахнулась, на пороге показался палач.

Девушка вздрогнула, внутренне сжалась, но Гордей не спешил заходить внутрь. Стоя в дверях, внимательно разглядывал невесту.

– Вернулась, – наконец послышался едва уловимый шепот облегчения. Затем нахмурившись, мужик повысил голос, – Что это ты чудн*о* так наряжена?

Не сразу поняв, о чём идёт речь, Дарина опустила глаза,

посмотрела на своё одеяние. К удивлению, на ней по-прежнему оставалось надето голубое платье из гардероба Замка Теней. Оторопев, юная особа не нашлась что ответить, а только молча стояла, наблюдая за реакцией палача.

Не дождавшись от девушки ни слова, тот хмыкнул, и, продолжая хмуриться, прошёл внутрь дома, уселся за стол.

– Присядь, Даринка, – скомандовал Гордей, глядя на сложенные в замок руки, лежащие на столе.

Движимая страхом, Дарина медленно, осторожно приблизилась, но садиться не стала. Видя неповиновение невесты, мужик занервничал, но настаивать не стал, и, помолчав, тихо произнёс:

– Ты не серчай на меня за поступок необдуманный, тошно мне было, вот и набросился на тебя. Всё ж невеста ты мне, жена будущая, кому как не супружнице утешать в горе мужа своего.

Раскаявшись в содеянном, Гордей совсем поник головой. Сколько себя помнил, он всегда имел крутой норов, был вспыльчив, ревнив и самоконтролю почти никогда не поддавался, особенно в минуты приступов безумия. Горько сожалел он потом о совершенных поступках, но сожаление проходило быстро, а на его место приходила твердая уверенность в собственной правоте, в том, что, если что случилось, значит, так тому назначено свыше.

Дарина ему нравилась, нисколько не жалел, что купил девку, но жениться пока на ней не мог, не позволяли обстоя-

тельства, утаённые от Угрима, да от будущей невесты. А заключались обстоятельства в том, что Гордей женат на покойнице.

Прежнюю жену он не любил, часто бил её, но развода не давал. Однажды так избил несчастную, что та скоропостижно скончалась. Чтобы утаить грех, убийца поджог дом вместе с телом усопшей супруги и подался в бега.

Остановившись на ночлег в одном из селений, через которое пролегал путь его бегства, услышал, что в Великом Новгороде требуется на службу палач. Никто на эту должность не зарился, а для него сейчас любой заработок подошёл бы, тем более, палачом быть дело не сложное, точи топор, да руби головы.

Отправившись на следующее утро в город, он получил желаемое место работы. К тому же ему предоставили место для жилья, захудалый домишко, ранее принадлежавший прежнему покойному палачу, не имевшему никого из родни.

Такого поворота судьбы Гордей никак не ожидал. Желая отметить столь удачное стечение обстоятельств, он отправился в кабак, где и встретил Угрима. Разговорившись за очередной кружкой пива, тот принялся хвалиться родной дочерью, рассказывая, какая она умница да красавица. Но, невзирая на все достоинства девицы, мужик страшно ненавидел её и желал избавиться от несносного создания. Тогда Гордей предложил отдать дочь ему в жёны. И мужик согласился, но только не отдать, а продать за незначительную сум-

му. На том и порешили.

Впервые увидев будущую невесту, палач удивился тому, что она ещё в девках ходила, ведь такую красавицу надо хватать, да бежать галопом, чтоб другому не досталась. Поэтому он, не раздумывая, отдал уговоренную сумму нерадивому отцу, и сразу же забрал то, за что уплачено. Видя, что несчастная до смерти напугана всем происходящим, решил пока не прикасаться к ней, дать обвыкнуться, смириться с неизбежной участью. Но вся сложность задуманного заключалась в том, что он возжелал её с первого момента, как только увидел, и эта страсть крепла, росла день ото дня, становясь неконтролируемой.

Пытаясь заглушить животное вожделение к той, которая неожиданно пришлась по сердцу, Гордей старался пораньше уходить, поздно возвращаться домой, пропадая на службе. А трудиться на новом поприще ему нравилось. Пусть серьёзной кары пока не приходилось проводить, в Великом Новгороде смертная казнь явление не частое, но вот порка в наказание, или сечка кнутом, это дело обыденное. Но так не могло продолжаться постоянно, и когда, в очередной раз, явившись на служебный пост, ему сообщили, что на закате необходимо казнить мужика, обвиняемого в разбое, посредством отсечения головы, палач воспринял сообщение спокойно, словно ранее уже головы людям рубил.

На закате, полный решимости убить человека, Гордей отправился в болотистые окрестности, на готовище размечен-

ное для свершения казни. Но увидев обвиняемого, жалкого хилого мужичка в оборванных лохмотьях, которого держали под связанные руки два иноземца, ощутил дрожь в коленях, на лбу выступил холодный пот, сомнение закралось в душу. Подойдя ближе, он стал внимательнее рассматривать осужденного, и совсем не ожидал, что тот вдруг запрокинет голову, злобно оскалится, выставив на обозрение редкие гнилые зубы, и плюнет прямо в лицо «несущему смерть». Это действие разбудило дремавшего в палаче зверя. И как только осуждённого поставили на колени, склонили голову, его убийца, с размаху, нанёс чудовищный удар топором по обнаженной шее. Голова разбойника отскочила, откатилась, упав в нескольких метрах от безжизненного тела. Из открытой раны хлынул горячий поток багрово-алой липкой крови, замарав виновников в смерти казнённого.

По уставу умерщвлённое тело необходимо придать земле. Когда Гордей бросил последнюю горсть чёрной почвы на холмик первой жертвы, пожелав схоронить казнённого самостоятельно, пик его раздраженного возбуждения достиг такого уровня, что он уже не владел собой. Необходимо было найти выход скопившейся энергии и срочно.

Окончив дело, палач незамедлительно отправился домой, где обнаружил несчастную Дарину, у которой силой отобрал невинность, что едва не погубило ее, во имя собственного спасения.

Теперь он понимал, какую боль причинил невесте, но ви-

ны за собой не чувствовал, потому как жене, пусть и будущей, положено делить ложе с супругом.

Мысленно оправдавшись, уверовав в собственные суждения, палач поднялся с места, потянулся к девушке.

Беззащитное, перепуганное хрупкое создание, осознав, что ей грозит новая опасность, в бессилии попятилась назад.

– Полно те противиться, на сей раз ласков буду, – хриплым голосом проговорил Гордей, наблюдая за бессмысленным отступлением невесты. – Вину заглажу я, Даринка… будучи нежным. На супружеском ложе много радости, вот увидишь.

Не слушая медовых обещаний, девушка продолжала пятиться, чувствуя возрастающий страх, панику, крик, подступивший к горлу, готовый сорваться с уст. Отступала недолго, уперлась спиною в твердую стену. Мужик воспользовался её затруднением, бросился вперёд, схватил за плечи, рванул на себя. Несчастная охнула и затрепетала от ужаса. Но стоило Гордею склониться, жадно припав к манящим устам, нечто неведомое подхватило его, с небывалой силой швырнула в противоположную стену так, что тот, ударившись, рухнул на пол, потерял сознание.

Не веря своим глазам, Дарина уставилась на мужика, распростертого на грязном полу. В одно короткое мгновение пришло осознание, что именно Константин имел в виду, обещая полную безопасность в любой ситуации. Отныне тревожиться оставалось лишь о текущем вперед времени, о воз-

можности увидеть Темного Князя, посеявшего в её душе семена надежды, и о проросших из семян нежных чувствах, питаемых образом колдуна.

Глава 6

Ожидание постепенно становилось абсолютно невыносимым. Предыдущий день сменял новый, но такой же безрадостный и одинокий. Надежда Дарины на то, что Князь вернётся за ней, постепенно угасала, а веру в случившиеся чудесные события сохраняло лишь изысканное голубое платье, надежно спрятанное под койкой, да то обстоятельство, что Гордей больше не смел прикасаться к ней, опасаясь новой встряски.

Стремясь немного развеять, поселившиеся в голове мрачные мысли, девушка решила отправиться на рынок, погулять меж торговых рядов, поглядеть, что творится в мире. Взяв с собой плетёную корзинку, вышла из дому и пошла вдоль улицы. Солнечный, пропитанный весенним тёплый день, подстёгивал её, пробуждая радостные эмоции. Она замедлила шаг, прислушиваясь к щебетанию птиц, гудению пчёл, вдыхая аромат цветущих деревьев, витавший в воздухе.

На самом же рынке царила обыденная суматоха. Торговцы зазывали посетителей, каждый к своей лавке, нахваливая товар, красочно расписывая достоинства той или иной вещицы. Дарина любопытно, с большим интересом рассматривала различные предлагаемые изделия. Монет на покупки не имелось, но ведь она и не за этим на рынок пришла. Де-

вушке нравилось глядеть на людей, на то, как они суетятся, бегают, усиленно стараются сбагрить содержимое прилавков заинтересованным скупщикам.

Протиснувшись в ряды с посудой и глиняной утварью, расписанной под гжель и хохлому, девушка пошла дальше, на ходу любуясь вычурностью рисунков. Она так увлеклась, что не заметила, как вышла почти на край рынка, недалеко от которого располагалась проезжая часть.

В то же мгновение вблизи раздался топот копыт, и не успела Дарина опомниться, как на неё налетела взбешённая лошадь иноземца. Перепуганная до смерти девушка, защищаясь, выбросила вперёд обе руки, попытавшись загородиться от огромного животного. И в тот момент, когда копыта лошади были готовы обрушиться на несчастную, скотину что-то затормозило, рвануло в сторону, бросив на пыльную землю. Животное жалобно заржало, повалившись на бок, но быстро сориентировавшись, побарахталось и снова вскочило на ноги, потеряв при этом седока, распластавшегося на земле. По всей вероятности, упавший, от удара, потерял сознание.

Дарина в изумлении распахнула глаза, уставившись на содеянное, не в силах понять, что натворила. Немного придя в себя, по озиралась вокруг, с ужасом понимая, что привлекла слишком много ненужного внимания. Ранее суетившийся по близости народ, таращился на стоявшего подле распластанного тела иноземца, хмельного от удара, храпевшего коня, хватающего воздух запененным ртом. Кое-где стали слышны

шепотки встревоженных голосов наблюдателей:

– Даже не коснулась…

– Швырнула животину словно тряпичную куклу…

– Небось ведьма…

Народ шептался, но приближаться к виновнице инцидента не решался. Поэтому, воспользовавшись замешательством окружающих, та бросилась на утёк. Следуя инстинкту самосохранения, она бежала вперёд, не разбирая перед собой дороги, пока гул позади не стих, а дыхание не стало шумным и прерывистым от спешки.

Что же происходит? Неужели Князь Константин магической силой огородил её от всех возможных напастей? Но на людях такое показывать немыслимо! Они боятся неизведанного, чураются непознанного, огораживаются от всего, что чуждо, что может представлять опасность для них. Если увиденное перевернётся на неверный лад, то повлечет за собой большую беду.

Мысли, роившиеся в голове Дарины, преследовали её до самого дома. Зайдя в помещение, она поставила на пол пустую корзинку и присела на скамью, не обратив внимания на то, что за ней наблюдают из соседней комнаты.

– Чем раздосадована, голубка?

Раздавшийся в тишине мужской голос, вывел девушку из ступора, прервав размышления. Она подняла глаза, посмотрела на говорившего, откровенно удивившись ласковому тону. Гордей прошёлся по комнате, стал перед невестой.

– Ну, что молчишь? – в интонации появились требовательные нотки.

– Просто немного устала, вот и всё, – быстро пролепетала Дарина, стараясь не выдать рассеянного состояния.

– Куда ходила?

– На рынок, – ответ прозвучал сухо, что не понравилось палачу.

– Отчего ж корзинка пуста? – мужик вопросительно изогнул бровь. – Ничего не приглянулось?

– Приглянулось, – послышалось слабое возражение, – только без монет я ходила.

– Что же у меня не попросила? – сильнее нахмурился Гордей, подался вперёд, стараясь лучше рассмотреть выражение лица невесты.

– Прав на то не имею, – опуская глаза, вымолвила та.

– От чего же? – не унимался палач.

– От того, что не жена, клянчить не буду, – сказала Дарина, а затем поспешно добавила, – и такое положение меня устраивает.

– Тебя может и устраивает, а вот меня нет, – хмыкнул мужик, и рот его исказило гадкое подобие улыбки.

Девушка вопросительно посмотрела на Гордея, чувствуя, как в душе поднимаются непонятные ощущения, с лидирующей тревогой.

– Я, голубка, о том толкую, что в невестах тебе не пристало ходить боле, – пояснил тот, – по сему уговорился с попом

местным о венчании в Софийском соборе.

Услышанное повергло Дарину в ужас, сердце несчастной с силой стукнуло о грудную клетку и ухнуло куда-то вниз. Глаза широко распахнулись, а рот слегка приоткрылся. Не каждый мог позволить себе обряд венчания в церкви, это считалось небывалой роскошью, убийца и подавно. Да и как же палачу в церкви венчаться?! Богохульство! Но Гордей видимо решил поступиться правилами, значит возымел серьезные намерения, спасения ждать бессмысленно.

Растолковав реакцию невесты по-своему, палач довольно ухмыльнулся:

– Гляжу тебе известие по нраву. Погоди, Даринка, это ещё не всё!

Развернувшись, палач проследовал в смежную комнату. Вернулся, держа в руках сверток средних размеров, подал нареченной. Та бессознательно протянула руки, взяв предлагаемое, медленно, непослушными холодными пальцами, развернула сложенную ткань. Взору открылась передняя часть аккуратно сложенного подвенечного платье из красной парчи и кокошник, украшенный мелкими, поблескивающими перламутровым светом, жемчужинками. Но радости увиденное не доставляло, наоборот, в груди болезненно саднило от недоброго предчувствия.

– Дорогой наряд, – бесцветно выговорила девушка.

– Ничего не жаль для тебя, Даринка, – довольно проворковал мужик, не обращая внимания на мрачный тон юной

особы. – Я с купчихой одной сторговался, хоту, чтоб ты ещё краше стала, чтоб каждый глядя на тебя, лопался от зависти, мол, вон палачу диво какое досталось.

Дарина молчала, собираясь с духом, затем низко опустила голову, едва слышно проговорила:

– Я не могу принять подарка.

– Как же? – вспыхнул мужик.

– Не могу, от того, что замуж за тебя не выйду.

Стоя молча, переваривая услышанное, Гордей с глупой гримасой смотрел на невесту, ощущая, как закипают гнев и ярость, угрожая выплеснуться наружу. Лицо его сперва страшно побледнело, затем побагровело, губы посинели от злобы.

– Как так не пойдёшь за меня? – зарычал он. – Не было такого уговора с отцом твоим! Да и ты сама знаешь, что уже жена мне, дело только за венчанием осталось! А откажешься, позора не оберёшься! Бежать некуда, все одно – вернешься.

Палач прав, невинность утрачена, и если отказаться от свадьбы по законам людским и Божиим, то позор на голову ляжет. Не докажешь, что вины её нет в том. Один лишь Константин не видит греха в ней, но колдун далеко, слишком далеко, чтобы защитить от позора. Спрятаться бы, да не куда. Но палача назвать законным супругом страшно, страшнее смерти.

– Не могу, – тихо застонала Дарина, чувствуя, как дрожат руки, отложила подвенечный наряд в сторону.

Гордей с холодной яростью наблюдал за движением невесты. Издав нечеловеческий гортанный хрипящий звук, он резко наклонился, схватил несчастную за плечи, рывком поставил на ноги. Вперившись девушке в лицо налитыми кровью глазами, с силой ударил по щеке так, что голова её запрокинулась.

– Ты моя собина, слушать должна наказ мой, и судьбу твою мне вершить! – заорал палач, но вдруг осекся, увидев на щеке девушки красный пятипалый след, разгоревшийся алеющим пятном.

Протянув огромную ладонь к месту удара, остановил в нескольких сантиметрах от пылающей кожи, сжал в кулак. Дарина молча наблюдала, боясь вымолвить слово. Где же магическая защита Темного Князя, доселе оберегавшая её? Исчезла? Значит подмоги ждать неоткуда, она совершенно беззащитна.

Осознав безысходность ситуации, девушка оцепенела, постаралась скрыть ужас, овладевший разумом, не став брыкаться, кусаться, делать бессмысленные попытки вырваться. Сквозь горькие слёзы, повисшие на густых ресницах, она укоризненно смотрела на человека, жестоко обошедшегося с ней, и под этим взглядом Гордею стало не по себе.

– Полно, – хрипло выдавил он, – чего напирать, обвыкнись с мыслями… Как решишься – повенчаемся. Да не затягивай, не терплю долгих раздумий.

Отпустив невесту, палач выскочил на улицу, с грохотом

захлопнув дверь.

– Где же ты, Князь? – пробормотала Дарина, села на скамью и горько заплакала.

Глава 7

Войдя в библиотеку, Константин почувствовал неладное. Оглядевшись, проследовал к тумбе с напитками, наполнил бокал коньяком, в надежде, что напиток подействует расслабляюще на раздраженный взволнованный разум.

Придерживая хрустальный сосуд с янтарной жидкостью под донце, пропустив короткую ножку меж пальцев, Князь размышлял о Дарине. Навязчивые мысли об этой девушке не давали ему покоя, особенно пару последних дней. Осознание необходимости срочно забрать избранницу обратно в его мир, давило на совесть. Он знал, защитное заклинание ослабло, и та осталась практически беззащитна. Но колдун так же знал о надвигающейся беде, почти добравшейся до порога Амбра Каструм.

– Я бы тоже не отказался от того зелья, что у тебя в бокале, – приятный бархатистый голос принадлежал мужчине, сидевшему в кресле у разожженного камина. Константин только сейчас заметил его присутствие, понял откуда родилось неприятное предчувствие.

– Домитиан, – тон хозяина замка остался спокойным, не выдав раздражения, – это ты.

– Как-то не радостно встречаешь старого друга, – обиделся незнакомец.

– Старого друга? – презрительно хмыкнул Князь. – Может

предателя? Зверушку Каллиды другом назвать сложно.

– Не стоит поносить доброго имени.

– В твоем имени не осталось ничего доброго. Зачем ты здесь? Как я понимаю, Каллида наконец выследила меня, что ж сама не явилась? Почву прощупывает?

– Каллида не знает, что я здесь, и о том, что нашёл тебя, ей тоже неизвестно, – бесстрастно выговорил Домитиан.

Константин не поверил сказанному, но сделал удивленный вид. Наполнив ещё один бокал коньяком, он приблизился к незваному гостю, протянул хрустальный сосуд.

– Что же, если не твоя хозяйка, послужило причиной неожиданного визита?

– Предположим, – Домитиан принял бокал, сделал большой глоток, приятно согревший горло и желудок, – я решил спасти твою шкуру.

– Как великодушно, – саркастически выговорил хозяин замка. – Позволь поинтересоваться, зачем тебе это надо?

– Затем, – пояснил знакомец, – что не имею желания отодвигаться на второй план. Тебе прекрасно известно, Каллида забудет про меня, стоит вернуться её любимому полководцу.

– Тогда, почему просто не убить меня? – Князь с ледяным спокойствием говорил о смерти, рассматривая янтарную жидкость на дне хрустального бокала.

– Не в моих правилах ставить палки в собственные колеса. К тому же, тебя не так просто убить, – Домитиан поерзал в кресле, затем с ироничной улыбкой добавил, – Когда-то мы

с тобой были добрыми приятелями, я этого не забыл.

– Рад слышать, – на лице колдуна не промелькнула и тень улыбки. – Тогда может откроешь тайну, как тебе удалось разыскать меня, после стольких лет?

– Всё очень просто. Ты применил заклинание пространственного перемещения через коридоры межмирья к живой сущности, что создало энергетический резонанс, – хмыкнул собеседник. – Пока ты гулял по мирам в одиночку, а я предполагаю, что ты это делал, то мог оставаться невидимкой для моей поисковой магии, но стоило тебе…

– Ясно, – перебил знакомца Князь. – Аура не защищенного колдовскими чарами существа порождает энергетические вибрации в пространстве межмирья. Как я мог об этом забыть?

– Теряешь хватку, – Домитиан сделал очередной глоток обжигающего напитка, после чего скривил губы в ехидной улыбке.

– Допустим, – кивнул Константин, – Но как ты проник сквозь стены Замка Теней, защищенные сильнейшими магическими наговорами?

– Признаюсь, изначально возникли крупные сложности, – незваный гость тяжело вздохнул. – Но затем я вспомнил твои уроки, ведь когда-то ты был мне хорошим наставником, примером для подражания. Это помогло создать пару тройку заклинаний, благодаря которым нашлась лазейка, крохотная прореха в защитном куполе, именно ею мне удалось восполь-

зоваться.

Хмурясь, Тёмный Князь поднёс хрустальный бокал к губам, сделал солидный глоток коньяка, взглянул на камин. Краснеющие угольки дотлевали в середине очага. Чтобы огоньки не угасли окончательно, колдун щёлкнул двумя пальцами и лёгкое золотистое пламя вспыхнуло, с удвоенной силой заплясало на каменистой платформе.

– Что ж, – выдохнул хозяин замка, меняя тему разговора, – выкладывай план «спасения», раз уж ты за этим пришел.

– Я пришел всего лишь предупредить тебя, в этом заключался план, – отозвался Домитиан. – Рано или поздно Каллида узнает о находке, долго мне не удастся скрывать от неё свои мысли. Когда она явится сюда, ты будешь готов. Конечно, можешь снова избрать путь бегства, но это решение не логично. Раз уж отыскать тебя удалось один раз, то… подумай сам.

– Я оценил твой жест, Домитиан, – в голосе колдуна снова послышалась ирония.

– Не стоит благодарности, – съязвил знакомец, – в конце концов я делаю это для собственной пользы. – Помолчав, он добавил. – Интересно, кто или что могло заставить тебя рискнуть собственной безопасностью, вынудить переправить сквозь межмирье?

– Не твоего ума дело, – проговорил Князь, – к тому же, тебе пора идти, ты прекрасно знаешь, жрица Далия не любит

долго ждать.

– Каллида многого не любит, – неприязненно поморщился Домитиан, – но ты прав, мне действительно пора. А знаешь, как ни странно, я был рад повидаться.

– Извини, не могу сказать того же, – в голосе Константина звучала сталь.

– Ну что ж, как знаешь. Я потружусь, немного потяну время до того, как расскажу Каллиде о Замке Теней, но вечно это длиться не сможет.

– Прощай, Домитиан, – произнес колдун, желая поскорее избавиться от непрошенного гостя.

– Нет, Константин, скорее до свидания, – загадочно сказал тот, затем прошептал заклинание перемещения в пространстве, щёлкнул пальцами и растворился в воздухе.

Вобрав в лёгкие воздух, и с шумом выдохнув, Темный Князь снова взглянул на пляшущие язычки огня в камине. Он понимал, что прислужник жрицы Далия в действительности сделал ему большое одолжение. Встреча с Каллидой неизбежна, но отсрочить такое событие не помешает. В данный момент главное заключалось совершенно в другом. Сосредоточиться необходимо на Дарине. Вечером он скользнёт в коридоры межмирья, чтобы забрать избранницу в Амбра Каструм. На кон поставлено слишком много, необходимо торопиться.

День клонился к завершению, близился закат, вынуждая,

побагровевшее от натуги солнце, закатываться за далёкий горизонт. В дверь негромко постучали, и Дарина буквально подпрыгнула на месте от неожиданного звука.

– Кто там? – рассеяно спросила она.

Ответа не дали, но стук повторился.

Не став допытываться, тихонько подкравшись к двери, невеста палача взялась за ручку, потянула на себя, не ожидав увидеть стоявшего на пороге, Тёмного Князя Ратмирова, облаченного в длинный плащ чёрного цвета и широкополую шляпу, затенявшую мужественное лицо.

– Константин, – выдохнула девушка с облегчением, поспешно перешагнула через порог, бросилась к нему, встала на цыпочки, обняла за шею, тесно прижалась к твёрдой груди.

Мужчина в ответ стиснул её в своих объятиях, вдохнул знакомый аромат полевых цветов, ощутив, как радостно забилось сердце.

– Здравствуй, душа моя, – проговорил с нежностью.

– Где же ты так долго пропадал? Отчего не приходил за мной? – пролепетала та, уткнувшись лицом в надёжное плечо.

– Не мог, – обречённо выдохнул колдун, крепче прижимая трепетавшую в его руках девушку.

– Но почему? – не унималась та.

– Необходимость заставила медлить…

– Но теперь заберёшь меня? – тихо спросила Дарина, с

надеждой заглянув в глаза спасителя.

– Безусловно, – подтвердил тот, с натугой добавив, – Но, увы, пока не насовсем.

– Не на совсем? Как же? Гордей венчание задумал, если вернусь, беды не миновать, – пролепетала Дарина, в глазах блеснула паника.

Князь тяжело вздохнул, едва найдя в себе силы, улыбнулся. Не желая открывать истину преждевременно, уклончиво произнес:

– Позже ты поймешь важность моих поступков, прошу, доверься мне. Когда придет время, объяснения не заставят себя ждать.

Затем, не дав Дарине времени обдумать сказанное, вполслуха произнёс заклинание. Когда окружающий их мир начал меркнуть, Константин притянул ближе нежное трепещущее создание, обнимавшее его за шею, прижавшись теснее. Юная особа не отстранялась, когда их окутал яркий свет, когда началось странствие по межмирью, ни даже в момент, когда они достигли конечной цели. Лишь стоя перед огромной резной позолоченной дверью, она расцепила руки и отступила на шаг. В тот же миг в дверном проёме что-то щёлкнуло, створки принялись расходиться в стороны, открывая взору потрясающий бальный зал, невероятных размеров.

Дарина посмотрела вглубь помещения, широко распахнув от изумления глаза. Ещё никогда не доводилось ей видеть такое немыслимым количеством разряженного в красочные

пышные одежды народа, танцевавшего под звуки льющейся музыки. Освещало торжество несколько потолочных люстр, усеянных десятками сотен мерцающих огоньками свечей. Красиво обставленный, украшенный зал, манил, требовал незамедлительно пройти внутрь, отдаться заражающему веселью. Располагавшиеся возле стен, длинные, накрытые белыми узорчатыми скатертями, столы ломились от изысканных яств, угощений и напитков. Что касается цветовой гаммы, то здесь преобладали чёрные, красные и золотые тона и оттенки. Даже слуги и акробаты, исполняющие поручения, или сложные развлекательные трюки, облачены в наряды подобающего цвета.

Не веря своим глаза, Дарина зачарованно любовалась представшим зрелищем.

– Я даже представить не могла, что в жизни случаются подобные чудеса, – отрешённо пробормотала она.

– Настоящее чудо, душа моя, это ты! – сметил избранницу Князь. – Не откажешь ли мне в удовольствии, подарив танец?

– Ох! – сконфуженно выдохнула девушка. – Я не умею танцевать, и к тому же не одета по случаю.

– Разве? – озорная улыбка коснулась губ колдуна. – Взгляни-ка сюда.

Дарина проследила за движением Константина, указавшего на огромное зеркало, возникшее неоткуда, стоявшее по правую руку от неё.

Разглядев отражение, девушка ойкнула, не сумев сдержать восторга.

– Как это? – робко спросила она.

– Магия, – ответил кудесник.

– Разве такое возможно?

– Безусловно. Но едва ли простое отражение в зеркальной глади способно отразить полностью твою красоты.

От ласковых слов девушка зарделась. Ведомая любопытством, она приблизилась к зеркалу, принялась крутиться, любуясь пышным черным бальным туалетом, покрытым золотой вышивкой. Платье имело глубокий полукруглый вырез на груди, открывая белые мягкие полушария. Облегающие рукава, доходившие до локтей, плавно перетекали в нежные золотистые кружева.

Приподняв подол платья, гостья обнаружила на ножках аккуратные позолоченные туфельки. Старательно разглядывая обувь, она сперва повертела одной ногой, затем другой, и радостно улыбнулась.

Довершала наряд высокая оригинальная прическа, схваченная на затылке шпильками, украшенная маленькими золотыми заколочками в виде миниатюрных розочек.

– Невероятно! – задыхаясь от восторга, выпалила Дарина.

Обернувшись в сторону Князя, она увидела, что тот переоблачился. Элегантный черный костюм, надетый на нем, выглядел безупречным, подчеркивая мужественную красоту.

– Счастлив угодить, – он слегка поклонился. – Отныне ты

не просто гостья в Замке Теней.

– Нет? – спросила девушка, с трепетом ожидая пояснений.

– Тысячекратно дороже, – прошептал Константин, приблизился, взял девушку за подбородок, приподняв миловидное личико, и коснулся ее алых губ невесомым поцелуем.

Дарина подалась вперед, наслаждаясь легким, чувственным прикосновением. Новые ощущения обволакивали приятным теплом. Отстранившись, прерывая ласку, Князь вызвал протестующий разочарованный стон.

– Пора, душа моя, гости тебя заждались, – улыбка мужчины очаровывала.

– Ждут… меня?

– Именно. Всем не терпится полюбоваться моей прекрасной избранницей.

Очередная волна смущения захлестнула Дарину. Не произнеся ни слова, она положила ладонь на предложенный мужчиной локоть, последовала в центр бального зала. Люди создали живой коридор, расступившись перед шествующей парой, сильнее вогнали девушку в краску.

Темный Князь гордо шел вперед, не подозревая, как откровение взволновало, напугало и одновременно одурманило девушку. Тайн, замыслов он полностью не раскрывал, но это не мешало ей питать иллюзии доверия к колдуну. Более того, она не могла справиться с влечением к обворожительному, загадочному мужчине. Трепетала от прикосновений, каждый раз ощущая легкую дрожь в коленях. Полная проти-

воположность Гордею, сеявшему в девичьем сердечке страх и панику. Тот жесток, себялюбив, готов к низости, к принуждению. Константин же напротив: мягок, уверен, силен, добр, в его объятиях спокойно и безопасно, прикосновения ласковы, поцелуи нежны.

Скосив глаза на Дарину, Князь заметил мимолетную улыбку, коснувшуюся алых губ, порадовался, как храбро следовала та по залу, борясь со смущением. Вспомнилась их первая встреча. Девушка походила на маленького растрепанного воробушка, затравленного хищником. Колдун возблагодарил небеса за разительную перемену в юном хрупком создании.

Забирая в иной мир желанную находку, он знал, что избраннице суждено занять особое место в его жизни, но не мог даже предположить, что удастся так разительно проникнуть в самую глубь очерствевшего сердца. Наивной чистотой, доверчивостью, способностью щедро раздаривать душевную доброту, искренне радоваться или печалиться, та неосознанно влюбляла в себя Константина. Желание ее постоянного присутствия, ощущения теплой бархатистой кожи, трепета манящего тела, лишало покоя. Снова и снова хотелось льнуть к мягким податливым устам, трогать, ласкать, наслаждаясь ответными порывами. Но боясь спугнуть нетерпением создание, повидавшее достаточно истинной жестокости, он не позволял себе торопить события, с завидной выдержкой ожидая подходящего момента.

Остановившись в центре бального зала, Константин повернулся к Дарине лицом, взял одной рукой ее маленькую ладошку, дрогой обвил за талию, притянул ближе. Задохнувшись от тесных пьянящих объятий, девушка простонала:

– Я правда не умею танцевать!

– Посмотрим, – мягко возразил хозяин замка.

– Не уверенна…

– Доверься мне, – тихо выдохнул Константин, склонившись над изящным ушком.

И она доверилась. Музыка зазвучала в новой интонации, с удвоенной силой и красотой. Неизведанная ария не походила на предыдущие. Зародившиеся звуки казались более волнующими, будоражащими, заставляли плыть в танце, в такт их течения. Сливающиеся в непревзойдённую мелодию трели тампура, табла, пакховаджа, саронги, скрипок, флейт и других инструментов, наполняли тело лёгкостью, а душу благоговением.

Зачарованная великолепной музыкой, Дарина следовала за партнером, увлекаемая движениями странными, ритмичными, но плавными, последовательными. Они словно порхали над мраморным полом бального зала, сочетая несочетаемое.

Константин поддерживал спутницу, помогая ей не сбиться с ритма, та же, в свою очередь, прекрасно исполняла танцевальные па, словно делала подобное неоднократно.

Возбуждение постепенно нарастало, жар, исходящий от

разгоряченных тел, порождал желание. Тяжело дыша, колдун потянулся к ушку Дарины, почти касаясь аккуратной розовой раковины, прошептал:

– Ты великолепно танцуешь.

– Благодаря тебе, – искренне отозвалась избранница.

– Устала?

– Немного.

– Тогда остановимся, выпьем вина.

– Хорошо, – выдохнула Дарина, внезапно почувствовал невыносимую жажду.

Пара остановилась, и музыка тут же смолкла. Красиво наряженные гости поклонились, снова создали живой коридор. Константин подвел спутницу к столам, наполнил хрустальный бокал красным сладким вином. Девушка приняла сосуд из рук Князя под звуки вновь зазвеневшей музыки, с жадностью осушила. Вино разлилось в её жилах приятным теплом, вызвав легкое головокружение. Щеки раскраснелись, и она пролепетала:

– Как душно…

– В саду грез царит приятная прохлада, – неоднозначно намекнул Князь.

– Так пойдем же туда, – взмолилась девушка.

Сад грез, освещенный лунным сиянием, приветствовал гостей мирным покачиванием древесных ветвей, шелестом сине-зеленой листвы, трелями сверчков и перешептыванием наблюдателей-духов, скрывавшихся за деревьями. Кру-

жившие в полете светлячки, поблескивали зелеными огоньками, наполняя окружающее пространство волшебным мерцанием. Напоенный ароматами ночных цветов, свежий прохладный воздух, приятно касался горячей кожи, успокаивая, приводя в чувства.

Дарина медленно шагала рядом с Тёмным Князем. Она молчала, боясь нарушить момент, даривший покой и наслаждение.

– Мне очень жаль, – неожиданно произнес Константин.

– Чего? – удивилась избранница.

– Упущенного времени, – в красивом баритоне звучало сожаление. – Впервые увидев тебя вблизи, прикоснувшись, я понял, что больше не хочу тебя отпускать. Но вынужден был подчиниться обстоятельствам, чтобы избежать нависшей опасности.

Резко повернувшись к девушке, колдун взял ее руки в сильные крепкие мужские ладони.

– Если бы я трудился усерднее, если бы нашел тебя раньше, то не пришлось бы сейчас сожалеть…

– Не надо так говорить, – выдохнула Дарина, стараясь унять трепещущее сердечко. – Ведь я обязана тебе жизнью…

Запнувшись, она умолкла, не в силах выразить словами чувства, клокотавшие в груди.

– Во истину дарована небесами… – прошептал мужчина, не отводя взгляда от лазурных глаз избранницы. – Если пожелаешь, можем вернуться на бал.

– Нет, нет, – запротестовала девушка, мысленно приказывая коленям не дрожать. – Пройдемся еще немного.

Темный Князь повиновался, но пройдя вперед некоторое расстояние, пожалел о принятом решении. Нежная, хрупкая спутница, державшая его под локоть, с каждым шагом сильнее льнула к нему. Сквозь плотную ткань костюма, он ощущал тепло прижимающегося тела, слышал прерывистое дыхание, манящий призыв шуршащих юбок. Если не остановиться, то высвободиться из ловушки пробуждающейся страсти уже не получится.

Стараясь казаться бесстрастным, Константин отказывался подчиняться порывам собственной плоти, зная, что беспомощное создание, доверившееся ему, не готово к близости, которой он безумно жаждал.

Но Дарина считала иначе. Неожиданно остановившись, она повернулась к колдуну лицом, привстала на цыпочки, и легко коснулась красиво очерченных губ. Этого оказалось достаточно, невидимые оковы самоконтроля лопнули, высвободив истинные чувства. Обхватив тонкую талию руками, Князь тесно прижал девушку, впился в мягкие уста ответным поцелуем. Она застонала, колени подогнулись, но сильные руки, не позволили упасть, погладили по спине, пальцы утонули в густых локонах, растрепав прическу. Пара шпилек и золотых заколочек тонко звякнули, упав на каменистую садовую дорожку.

– Остановись, – хрипло приказал себе Константин.

– Почему? – Дарина приняла слова на свой счет.

– Это выше моих сил, – голос колдуна срывался. – Ты не готова принять меня…

– Готова, я готова… – зашептала избранница, ломая последние столпы самоконтроля хозяина замка.

Видит Бог, он пытался устоять! Но не успел колдун снова поцеловать сладкие девичьи уста, как небо озарила яркая бело-голубая вспышка, неприятный звук громыхнул в воздухе, зарокотал, зашипел, умолк.

– Чего ж так торопиться? – нахмурился Темный Князь, вглядываясь в черно-синюю, покрытую звездами, высь.

– Что это? – спросила девушка, испуганная грохотом, повертела головой, старательно ища источник звука.

– Прости, душа моя, – сказал Константин, не ответив на вопрос, – но тебе необходимо поспать.

– Нет, я не…

Колдун не дал ей договорить. Поведя ладонью перед лазурными глазами, шепнул заклинание, погрузившее Дарину во мрак. Подхватив на руки обмякшее тело, он громко крикнул:

– Хэдэс, приди, ты мне нужен.

На зов явился призрак, вышел из тени, направился к хозяину. Приближаясь, дух обретал человеческий облик, теряя прозрачность, и стоило фантому поравняться с Князем, как телесная оболочка полностью окрепла. Теперь выходец из могилы походил на стройного красивого юношу лет два-

дцати пяти от роду.

– Возьми госпожу, – приказал колдун, передавая Хэдэсу драгоценную ношу, – перенеси в заговоренные покои, и проследи за сохранностью, пока я не вернусь.

Фантом кивнул и, бережно держа на руках избранницу Князя, растаял в воздухе. Теперь, когда Дарина в безопасности, Константин почувствовал спокойствие, уверенность. Он знал, что породило вспышку с грохотом, поэтому, опасаясь за жизнь юной особы, спрятал её от посторонних глаз.

Быстрым шагом он направился к озеру, встал у самой кромки воды. Увидев его, два черных лебедя, скользившие по водной глади, подплыли ближе.

– Время пришло, – тихо произнес колдун.

Услышав слова хозяина, птицы переглянулись, встрепенулись, и, выйдя на берег, встали по обе его руки. Взмахнув крыльями, они ударились о землю, перевоплотившись в духов-защитников, облачённых в чёрные мантии с капюшонами, скрывавшими их лица.

Теперь, подготовившись, можно оказать незваным гостям, пытавшимся пробить защитную оболочку Амбра Каструм, сотканную из заклинаний, достойный прием.

Отойдя в сторону, Тёмный Князь хлопнул в ладоши, развёл руки в стороны, зашептал наговор на сберегательную невидимую магическую сетку. Поддавшись натиску заклинателя, та образовала небольшой проход, через который протиснулось несколько человек, облаченных в мрачные серые

одежды. Пришедшие встали лицом к хозяину Замка Теней, заставив его сильнее нахмуриться. Ведьмаки во главе с предателем.

– Домитиан, – угрюмо произнёс Константин, – не ожидал увидеть тебя так скоро.

– Планы изменили, – крикнул тот, – Каллида знает, что я нашел тебя.

– Чего ты хочешь?

– Ты же прекрасно знаешь, великий полководец, – съязвил ведьмак, – Жрица Далия желает получить тебя обратно.

– Неужели? – хмыкнул Князь.

– Лучше не противиться, – в глазах Домитиана сверкнула угроза.

– Я не вернусь, давно пора бы уже понять!

– Добровольно может и нет… но силой…

– Что ж, попробуй… довести задуманное до конца, – в голосе Константина послышались стальные нотки, брови угрожающе сошлись на переносице.

– Не сомневайся, доведу, но сначала ответь на один вопрос. Почему ты не ушёл? Не скрылся, имея прекрасную возможность сделать это?

– Просто устал от беготни, – сказал Князь, готовясь в любой момент отразить вражескую атаку, – Да и совет старого приятеля мне пришелся по душе. Вижу, ты не рассчитывал, что я приму его. Думал побегу прочь от Каллиды очертя голову с поджатым хвостом? Ты видимо забыл, кто правил

несокрушимой армией жрицы Далия!

– Эта правда давно минувших дней, – крикнул Домитиан, – И сейчас тебе придется пожалеть о необдуманном решении!

Сделав жест, предназначенный спутникам, ведьмак приготовился к атаке. Рассредоточившись, враги стали в специальные позы, принялись рисовать руками в воздухе круги, образуя, на уровне груди, парализующие энергетические шары, сверкающие тонкими коротенькими молниями. Как только сгустки энергии достигли необходимых мощности и размеров, ведьмаки синхронно выбросили руки вперёд, посылая парализующие комки в сторону Константина. Колдовство подобной силы, могло лишить Князя физической активности на несколько часов, если бы ни его верные духи-защитники. Мгновенно среагировав на выпад нападавших, они единовременно изогнулись, выставили вперёд ладони, образовали магический щит, отразивший атаку. Не дав нападавшим времени осознать неудачу, духи-воины хозяина Замка Теней, принялись метать ответные штурмующие энергетически комья. Вторженцы, не ожидавшие получить отпор колдовской мощностью, превосходившей их собственную в десятки раз, один за другим, с предсмертным криком, падали на землю, пока на ногах остался лишь предводитель.

Взмахом руки Константин приказал духам-защитника остановиться, великодушно решив оставить ведьмаку жизнь.

– Теперь ты видишь, насколько был не прав? – спросил

он того.

– Я знал, что так будет, – неожиданные признание сорвалось с потрескавшихся уст.

– Почему же привел на верную смерть юнцов, лежащих теперь бездыханно у твоих ног. Зачем пришел сам, сознавая, что могу убить тебя?

– Ты прекрасно понимаешь мой поступок, – мрачно выдохнул Домитиан, – У меня не было выбора. Если хочешь убить, не тяни…

Слова молодого человека поразили Князя. Он вдруг вспомнил себя, ублажавшего жрицу Далия, выполняющего ее просьбы, приказы, требования, часто мерзкие настолько, что, думая о них, невозможно не содрогнуться в отвращении. Да, Каллида умела хитростью и обманом подчинить собственной воле любое живое существо. Казалось, ослушайся приказа колдуньи, и муки ада покажутся лишь теплым сновидением, в сравнении с гневом госпожи. Далеко не каждый мог побороть навязчивые чувства, втиснутые в сознание с помощью ворожбы коварной женщины.

– Уходи, Домитиан, – хмуро произнес Константин.

– Не могу, – промямлил тот.

– Убирайся, пока я не передумал, и не отобрал твою никчемную жизнь!

Весомая угроза заставила ведьмака усомниться в желании довести задуманное до конца. Склонившись над трупами союзников, он приготовился прочесть заклинание, чтобы за-

брать мертвых с собой, но Темный Князь предостерегающе крикнул:

– Оставь тела здесь, они будут погребены так, как полагается.

– Я не могу этого сделать! – возразил Домитиан.

– Можешь и сделаешь, – холодно прорычал хозяин замка.

– Но зачем? – удивился ведьмак.

– Не надо хитрить, Домитиан! Каллида обладает достаточной силой, способной оживить этих бедолаг. После черного ритуала они навсегда останутся во власти жрицы, и до скончания веков будут испытывать мучения под гнетом колдовского принуждения.

– И что с того, – пожал плечами вторженец, – они сами выбирали путь, по которому затем следовали.

– Когда-то мне тоже казалось, что свой путь я выбираю сам. Но это было величайшей ошибкой в моей жизни. К тому же, мне не хочется убивать их повторно. Теперь ступай, и передай Каллиде, чтобы оставила бессмысленные попыток вернуть бывшего полководца, не желающего иметь с ней ничего общего.

Домитиану больше ничего не оставалось, как повиноваться, прошептать заклинание перемещения и, щёлкнув пальцами, растворяться в воздухе.

Немного повременив, Константин сомкнул края защитного поля, подлатав прореху, отдал приказ похоронить мертвых, и отправился в покои, где спала околдованная Дарина.

Девушка, почивавшая на мягкой воздушной перине кровати с балдахином, поминутно вздрагивала, тяжело дышала, голова то и дело металась на подушке из стороны в сторону. Беспокойный сон не позволял расслабиться, воскрешая страшные миражи, казавшиеся реальными в долине фантазий.

В навеянном дремой ведении, она снова брела по знакомой волшебной поляне, с ужасом ожидая в любой момент повстречать волка, либо медведя. Но звери не торопились попасться на глаза.

Почувствовав внезапно навалившуюся усталость, Дарина присела на траву прямо посередине лужайки, огляделась по сторонам. Картина, представшая пред взором, радости не вызвала. Некогда красивые цветущие плодоносящие деревья, стояли практически нагие, небо посерело, а порхавшие бабочки, одна за другой падали на землю.

Приуныв, девушка опустила голову, чтобы скрыть набежавшие на глаза навеянные слёзы грусти, но, услышав звериный рёв, встрепенулась.

Оглянувшись на звук, она обнаружила знакомого медведя с облезлой шкурой, стоявшего на двух задних лапах. Тот разевал пасть, угрожающе рычал, почти нависая над женщиной, стоявшей прямо перед ним. Присмотревшись, девушка узнала в жертве зверя покойную мать и задохнулась от ужаса.

Попытка подняться, ринуться на помощь к Верее, оказалась неудачной. Непослушные ноги внезапно онемели, не

двигались, отказывались подчиниться, выпрямиться, поднять туловище над землей. Не сдаваясь, собрав волю в кулак, Дарина закричала во всю мощь тонкого горлышка, стараясь обратить внимание животного на себя. Радение увенчалось успехом. Медведь повернул безобразную морду в её сторону, принялся подергивать, водить кожаным носом по воздуху, принюхиваясь.

Это была маленькая победа, но ликовать пришлось не долго. Услышав гортанное рычание за спиной, девушка обернулась, и похолодела от страха, увидев огромного черно-серого волка, смотрящего прямо на неё. Зверь глядел пристально, не двигаясь, только скалил острые зубы. Не зная, кого из двух хищных исполинов опасаться больше, Дарина резко оглянулась, бросив молниеносный взгляд на бурого гиганта. Тот не отходил от Вереи, продолжая принюхиваться. Но почуяв, наконец, запах врага, неистово заревел, опустился на все четыре лапы, рванулся с места, бросившись в атаку.

Рывками набирая скорость, бурый цеплялся длинными когтями за почву, вырывая, отбрасывая назад комья земли, траву. Видя надвигающееся обезумевшее животное, девушка приготовилась к неизбежному столкновению. Даже если цель зверя не она, противник его находится прямо у неё за спиной.

Медведь стремительно приближался. Готовясь к последнему мощному прыжку, он захрипел, разбрызгивая бе-

ло-желтую пену, летевшую из раззявленной пасти.

Остававшийся на чеку противник, видя взбешенного мчащегося врага, все же дождался благоприятного момента, оживился, оттолкнулся от земли мощными пружинящими лапами и, перелетев через голову Дарины, бросился на атакующего бурого гиганта. Тот заревел громче, повалился на траву, пытаясь подмять волка под себя, не обращая внимания на его укусы, изгибания, угрожающие рыки.

Девушка не верила собственным глазам, наблюдала за схваткой двух свирепых животных. Огромный волк исполин снова взял её под защиту, яростно нападая на медведя, угрожающего невинному созданию. Он вгрызался в бурую потрепанную шкуру, рвал, терзал, давая врагу почувствовать титаническую силу.

Однако медведь не желавший сдаваться, решил изменить тактику. Извернувшись, высвободившись из цепкой хватки черно-серого зверя, он резко прыгнул в сторону наблюдавшей Дарины. Та не успела сообразить, как оказалась рядом с опасным хищником. Мерзко оскалился, бурый гигант отвёл огромную когтистую лапу назад, затем с неистовой яростью обрушил на лицо несчастной. Голова её дёрнулась, из продолговатых ран на щеке брызнули алые горячие капли крови. Закрыв глаза, девушка повалилась на землю, закричала и… Проснулась…

Сев на кровати, она схватилась за ушибленную щёку. Плоть под ладонью отреагировала неприятным саднящим

чувством. А ведь именно по этой щеке удалил тогда Гордей, в пылу ярости.

Продолжая держаться за ноющее место на лице, девушка огляделась, и узнав комнату, в которой находилась, немного успокоилась. Посмотрела в окно, порадовалась тонким слабым лучикам зачинающейся зари, старательно пробирающихся сквозь прозрачные стекла, встала с постели, подошла к входной двери и, взявшись за резную ручку, отворила деревянную громадину. Выглянув в коридор, никого не обнаружила. Оставаться одной в спальне не хотелось, поэтому выйдя из комнаты, побрела вдоль коридора, слегка освещённого догорающими настенными свечами-лампадами.

В эти минуты, полные таинственной загадочности, юную особу не беспокоили ни мрак, ни тишина, ни облик, едва прикрытый тонкой шелковой бледно-голубой сорочкой с глубоким вырезом, ниспадавшей до изящных щиколоток, слегка шуршавшей при малейшем движении. Девушка прислушивалась к царившему безмолвию, не отвлекаясь на незначительное шелестение подола, ступала босыми ногами по махровому ковру, устилавшему коридорный пол, наслаждаясь необыкновенной мягкостью.

Проходя мимо пустых доспехов железных рыцарей, видимо недавно появившихся в коридоре, так как ранее Дарина с подобными не встречалась, она с нескрываемым любопытством рассматривала их, не испытывая при этом ни малейшего страха. Хотя не имела ни малейшего представления о

странных созданиях, похожие на людей, и в то же время кардинально от них отличающиеся. В отблесках огоньков свечей те казались девушке величественными, непоколебимыми, могучими существами. Подойдя к одному из железных статуй, тихо спросила:

– Вы охраняете замок?

Не дождавшись ответа, юная особа подступила ближе к рыцарю, постучала по железной рельефной груди. Раздался глухой звук полого предмета.

– Пустой! – удивленно выдохнула она. – Тогда зачем здесь стоит?

Пожав плечами, не имея возможности получить ответа на заданный вопрос, Дарина бросила последний взгляд на железного великана и продолжила путь, остановившись лишь перед запертой гигантской дверью библиотеки.

Подступив ближе к деревянным створкам, она положила ладони на прохладное резное дерево, толкнула. Поддавшись натиску, дверь распахнулась, позволяя гостье войти внутрь.

Первым делом взгляд девушки упал на тумбу с напитками, стоявшую у стены. Камин давно погас, и в помещении было холодно, поэтому она не постеснялась наполнить бокал вином и осушить до дна. Приятное тепло стремительным потоком разлилось по озябшему телу, придало решимости приблизиться к книжным полкам, разглядывая содержимое. Разнообразие сочинений поражало своей многочисленностью и тематикой.

– Как же мало я знаю, – обречённо прошептала Дарина.

Знаний, переданных Константином, оказалось совершенно недостаточно, и девушка подосадовала на собственную необразованность. Прежде о подобных вещах не приходилось задумываться, но теперь ею овладело желание познавать, изучать, приобретать опыт. Влечение к наукам, теориям, повествованиям, доводам чужих умов, изложенных чернилами на белых листах книг или желтоватых пергаментах, стало непреодолимым. Теперь она понимала истинную причины желаний Князя, в юные годы покинувшего отчий дом, отправившегося странствовать, познавать мир.

В стремлении наверстать упущенное время, Дарина взяла с полки книгу в твердом переплете коричневого цвета, сдула легкий налет пыли с верхнего обреза, провела пальцем по выпуклым позолоченным буквам на переплетной крышке.

– Труды по философии.

Повертевшись по сторонам, девушка обнаружила удобное кресло неподалеку от не разожженного камина, подошла к мебели ближе, развернула в сторону окна, с раздвинутыми шторами, так, чтобы при чтении ей досталось больше света. Усевшись поудобнее, подобрав ноги, стараясь сохранить быстро растрачиваемое в остывшем помещении тепло, она принялась за чтение. Пробегая взглядом по строчкам, юная особа увлеченно переходила от одной страницы к другой, испытывая огромное удовольствие. Подумать только, чего она ранее была лишена. Знатные дворяне рассуждали: «Женщи-

на должна детей рожать, да за домом приглядывай, а холопке и подавно ведать не зачем о книгах, да письменах». Не справедливо! Знания – великое богатство, бесценное сокровище, необходимое каждому.

Увлечённая чтением, Дарина не замечала быстротечности времени. Уткнувшись лицом в очередную книгу, она с упоением впитывала каждую букву нового произведения. В таком положении её и застал, вошедший в библиотеку, Константин. Тихохонько затворив за собою дверь, он обвел взглядом разбросанные по полу книги, задержался на нескольких аккуратно сложенных стопках возле кресла, понаблюдал за приохотившейся к литературе девушкой и негромко спросил:

– И давно ты здесь?

Девушка испуганно ойкнула, подпрыгнув на месте, уставилась на колдуна широко распахнутыми глазами.

– Не надо пугаться, душа моя, – улыбнулся тот, направляясь в её сторону. – Это всего лишь я.

Подойдя ближе, он наклонился, взял из небольшой стопки верхнюю книгу, прищёлкнул языком.

– Алхимия.

– Я только планирую приступить к чтению.

– Предмет сложный.

– Тем интереснее, – пожала плечами Дарина.

– Что ж, – хмыкнул Темный Князь, – интересно, какой предмет привлек твое внимание в первую очередь?

– Труды по философии.

– Почему? – удивился хозяин замка.

– Слово понравилось, напомнило мелодию жалейки, вот так, – девушка сложила губы трубочкой, поднесла руки к лицу, оставив на коленях раскрытую книгу, подула, выгоняя через маленькое отверстие тонкие струйки воздуха, принялась перебирать пальцами, закрывая несуществующие дырочки на воображаемом инструменте, – фи-фо-фи-ло. – Закончив демонстрацию, немного погрустнела, – Вот только жалейка звучит громче.

– Ничего, схоже получилось, – заверил колдун, мысленно забавляясь манипуляциями гостьи, вспоминая, как однажды слышал похожую мелодию, наигрываемую малолетним парнишкой в ином мире, в лесу. Мальчуган сидел тогда в одиночестве, прислонившись спиной к белому стволу с черными пятнами-полосами. Теплые лучики солнца, пробивавшиеся сквозь густые кроны дерева, падали на загорелое лицо, светлые волосы, перепачканную поношенную одежду, плясали золотистыми солнечными зайчиками в такт приятной мелодии, вылетавшей из расширенного конца удивительно инструмента, похожего на бараний рог с тонким продолговатым основанием.

– Но я уже закончила чтение философии, и там ни словом не упоминалось о жалейке, – пожаловалась Дарина и указала на пару томов по описанию сущностей иных миров, лежавших отдельно от других литературных собратьев. – И эти

прочитала.

Хозяин замка удивленно изогнул бровь, на что Дарина снова пожала плечами.

– Потеряла счет времени, наверно, давно здесь сижу.

– Скорее у тебя дар все схватывать на лету.

Девушка смутилась, опустила ресницы, но вспомнив что-то, встрепенулась, спросила:

– Что случилось вчера вечером? Я погрузилась во мрак, а когда очнулась…

Константин нахмурился, но лукавить не стал:

– В Амбра Каструм вторглись непрошенные гости. Пришлось защищать тебя от внезапной опасности.

– Как?

– Во мрак тебя погрузило мое заклинание, а верный сподвижник доставил в безопасное место. Когда все разрешилось, я приходил поглядеть на твой мирный сон. Ты спала так сладко, не думал поутру обнаружить соню в библиотеке.

– Почему? – девушка потупила взор. – Это плохо?

– Что ты, душа моя, просто в такой час здесь слишком холодно. А ты в тонкой ночной сорочке…

Вспомнив, что на ней полупрозрачная тряпица, Дарина охнула, вжалась в кресло.

– Не беспокойся об этом, – легкая улыбка заиграла на губах Темного Князя, не смотря на спокойный, даже серьезный тон.

Щелкнув пальцами, Константин взглянул на камин, в то

же мгновение вспыхнувший, запылавший в недрах жарким пламенем. Удовлетворившись мелким колдовством, направился к письменному столу, открыл внутренний ящик, достал небольшой колокольчик, ритмично потряс им. Тонкий мелодичный звон разлетелся по комнате. В дверной проем, явившись на призыв, шмыгнула молодая служанка, держа в руках сиреневое платье, из мягкой шуршащей ткани, с расшитым нежными цветами подолом. Отдав хозяину замка принесенный наряд, девушка быстро покинула библиотеку, плотно затворив за собой дверь.

– Это что? Платье? Для меня? – удивленно спросила гостья.

– Да, – Константин шагнул вперед.

– А как, та, что принесла, узнала, что нужно? По звону колокольчика?

– Ты забываешь, что я колдун, – лукаво проговорил мужчина, сделав новый шаг в сторону избранницы. – Значит, огонь в камине, вспыхнувший сам по себе не удивил тебя, а вот платье…

В глазах Дарины блеснуло непонимание, но хозяин замка сделал вид, что ничего не заметил, подступил к юной особе еще ближе, хитро сощурился, стараясь скрыть улыбку.

– Ну же, давай помогу одеться.

– Кажется, мы это уже проходили, – смущённо заметила девушка, не двинувшись с места.

– Верно, – хрипловато выдохнул мужчина, не сумев сдер-

жать дрогнувшие уголки губ.

– А нельзя ли повторить чудеса прошлого вечера? – Девичий голос выдавал неуверенную надежду.

– О каких чудесах идет речь? – Суть вопроса Темный Князь понял, но предпочел продолжить игру.

– Вчера, – запинаясь, наивно пролепетала Дарина, – перед дверью бального зала… наряд… на мне… он появился сам собой.

– Ах, вот в чем дело, – колдун сделал вид, словно только сейчас понял, о чем идет речь, – да, да, такое возможно.

Услышав ответ, девушка приободрилась, но через секунду сконфужено поглядела на мужчину, проговорившего с очень серьезным, как могло показаться, видом:

– Но, видишь ли, душа моя, я не могу отказаться от удовольствия собственноручно помочь тебе с гардеробом.

Дарина поняла, сопротивление бесполезно, молча, поднялась с кресла, выпрямилась и, смущенно опустив глаза, стала покорно ждать.

Константин легким стремительным движением перекинул сиреневое платье через плечо, подошел вплотную к девушке, не пытавшейся сопротивляться, медленно стянул тонкие бретельки с ее хрупких плечиков, позволив ночному одеянию скользнуть вдоль изящной талии, опуститься на пол. Ранее он уже видел наготу прелестницы, но в данный момент, восхищение, соединившееся с возбуждением, во сто крат превысило прежние ощущения, пробудив скрытые чув-

ства, которым слишком опасно давать волю. Князь сглотнул подступивший к горлу комок, пожалев о затеянной игре.

Стараясь совладать с нахлынувшими эмоциями, колдун жадно пожирал глазами выпуклую грудь, увенчанную парой бледно-розовых сосков, похожих на крохотные цветочные бутончики. Опустив взгляд ниже, он мысленно обвил руками стройную талию, погладил шершавой ладонью чуть выпуклый живот, не рискуя спуститься дальше, к округлым женственным бедрам. Разыгравшиеся фантазии сделали напряжение невыносимым. Боясь не совладать с собой, Князь слегка отодвинулся от избранницы, проговорил предательски охрипшим голосом:

– Подними руки повыше, чтобы я смог надеть платье.

Дарина снова повиновалась, но поднимая руки, она так же подняла глаза и посмотрела на стоявшего перед ней мужчину. Огонь, полыхавший во взгляде колуна, обжег ее душу, заставил трепетать. Плотно сжатые пухлые губы приоткрылись, призывая к поцелую.

Из крайних сил, удерживая последние капли терпения, Константин попытался остановить стон отчаяния, рвущийся наружу, тяжело вздохнул и, наконец, взяв себя в руки, стянул платье с плеча, бережно, старательно надел его на девушку. Затем обошел ее, встав за спиной, аккуратно застегнул маленькие пуговки, пришитые к наряду вдоль позвоночника. Но надежда на то, что покров, скрывший манящую девичью наготу, успокоит ураган разбушевавшихся страстей, не

оправдалась, и Темный Князь снова мысленно отругал себя за необдуманные действия, ведущие к непредсказуемым последствиям.

– Я… не привлекательна? – потупив взгляд, внезапно спросила Дарина, растолковавшая действия колдуна по-своему.

– Что? – удивленно переспросил хозяин замка, густые черные брови слегка приподнялись вверх, образовав красиво очерченные дуги.

– Мне казалось… я…

Девушка терялась, не находя подходящих слов, способных выразить нахлынувшее чувственное состояние. Казалось, она верно растолковала страстный взгляд мужчины. Зная, что происходит между мужчиной и женщиной в момент близости, боялась повторения печального опыта, и в то же время желала испытать нечто иное в объятиях Константина. Колдун, искусно исцелявший ее истерзанное болью сердце, без слов обещал подарить радость, приводя в трепет каждую клеточку ее тела. Легкими, нежными, ласкающими, успокаивающим прикосновениями, он пробуждал, будоражил плоть и разум, вызывая в ней чувства, которые можно смело назвать любовью.

Осознание пришло к Дарине внезапно, дав понять, что отныне она готова отдать колдуну все, даже маленькое трепещущее сердечко, переполненное неописуемыми ощущениями.

Чистый, мощный поток искрящейся энергии, питаемый эмоциями девушки, наполнил помещение, поразив Темного Князя. Он простер к избраннице руки, притянул ее к могучей груди, обнял, крепко сжав в объятиях, что та едва могла вздохнуть.

– Что ты, душа моя, никогда и никого я не встречал прелестней тебя.

– Но я… не желанна тебе…

В горле колдуна заклокотало, вырвалось наружу тихое рычание. Он зажмурил глаза, с большим трудом сдерживаясь, заговорил:

– Не делай поспешных выводов. Я затеял глупую игру, не обдуманную, прости.

– Нет, нет, не говори так, – Дарина вдруг встрепенулась, испугавшись собственной откровенности, огорчившей Константина, – это я повела себя глупо. Ты, за малое время, дал мне столько счастья, сколько за всю жизнь не давал не один человек. Спас, защитил, одарил… Я не вправе спрашивать… говорить… так стыдно…

– Тише, тише, – зашептал колдун, не в силах больше слушать незаслуженную самотираду избранницы.

Взяв девушку за подбородок, он приподнял ее лицо, с жаром приник к податливым губам. Пылкий, страстный поцелуй в одно мгновение отмел все сомнения в привлекательности и желанности. Князь с необузданной горячностью сминал девичьи уста, исступленными прикосновениями давая

понять, насколько та вожделенна. И когда отстранился, она с трудом могла наполнить легкие воздухом, из-за стеснивших грудь чувств благодарности, любви и возбуждения.

– Никогда, слышишь, никогда не допускай мысли, что ты не желанна, – тяжело дыша, выговорил хозяин замка, – настанет время, и ты все поймешь.

Уголки губ юной особы дрогнули в легкой улыбке, обозначив радость, разжившуюся в душе от слов и объятий мужчины.

– Ты прелестна, – выдохнул колдун, залюбовавшись лазуревой голубизной широко распахнутых глаз Дарины, – однако, дополнительная крохотная деталь не помешает твоему чудесному образу.

Вытащив из кармана ленту, сотканную из золотых нитей, Константин подвязал ею распущенные светлые локоны избранницы, соорудив премилый бантик с длинными развивающимися концами.

– Превосходно!

– Благодарю, – просияла гостья, запустила руку назад, легко коснувшись ленты.

Князь довольно улыбнулся и сразу же нахмурился, вспомнив о важном запланированном на сегодня деле, посмотрел в окно, чуть слышно прищелкнул языкам.

– Время движется к полудню, пора отправляться в твой мир.

– Сегодня? Сейчас? Так скоро? – охнула девушка, во

взгляде отразился испуг.

– Не волнуйся, душа моя, это путешествие будет не долгим. Мы отправимся в зеленый бор, отыщем лесного духа, воспользуемся его магической помощью и вернемся обратно.

– Лесного духа?

– Да, но в краях где он обитает, его почему-то зовут Лешим.

– Леший? – испуг в глазах Дарины увеличился. – Это ж нечистая сила! С такими опасно водиться!

– Ну что ты, – засмеялся Князь, – лесные духи не опасные и уж точно не злые.

– Про леших много дурной молвы ходит, – почти шепотом проговорила девушка, словно опасаясь, что нечистая сила услышит ее.

– И что же? – колдун явно забавлялся пугливостью юной особы.

– Они заманивают людей в чащу, пугают, не дают найти верного пути к дому, путают, обрекая несчастных на верную гибель.

– Не преувеличивай, душа моя, – выдохнул Константин, – лесные духи защищают свой «дом», а нерадивые путники плутают в лесной глуши только по собственной глупости, рассеянности или неосмотрительности. Не редко лесные духи помогали заблудившимся выбраться на верную тропу, а глупцы думали, что лешие их путаю, заманивают.

– Все равно мне страшно.

– Ну что ты, я буду рядом, – ободряюще проговорил мужчина, – а теперь доверься мне, закрой глаза и ничего не бойся.

Не споря больше, Дарина быстро зажмурилась, приготовившись к дальнейшим действиям Князя. Тот, не выпуская ее из объятий, прошептал заклинание, переместившее их в коридоры межмирья, а затем в зеленый бор.

Неприятные покалывания на коже оповестили о прибытии на место, заставив путницу поежиться, встряхнуться, стараясь избавиться от нежеланных ощущений.

– Можешь открыть глаза, – сказал Константин, отпуская ерзающую избранницу.

Та, подняв веки, поразилась явившемуся зрелищу. Сердце ее болезненно удариться о грудную клетку и на мгновение замерло. Глубоко вздохнув свежий прохладный воздух, она огляделась по сторонам, пытаясь сообразить, не сон ли это.

Пред путниками раскрывалась поляна, в точности походившая на ту, что возникала в кошмарах Дарины. Отличие заключалось лишь в состоянии деревьев, одетых в молодую сочную зеленую листву, не походившую на сказочные покровы. Но также, как и в снах, на небольшом лужке, поросшем травой и цветами, кружили бабочки, жужжали пчелы, перелетая от одного, наполненного сладким нектаром, бутона к другому.

– Что с тобой? – спросил Князь, обеспокоившись состоя-

нием девушки.

– Ничего, – рассеяно ответила та, стараясь отделаться от глупой паранойи, – все в порядке.

– Уверена? Ты слишком напряжена. Поверь, здесь нет ничего, что могло бы причинить вред.

Дарина практически не слышала говорившего, продолжала беспокойно озираться по сторонам, словно ища что-то или кого-то. Казалось, стоит лишь на короткое мгновение потерять бдительность, как из неоткуда выпрыгнут обо хищника, рожденный в ее кошмарах, серо-черный гигант волк и бурый исполин медведь с потрепанной шкурой, чтобы начать смертельную схватку наяву. Но как ни старалась она высмотреть опасных зверей, те не возникали в реальности, и юная особа постепенно успокоилась, пришла в себя.

Поглядев на Константина, она неловко улыбнулась ему.

– Все в порядке, правда!

– Хорошо, – кивнул тот, взял избранницу за руку, повернулся к лесной чаще. – Нам туда. Необходимо зайти как можно глубже в бор. Лесные духи прячутся, не желая попадаться на глаза, поэтому придется побродить на местности. Если повезет найти лешего на его излюбленном месте, то наши поиски не затянутся на долго.

Потянув Дарину за собой, колдун пошел вперед, и чем дальше они заходили, тем гуще и тенистей становился лес, тропинки сужались, а солнечные лучи меньше проникали сквозь ветвящиеся древесные кроны. Птичьи трели слыша-

лись отовсюду, заглушая шелест молодых листочков, которыми, на макушках деревьев, играл легкий ветерок.

В этом году весна выдалась ранней, что несомненно послужило лесу, буквально дышавшему свежестью, пользой. Лесные жители, зверушки, насекомые, используя дары природы, активно трудились, ища пропитание и укромные местечки, чтобы обзавестись потомством. Белки скакали по хрупким веткам, цепляясь острыми коготками, подергивая рыжими хвостиками, изредка бросая косые взгляды на землю, где зайцы шуршали подгнившей за зиму листвой, старательно добираясь до сочной молодой травки, заваленной желто-коричневым, пахнущем сыростью «ковром». Длинноухие пушистые зверьки, привлекали внимание не только игривых белок-плутовок, но и лисицы, замершей неподалеку под кустом ежевики. Рыжая хитрюга заняла выжидающую позицию, надеясь, полакомиться зайчатиной. А если охотнице не повезет с добычей покрупнее, то всегда можно словить несмышленую мышь или ящерку.

Колдун со спутницей двигались вперед, в чащу, не обращая внимания на лесную кутерьму. Внезапно остановившись, Константин посмотрел по сторонам, прислушался.

– Слышишь? – тихо спросил он.

– Что?

– Шум воды…

Дарина подалась вперед, улавливая отдельные звуки.

– Да, – кивнула она, наконец различив среди прочего го-

мона мерное шелестение влаги с редкими тихими всплесками. – Что это?

– Лесная речка, – пояснил мужчина, – она течет через весь бор.

– Нужно идти к ней?

– Не совсем, но придерживаться ее близости необходимо. Гайнище[1] лешего где-то рядом.

– Хорошо, тогда пойдём.

– Нет, – Темный Князь резко остановил девушку, – тебе придется остаться здесь.

– Почему? – удивилась та, чувствуя, как сердце учащенно забилось то ли от разочарования, то ли от испуга остаться в одиночестве посреди лесной глуши.

– Леший шутлив по своей природе, – сказал Константин, протянул руку, заправил за ухо девушке локон, выбившийся из пучка, – и слегка непредсказуем. Может предстать в любом обличие, котором ему заблагорассудится, способное напугать неподготовленного человека. Поэтому ты останешься здесь и дождешься, пока я отыщу лесного духа и приведу на это место.

– Но как же ты? – не унималась невеста палача.

– За меня не беспокойся, – как можно спокойнее постарался объяснить мужчина, – я видел достаточно в жизни, чтобы не напугаться очередной шутки глумливого существа. Никуда не уходи, оставайся на этом месте и все будет в порядке.

Дождавшись, пока Дарина согласно кивнет, колдун с нежностью поцеловал ее в лоб, отстранился и направился в дальнюю часть леса.

Девушка покрутилась, обследуя территорию, обнаружила упавший неподалеку сухой старый дуб, местами поросший темно-зеленым мхом, подошла к гигантскому потрескавшемуся стволу, присела. Затем устремила взгляд вдаль, надеясь увидеть мелькающую среди дубов, вязов и ясеней спину удаляющегося мужчины, но тот уже скрылся за густо поросшими деревьями. Разочаровано вздохнув, юная особа только сейчас поняла, что не знает причины визита в зеленый бор. Константин обошел стороной эту тему. Но как ни странно выглядела очередная складывающаяся ситуация, покрытая налетом тайны, Дарина не чувствовала подвоха, полностью доверяя загадочному Темному Князю.

Колдун, оставив избранницу томиться в ожидании, продвигался вперёд, сквозь чащобу, натыкаясь на ветки, похожие на множество рук, разбросанных в стороны, старательно загораживающих путнику дорогу, не желая пропускать дальше. Когда очередная ветка хлестнула Константина по лицу, он крепко выругался, вытянул руки вперед, резко хлопнул в ладоши, развел руки в стороны. Вместе с этим жестом, ветки изогнулись и разошлись, создавая имитированный тоннель-тропу.

– Так-то лучше, – пробурчал мужчина, зашагав вперед.

Идти оставалось недалеко, это чувствовалось по воз-

растающей мощи энергии, излучаемой лесным духом. Добравшись, наконец, до ветхого векового дуба, внушавшего невольное восхищение немыслимым размером, Князь остановился, присмотрелся. Поверхность ствола была местами изжевана короедами, облуплена, листва мелкими пучками выбивалась лишь на некоторых ветвях, усеянных множеством древесных грибов-паразитов.

Прищелкнув языком, колдун шумно вздохнул, нахмурил брови:

– Спит! В разгар весны! – Набрав в легкие побольше воздуха, крикнул, – Салтус, просыпайся!

Ответа не последовало, пришлось кричать громче:

– Салтус, вставай! Нужна твоя помощь!

Крик разлетелся в разные стороны, заставив взмыть в воздух дремавших на ветках ворон. Неприятно каркая, черные птицы устремились подальше от нарушителя покоя, в страхе поглядывая глазками бусинками на ветхий дуб, внезапно задрожавший, заскрипевший, принявшийся слегка пошатываться. Скудная листва, не выдержав тряски, местами осыпалась, услав тонким зеленым ковром землю у подножия векового древа. Перестав «дрожать», дуб «затих», а через мгновение от ствола отделились толстые ветви, похожие на руки и ноги, на самой верхушке образовалась голова со светящимися ярким изумрудным огнем глазами. Ушей у существа не наблюдалось, вместо носа торчал корявый сучок, а рот заменяла дыра, больше напоминавшая беличье дупло.

– Кого там нелегкая принесла? – раздался грубый скрипучий нечеловеческий голос.

– Встречай гостей, старый друг! – весело крикнул Константин, не обращая внимания на сварливость хозяина леса.

– Князь? Ты ли, что ли? – спросил леший, стараясь открыть глаза пошире, чтобы лучше рассмотреть пришельца.

– А ты ещё кого-то ждал?

– Никого не ждал, но тебе рад. Что привело тебя в этот мир, да ещё и в мою обитель?

– Расскажу, только сначала сделайся чуток поменьше, ни то я охрипну, пока докричусь до безухого великана, – в требовательном голосе Князя слышались шутливые нотки.

Лесной дух громко рассмеялся, услышав справедливую претензию. Его рост достигал почти пяти метров, действительно неудобно в общении с человеком.

– Сейчас, погоди, – заскрипел он, напрягая деревянное тело.

Подрагивая, шурша веточками, похрустывая корой, леший стал уменьшаться, опускаясь все ниже. Остановившись на уровне груди колдуна, он резко крутанулся и замер на месте, представ перед старым другом в человеческом обличье. Его густые седые брови сошлись на переносице, ровная спина ссутулилась, длинная белая борода повисла до пояса. Морщинистое лицо, не смотря на хмурый вид, все же казалось добрым, глаза, горевшие изумрудным огнем, слегка поблекли, приобрели обычный зеленоватый цвет с голубыми вкрап-

лениями. Долгополое сероватое одеяние с длинными рукавами, свисавшим за спиной капюшоном, покрывало невеликое старческое тело, даже под одеждой обманчиво казавшееся немощным.

– Теперь-то получше? – голос лешего по-человечески смягчился, приобрел хрипящие старческие нотки.

– На много, – Константин растянулся в улыбке, обнял хозяина леса.

– Давненько ты не наведывался, – похлопав друга по спине, леший отстранился.

Коряво развернувшись, он подковылял к поросшему мхом валуну, похожему на свернувшегося в калач медведя, присел.

– Давай ка, сказывай, зачем пожаловал?

– За помощью, – коротко ответил колдун.

– Угу, значица все верно услыхал, – пробубнил леший. – Ну выкладывай, чем смогу помогу.

Старик прищурился, готовый выслушать просьбу. Он прекрасно помнил, чем обязан Темному Князю. В мыслях воскресли давно минувшие столетия, пожар, охвативший лес, чужак, ворожащий над пламенем, заставляющий стихию повиноваться, успокаиваться.

– Видишь ли, – Константин заговорил, лесной дух слегка подался вперед, – когда-то в твоем бору я наткнулся на странное растение, походившее на мох. Эта чудная травка излучала колоссальную энергию, принадлежавшую явно не

ей, а существу иного рода. Растение попросту впитало часть чужой жизненной силы. Брать траву с собой побоялся, чувствуя, как она вытягивает из меня магическую энергию, взамен пытаясь поделиться той, что имеет сама. Ты понимаешь, о чем я?

– Ага, – леший, казалось, задумался. – Никак про златый мох токуешь. Токма травкой-то его и не назовешь…

– Называй как хочешь, мне это растение необходимо.

– На какие дела? – спросил старичок, зная, что ведьмакам мох не лучший помощник.

– Для защиты.

– Не путаешь ли чего, Князь? – удивленно спросил хозяин леса. – Тебе растеньице такой помощи не окажет, токма чары колдовские послабит.

– Не для себя прошу, – признался Константин, – для смертного в магии не сведущего.

– Воно как! – леший прищурился. – И что ж это за человече?

– Девушка.

– Гм, – старичок почесал затылок, – тогда все ясно. Колдун, а сердце простое.

– Хочу защитить ее от порочной магии, – сказал Темный Князь, не обращая внимания на подтрунивания друга.

– Ясно, – вздохнул леший. – Златый мох диво редкое, но тебе найти его помогу. Токма, девке-то твоей рядышком побыть надобно. Растеньице ведь почти как тварь живая, свой

поток живительной силы имеет, и когда чужое поглощает, своим восполняет. А коли почует силу равную собственной, от вреда огородит, пользы больше даст.

– Знаю, – сказал Константин. – Девушка неподалеку.

– Так приведи ее, – закряхтел старичок, принявшись ерзать на месте, старательно разгоняя скованность в суставах, образовавшуюся после сна. – Мне надобно расшевелиться, косточки задеревенели, – пошутил он, улыбнулся тонкими губами, распрямив морщинки вокруг рта.

– Пень трухлявый, – засмеялся колдун, – полно халявить, я пойду вперед, а ты догоняй, как расшевелишься. Но смотри, девушка о ворожбе мало что знает, не вздумай ее пугать.

– Ладно, – хмыкнул леший, забавляясь тем, как обычно мрачный, суровый угрюмый колдун, коим он того помнил, опекает смертную деву.

Князь последовал обратно к месту, где его ждала избранница.

Дарина по-прежнему сидела на стволе упавшего дерева. Резкий шуршащий звук за спиной, заставил ее вздрогнуть, покрутиться, обследовать местность. Из кустов выскочил зайчишка, шмыгнул между деревьями, скрылся из виду. Девушка тяжело вздохнула, пушистый зверек напугал случайную путницу. Пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце, она расправила складки на подоле платья, сосредоточилась на узорах вышитых цветов. Немного жаль бродить по лесу в таком красивом наряде, ведь его ненароком можно

испачкать, порвать. Никогда раньше не имела она столь прекрасных одеяний, колдун баловал ее немыслимой роскошью. Главное не привыкать, злой рок частенько любит поглумиться над доверчивыми. Но поблагодарить хозяина Амбра Каструм лишний раз не помешает.

Тихо размышляя над подарками судьбы, юная особа перестала отвлекаться на разные шумы, пока не услышала неподалёку звонкий заливистый женский смех. Встрепенувшись, она поднялась на ноги, снова огляделась по сторонам. На глаза никто не попадался, но смех неоднократно повторялся, становясь то тише, то громче. Льющиеся звуки, наполненные радостью и весельем, зачаровали Дарину, и она медленно побрела к их источнику.

Приближаясь к месту, откуда раздавалось хихиканье, девушка отчетливее могла разобрать усиливающийся звук журчащей воды. Сомнений нет, она направляется к речке. Добравшись до узенького бережка, резко остановилась, не веря собственным глазам, уставилась туда, где располагался источник смеха.

Река, протекающая через весь лес, уже казалась дивом, но то, что на ее берегу сидели девушки с рыбьим хвостами, не поддавалось объяснению. Странные существа расчесывали длинные зеленоватые волосы, пропуская их меж пальцев. А рыбьи хвосты прелестниц, заменявшие им ноги, покрытые крупной чешуей, поблескивали на солнечном свету. Переглядываясь, перешептываясь, русалки над чем-то потеша-

лись, звонко хихикая.

Став невольной свидетельницей русалочьего веселья, Дарина потеряла от изумления дар речи. Она, молча, наблюдала за девами, боясь шевельнуться. И вдруг, внезапно, прямо перед ее лицом, яркой желто-серой вспышкой порхнула маленькая синичка, хлопнула крыльями, юркнула вглубь леса, через секунду скрывшись из виду. Неожиданное молниеносное движение напугало девушку так, что она вскрикнула, отпрянула назад, словно от удара. В то же мгновение, неведанные существа, находившиеся на берегу реки, прекратили любые действия, воззрились на пришелицу. Их прекрасные лица, словно выточенные из камня, застыли в удивленной гримасе, но во взгляде читалась откровенная враждебность, заставившая незваную гостью, поежится от неприятного предчувствия.

Подгоняемая страхом, Дарина круто развернулась, надеясь убежать прочь от странного места. Но не успела сделать шага, как до ее ушей долетели прекрасные звуки, порождаемые полу женщинами полу рыбами. Они пели, и это пение казалось столь дивным, что невозможно было отказаться от счастья слушать его.

Околдованная трелями русалок, девушка медленно обернулась, зашагала обратно. Словно ведомая за руку, она приближалась к коварным существам. Те продолжали манить, зазывать случайную, но такую желанную, жертву, протягивая к ней тонкие изящные длинные руки. В их глазах все

сильнее читалось хищное желание овладеть приближающейся добычей. И стоило Дарине подступить достаточно близко, чтобы схватить ее, русалки тут же вцепившись в руки и ноги девушки мертвой хваткой, потащили в студеную воду. Когда ледяная влага сомкнулась над головой девушки, она словно очнулась ото сна, закричала, выпустив наружу сотни круглых пузырьков воздуха, быстрым потоком устремившихся к поверхности. Истощив запас кислорода, прекратила крик, вдохнула, почувствовала, как, обжигая пронзительным холодом, в легкие потекла пресная вода. В ужасе поняв, что это последний миг жизни, избранница Темного Князя погрузилась во мрак.

Хмурясь, Константин озирался по сторонам, пытаясь отыскать спутницу, которую отставил на том месте, где сейчас находился. Бросив взгляд на упавший дуб, заметил совсем рядом пару сломанных веточек молодняка ясеня, примятую от шагов прошлогоднюю листву на земле.

– Что потерял? – голос, раздавшийся за спиной, заставил колдуна обернуться.

– Быстро ты нагнал меня, Салтус. Видимо не так уж стар, каким хочешь казаться.

– Полно те подтрунивать, – леший скорчил обиженную мину. – Где ж дева-то?

– Сам не пойму, – признался мужчина. – Оставил здесь, следы подтверждают…

– Видать сильно она тебя за живое задела, ледец да под-

растопила в холодном сердце, раз уж столько-тревоги-то в голосе.

– Не стоит ковыряться в чужом сокровенном, – предостерег Князь. – Я хочу обезопасить девушку, об остальном никому больше ведать не надо.

– Ну как знаешь, – пожал плечами хозяин леса и тут же затих, насторожился. – Чуешь? – Спросил он, прислушиваясь к резким всплескам воды, отчетливо слышавшихся неподалеку.

– Река плещет? – недоброе предчувствие противным холодком кольнуло сердце Константина.

– Река… – выдохнул леший, – сама так не плещет…

Заковыляв по направлению к реке, лесной дух уже знал, беда не минуема.

Бережок оказался чист, ни души в округе видно не было, но старичок принялся тыкать скрюченным пальце в воду, кричать:

– Живее, Князь, живее! Спасай деву… бестии русалки… ко дну утащили! Ну же, Князь!

Немедля не секунды, Константин бросился к воде, прыгну, погреб в глубину. Окутавшие его мрак, холод, не предвещали ничего хорошего, но колдун не сдавался. Наконец почувствовав чахлую тонкую нить энергии, излучаемую Дариной, он изогнулся, выбрал направление, устремился к цели. Но чем глубже погружался, тем слабее чувствовал истонченную связь, это могло означать только одно – девушка умира-

ла, и времени на ее спасении практически не оставалось.

Внезапный лучик надежды с новой силой вспыхнул в его сердце, когда, через полупрозрачную толщу воды он, наконец, увидел свою избранницу. Глаза той были закрыты, лицо мертвенно бледным, руки и ноги находились в плену у хватких рук полу женщин полу рыб. Они удерживали несчастную, не позволяя всплыть на поверхность, вдохнуть живительного воздуха.

Ярость, гнев охватили Темного Князя. Почуяв неладное, русалки засуетились, случайно выпустив жертву, за озирались, и лишь увидев приближающегося колдуна, в панике бросились в россыпную.

«С вами я позже расквитаюсь» – решил Константин, подплыл к Дарине, обхватил тонкую талию, усердно заработал ногами, намереваясь побыстрее всплыть на поверхность.

Вытащив бездыханное тело девушки на берег, положил на спину, заглянул в белое словно саван лицо, коснулся посиневших губ с образовавшимся вокруг ореолом тусклого фиолетового оттенка.

– Бедное дитятко! – прошептал леший, подковыляв и склонившись над утопленницей. – Ну ничего, ничего, поправимо… времячко осталося…

Приблизившись к речке, хозяин леса сосредоточился, закрыл глаза, свел брови в кучу и издал громкий продолжительный гортанный звук, похожий на призыв дикого животного. Через несколько мгновений, пресная речная вода за-

бурлила и из нее показалась огромная жабья голова. Подплывая к берегу, голова все больше высовывалась из воды, зыркая круглыми выпуклыми водянистыми глазами, зеленого цвета. Поднимаясь над речной гладью, показалось тело, походившее на человечье, но уж больно раздувшееся, с лягушачьей кожей болотного оттенка, покрытой пупырышками.

– Быстро отозвался, – запыхтел леший.

– Недалече владенья обхаживал, – булькая выговорил водяной. – Чего звал-то?

– Дело важное, отлагательств не терпит, – затараторил старичок. – Прислужницы твои бяду учинили…

– Которые? – удивился водяной, подпрыгнул на месте, затряс свисающим подбородком.

– Русалки! – хозяин леса всплеснул руками.

Водяной нахмурился, притопнул ногой с вытянутыми худыми пальцами, между которыми натягивались почти прозрачные перепонки, имеющие тоненькие синевато-алые прожилки.

– Бестии! До русалочьей недели далече еще, а они уже шалят да балуют. Чего опять учинили?

– Деву утопили.

Хозяин реки удивленно воззрился на старого друга, пожал плечами.

– Это шалость конечно, но в том и суть русалочья, здесь мне не за что бранить проказниц.

– Погоди щеки раздувать, – зашипел леший, – дева-то не

простая.

– Чего ж в ней не простого-то? – не унимался водяной, хмурясь сильнее.

– А то, что дева Князя!

– Какого такого Князя.

– Темного Князя… – многозначительно зашипел леший, смешно вытянув шею.

– Ох, – булькнул водяной, наконец разобрав о ком речь идет, – Чего ж сразу не сказал-то?!

Речной дух не понаслышке знал Константина. Когда-то чужак, явившийся из другого мира, не погнушался воспользоваться магическими знаниями, укротил пожар, бушевавший в лесу, пожиравший все на своем пути. Хозяин реки благодарил чужеземца не меньше лешего, за благодушие, за помощь. Позволь огню сожрать лес, объедки, павшие от пожара обгорелые деревья, он выбросит в речку, погубит обитателей не только наземных, но и подводных.

Колдун тогда подоспел вовремя, откуда взялся, никто не мог понять, с роду не видывали лесные существа подобной силы в человеке. Пришелец ничего разъяснять не стал, поведал только, что иной мир домом ему приходится, остальное незачем рассказывать.

Допытываться духи не стали, лешему достаточно оказалось того, что Князь «дом» его уберег, да и водяному тоже. Вот только хозяин реки к чужаку помимо неизмеримой благодарности испытывал и благоговейный страх, чувствуя тем-

ную сторону мужчины.

Необъяснимые ощущения укрепились в момент, когда пришлось невольно узреть то, что скрывал колдун под покровом уверенной холодности.

В последний раз поблагодарив Константина, леший, водяной распрощались с ним, каждый пошел своей дорогой. Так думал чужеземец.

Продвигаясь вдоль реки, колдун не замечал водяного, державшегося в отдалении, решившего проследить за тем, куда направится пришелец. Тот шел твердой уверенной походкой, пока не набрел на заваленный поперек речки толстый ствол большой осины, повисшей не высоко над водой. Ступив на иссохшее дерево, намереваясь перебраться на другую сторону, Темный Князь не успел сделать и трех шагов, как из воды вынырнула прелестная дева, схватила его за щиколотку тонкими длинными бледными пальцами, попыталась сдернуть с бревна в воду. Попытка увенчалась неудачей, мужчина даже не шелохнулся, напротив, он молниеносно склонился, выбросил вперед руку, схватив нападавшую за шею, выдернул из реки, поднял вверх так, что в воде остался только кончик рыбьего хвоста. Русалка, не ожидавшая такого поворота событий, захрипела, затрепыхалась, влажными перепуганными глазами уставилась на мужчину. Колдун ответил презрительным взглядом, шумно вздохнул, обследовал рыбий хвост, блестевший на солнце серебристой чешуей, прищелкнул языком.

– Что, утопить хотела?

Русалка открыла рот, но вместо слов из горла вырвался жуткий хрип, тело уродливо изогнулось, острые когти впились в руку Константина, царапая кожу, оставляя тонкие кровоточащие ранки. Но колдун речную деву не отпустил, слегка ослабил железную хватку, зашептал заклинание. Казалось, слова Князя хлещут бичуют русалку, заставляя ее тело конвульсивно извиваться, корежиться, скрючиваться. Преодолевая хрипы, из горла существа рвался неистовый крик, но Константин стоял на своем. Окончив наговор, он швырнул деву на берег, удовлетворенно осмотрел проделанный труд. На земле лежала обыкновенная девушка, рыбий хвост исчез, его заменила прекрасная пара ровных длинных человеческих ног.

– Что ты натворил? – завопила дева.

– Это поможет вспомнить, почему нельзя людей топить, – в голосе мужчины слышалась ледяная уверенность.

– Не хочу снова быть человеком, не хочу! – зарыдала русалка.

– По заслугам дается, – бесстрастно выговорил чужеземец, – походи, погуляй с ногами, подумай. Ума наберешься, значит, лет через тридцать-сорок снова вместо ног рыбий хвост обретешь.

Деву прошиб ледяной озноб, холодный пот выступил на лбу, руки затряслись, на глаза навернулись горькие слезы. Рыдая, причитая, она умоляла вернуть ей прежнее обличье,

но Князь уже не слышал ее стенаний, уходя прочь, оставляя русалку в одиночестве и отчаянии.

Водяной не вмешивался, признавая правоту колдуна, ждал, пока тот отдалится на большее расстояние. Стоило чужаку скрыться из виду, хозяин реки тут же выбрался на сушу, пришлепал к подопечной, печально поглядел на нее, помотал жабьей головой, отчего свисающий подбородок заходил ходуном. Он понимал горе русалка, но перебить чужеродную магию не мог, попросту не хватало сил справиться с могущественным колдовством.

Подняв на хозяина покрасневшие от слез глаза, девушка взмолилась:

– Владыка, верни, молю, верни мое обличье! Не могу, не хочу снова быть человеком! Не для того к реке шла при жизни людской, не для того холодным водам тело отдала, чтобы снова по земле ступать, мучиться! Верни хвост рыбий, владыка, верни холодное сердце утопленницы!

Водяной не сводил печальных глаз с русалки.

– Я бы и рад, – потускневшим голосом бурчал он, – но силушки не достанет, чары ведьмака нерушимы.

– Что же тогда мне делать? – отчаянно выкрикнула дева.

– Ждать пока выйдет назначенный срок, – хозяин реки вяло пожал плечами.

– Тридцать лет? – ужаснулась русалка.

– Не такой уж это срок долгий, – утешал девушку водяной, – рыбий хвост за грехи тебе пять сотен лет носить наре-

калось. Авось дела-то старые с ноженьками поправишь, да в подземные чертоги ранее попадешь, за грехи расквитаешься…

– Невмоготу мне, – застонала дева, – русалочье сердце холодно, людское полно боли… Я не вынесу человеческой жизни, опять топиться пойду…

– Не смей! – закричал хозяин реки. – Глупое создание! Не утопнешь! Сгоришь! Душа сгорит за неповиновение!

Гнев водяного, вспыхнувший внезапно, тут же рассеялся, растворился в воздухе, пересиленный жалостью. Он знал, почему девушки к рекам ходят, почему топятся, смывают людские мучения. Чаще, конечно, из-за неразделенной любви, рвущей сердце на части. Ему бы нагнать Темного Князя, взмолиться за русалку, просить, требовать нарушить чары, но нет. И дело то не в гордыне, а в праведном гневе чужака. Дева его утопить попыталась, он ей по заслугам отплатил, наказал.

– О, владыка, не отринься от меня, а еже ли и так, значит убей, – причитала русалка, мотая головой, расцарапывая в кровь кожу на ногах.

– Убить не сложно, – удрученно проговорил водяной, – да много ли проку тебе от смерти будет?

– Все одно, – рыдала та, – не будет мне житья в человечьей шкуре! Убей! Убей!

– Полно! Будь, по-твоему. Но послушай. Грех ты свой не отслужила по сроку, от сего следует не простым путем хажи-

вать. Дух твой в подземные чертоги назначен, отправляйся сразу к темным вратам, жди там наказа. Чем смогу, подсоблю, но дальнейшей судьбы твоей ведать мне не дано.

Русалка, согласная на любые условия, кивнула, утерла слезы, размазав по щекам кровь, в которую были испачканы ее руки, от разодранных ран на ногах.

В последний раз, взглянув на подопечную, водяной плотно сжал большой жабий рот, склонился, провел растопыренной перепончатой ладонью по волосам девушки, сконцентрировался, а затем, выпрямившись, резко хлопнул в ладоши над ее головой. В тот же миг, дева побелела, приобрела прозрачность, и через мгновение рассеялась, превратившись в пену, которая легла на речную гладь, поплыла по течению. Хозяин реки глядел вслед удаляющимся сгусткам белых пузырьков, понимая желание девы, отдаться объятиям смерти. Облик русалочий приобретал кто? Утопленницы, да младенцы не крещенные, посмертно. Таковым срок наказания сразу приписывается за грехи свои и родительские. Мучатся после от неполноценности да угрызений совести, ждут, пока срок выйдет, чтобы пуститься в новый путь, переродиться, начать новую жизнь, забыв старые горести. Многие смиряются с наказанием, добросовестно грех отрабатывают, некоторым нравится жизнь русалочья, они так и остаются служить водяному, а бывают и такие, что любят попроказничать. Шалят негодницы часто, тоску речную разгоняют. Но беда в ином кроется. Девы, обращенные русалками, питают к роду чело-

веческому лютую ненависть, помня, какую неистовую боль пережили в прошлом. А уж если от любовной тоски руки на себя наложила, пуще других беснуются.

Не редко ненависть побуждала полу женщин полу рыб топить нерадивых пловцов, да рыбаков. С течением времени они научились получать еще и выгоду от своего страшного дела, приноровившись питаться жизненной энергией жертв. Русалки вытягивали драгоценную живительную силу утопленника, поглощали ее, получая неописуемое удовольствие. Желание получать больше того, что имеют, толкало их на опрометчивые поступки. Они выдавали себя, мельком показывались людям на глаза, зазывали пением, топили, и народ стал неистово бояться нечистой силы, отбирающую их жизни.

Водяной не препятствовал утехам прислужниц, бранил лишь за неосторожность, да неосмотрительность. Но когда в середине лета наступала русалочья неделя, он давал девам полную свободу, и те старались насытиться на год вперед. Разбаловал проказниц в конец, вот и поплатился за это.

Вспоминая историю четырехсотлетней давности, хозяин реки содрогнулся от недоброго предчувствия. Необходимо как можно скорее исправить оплошность, ни то колдун обрушит на их головы страшное наказание. Нет, в этот раз он хвосты русалкам на ноги не сменит, попросту сотрет в порошок виновниц, да чего доброго, и реку совсем иссушит. Нельзя такого допустить!

Заглянув чрез плечо лешего, водяной уставился на Константина, стоявшего на коленях и прижимающего к груди холодное тело утопленницы, выпученными жабьими глазами. Это дало понять ему, что времени осталось совсем мало. Беспокойно покачав головой, затрясши подбородком, он вернулся к реке, сунул перепончатую руку в воду. Полу женщины полу рыбы, прятавшиеся в густых зарослях водорослей, учуяли молчаливый призыв владыки, поднялись из глубин. Подплыв ближе к водяному, они вопрошающе стали глядеть на него. Тот недолго думая, схватил одну из прислужниц за волосы и выволок на берег. Несчастная дева не издала ни звука, полностью подчиняясь воле хозяина. Остальные русалки последовали за ней, неуклюже перебирая руками, перетягивая туловище с рыбьим хвостом, самостоятельно выбирались на сушу, ползли по земле, сдирая серебристую чешую о мелкие камешки, сухие веточки, валявшиеся повсюду вдоль узкого бережка.

Хмурый, разгневанный водяной, остановился неподалеку от колдуна, выпустил из ладони зеленые русалочьи локоны. Зыркнув на прислужниц налитыми от ярости кровью глазами, раздув щеки, он громко выкрикнул:

– Ну ка, бестии, немедля верните живой свет утопшей деве…

Русалки заохали, застонали, заскрипели зубами. Владыка впервые требовал возвратить жизненную силу утопленнику.

– Ну! Ненадоти на меня очи-то пучить, живо наказ испол-

нять…

Иного не оставалось, девы, выкручивая, ломая руки, поползли к недавней жертве. Рассредоточившись по кругу так, что Дарина с Князем оказались прямо по центру, они злобно зашипели на мужчину, бессловесно выгоняя его из образовавшего невидимого круга.

– Князь,– закричал леший, – отступись…

Неохотно выпустив избранницу из рук, опустив на землю, Константин поднялся на ноги, полный решимости осуществить обещанное русалкам, если те не вернут утопленницу к жизни. Перешагнув через незримую ограду, он встал неподалеку, пристально наблюдая за действиями существ.

Полу женщины полу рыбы неохотно принялись за дело. Прикрыв глаза, они запели дивными голосами, задвигались, подсунулись ближе к Дарине, закачали плавно головами. Склонившись над недавней жертвой, простерли руки над ее телом, сжали ладони в кулаки, затем прижали их к собственной груди. У самого сердца вновь раскрыли ладони, принялись водить ими вверх-вниз, начиная от груди, поднимаясь к горлу и обратно, не прекращая волшебную арию. Со стороны проводимый ритуал казался чарующим, но уже через несколько мгновений, очарование пошло на спад. У основания грудной клетки каждой из дев, образовалось тусклое бело-голубое свечение. Оно росло и росло, становясь плотнее, преобразовываясь в небольшие мерцающие сферы. Затем эти светящиеся энергетические комочки затрепетали в

груди русалок и, сдвинувшись с места, плавно принялись подниматься к горлу. Как только сияющие шарики оказались у основания рта, девы одновременно выдохнули их на ладони, а затем поочередно стали подносить к мертвенно бледному лицу Дарины, к посиневшим губам с фиолетовой каемкой.

Один за другим, русалки вкладывали мерцающие шарики в рот утопленницы, и с каждой новой сферой синева на устах ее растворялась, губы приобретали живой цвет, бледность сходила с лица, щеки розовели, покрываясь пунцовыми пятнами. Лишь последний комочек исчез из виду, ресницы девушки затрепетали, и она резко закашляла, выталкивая воду из легких.

Русалки разомкнули круг, отстранились, тяжело задышали. Чтобы оживить девушку, им пришлось отдать часть собственной энергии, помимо украденной, отчего теперь они испытывали слабость и дурноту. Внешний вид существ тоже переменился: осунувшиеся, изможденные, с обвислой кожей на лицах, кое-где потрескавшейся, пересохшей, с облупившейся на хвостах чешуей и потускневшими глазами, они одновременно вызывали жалость и неприязнь. Видя болезненность, беспомощность прислужниц, водяной поторопился отослать их, приказав вернуться в речные глубины и дожидаться его возвращения.

Дарина все еще продолжала надрывно кашлять, когда колдун подскочил к ней, обнял, тихо облегченно вздохнув, при-

жал к гулко бьющемуся сердцу. Девушка понемногу приходила в себя, отчетливее ощущала жгучую боль, с каждым вдохом вспыхивающую в горле, расплавленным железом стекающую в центр грудной клетки. Не видящим взором она блуждала по местности, пока не наткнулась на сиреневый подол, едва слышно застонала:

– Все-таки испортила платье…

Услышав шепот избранницы, Константин замер, но поняв смысл сказанного, разразился громким смехом. Она едва не потеряла жизнь, а сокрушалась из-за вымокшего, местами порванного, испачканного наряда. Что за уникальное создание?

Уняв смех, Темный Князь снова посерьезнел, нахмурился, но спросил, как можно спокойнее:

– Почему ты меня не послушала? Зачем к реке пошла? Я же говорил не сходить с места? Ты хоть понимаешь, что могло случиться, не подоспей я вовремя?

– Не знаю, – выдохнула девушка, – они так пели… Я просто не понимала… пошла…

– Как же ты меня напугала! – Константин прервал слабые попытки оправдаться. – Я думал, что потерял тебя.

– Я была мертва? – нерешительно спросила Дарина, словно боясь услышать ответ.

– Некоторое время, – мрачно ответил колдун. – Если бы ты не вернулась к жизни, мне пришлось бы последовать за твоей душой в очень страшные места, чтобы вернуть обрат-

но.

– Такое возможно?

– Возможно. Сложно добиться невозможного, но я бы не сдался в борьбе за твою жизнь.

– Прости, – шепот раскаянья был едва слышен, – я повела себя очень глупо. Впредь буду осторожнее и помогу тебе снять заклятие, не доставляя трудностей.

– Послушай, – проговорил Темный Князь, разобрав печаль в голосе избранницы, слегка отстранил ее, заглянув в лазурные глаза, наполнившиеся грустью, – ты нужна мне не только потому, что можешь помочь, но потому что я…

Колдун запнулся, не имея сил признаться в чувствах хрупкой, беззащитной девушке, подарившей ему надежду на лучшее. Однажды он совершил ошибку, приняв за любовь страсть к женщине, и поплатившись за собственную неразумность, отчего сейчас решил пока сохранить в тайне истинную нежность к той, что в данный момент держал в объятиях.

– Потому что я дорожу тобой, – закончил он.

Леший неодобрительно покачал головой, наблюдая за развернувшейся картиной, но вмешиваться не стал. Если Князь скрывает свою любовь к девушке, значит на то есть причины.

– Как ты? Что-то болит? – Спросил Константин, меняя тему.

– Немного болит в груди, – Дарина пошевелилась, поморщилась, положила ладонь чуть выше солнечного сплетения.

– Это скоро пройдет, – колдун встал, помог избраннице подняться на ноги,– ты немного надорвалась, выкашливая воду.

Придерживая Дарину за плечи, пошатывающуюся от слабости, он медленно повел ее в сторону «нечистой силы». Увидав водяного, девушка тихо ойкнула, остановилась на месте, пораженно воззрившись на странную огромную человеко-жабу. Хозяин реки, не скрывавший свою нечеловеческую сущность, переминался с ноги на ногу, ожидая приговора Темного Князя, но тот молчал. Вместо него заговорил леший, обратившись к смутившейся юной особе:

– Не страшись, дитятко. Никто боле тебя не обидит.

– Я и не страшусь, – ложно расхрабрилась та, стараясь унять дрожь в коленях.

– Ишь ты, безбоязненная… – булькнул водяной, и тут же замолк, увидев огонь гнева, полыхнувший во взгляде Константина.

– Лучше прикуси язык, – прошипел колдун, – да за своими… русалками… приглядывай почаще…

– Ну, ну, – запричитал леший, чувствуя, как накаляется воздух, – все плохое позади, хватит время попусту тратить, пойдем Князь, златый мох сыщем?

Константин молчал, продолжая испепелять водяного яростным взглядом. Тот, в конце концов, сдался, виновато потупил взгляд, опустил голову, коснувшись увесистым подбородком пупырчатой бледно-зеленой шкуры на груди.

Злость чужеземца не на пустом месте образовалась, хозяин реки понимал и принимал это. Где-то в глубине сознания даже радовался, что колдун гневается, а не бушует, истребляя всех, кого считает виновными.

– Пойду я… – не поднимая выпуклых глаз, пробулькал он, собираясь войти и погрузиться в речку.

– Стой! – крикнул Константин, увидев, как хозяин реки мгновенно замер, напрягся, ссутулился, втянув голову в плечи, – Благодарю!

От неожиданности водяной даже подпрыгнул, открыл огромный жабий рот, намереваясь что-то ответить, но затем решил, что может спугнуть улыбнувшуюся удачу, молча кивнул, забрел поглубже в воду и нырнул, скрывшись из виду.

– Чт… кто это… был? – тихо, запинаясь, спросила Дарина.

– Водяной, – просто ответил Князь, – дух реки, владыка русалок.

Девушка почувствовала резкую головную боль, потерла виски, вздохнула:

– Опять нечистая сила.

– Ох, почему же сразу «нечистая»? – отозвался леший, подковылял ближе, скорчил обиженную мину.

Присмотревшись к старичку, Дарина ощутила неприятный холодок, скользнувший по позвоночнику. Внешне тот вроде ничем примечательным не отличался от обычного человека, но в глубине его прищуренных, окаймленных тонкой

паутинкой морщинок, глаз, виднелся живой, мерцающий зеленый огонек. У простых смертных людей такого не встретишь, поэтому избранница Князя сглотнула, образовавшийся в горле, комок, привстала на цыпочки, стараясь дотянуться до уха колдуна, едва слышно шепнула:

– Леший?

– Леший, леший, – ответил сам хозяине леса, так, будто вопрос адресовался ему, насупился сильнее.

Вот из-за такого абсолютно невежественного отношения к ворожбе да магии, он и не любил иметь дело с людьми. Глупые, бестолковые создания, боятся всего на свете, словами пакостными обзываются. Да вся сущность лесная почище многих человечков станется!

– А чего дурного в леших-то? – продолжая щуриться, пробубнил старичок.

– Ничего, – растерялась Дарина, поглядела на Князя, но тот молчал. – Только обличье…

– Какое? Человеческое?

– Ага, – выдохнула девушка.

– За это Князю кланяйся, я в человечьем обличье редко хаживаю.

– Полно, Салтус, – вмешался Константин, – не видишь, она и так напугана.

– Вижу, – сознался леший.

– Тогда хватит попусту время тратить.

– Хватит… – бурчал леший, заковылявший вдоль реки, –

нечистая сила… ишь ты… Пойдем, нечисть тропки небось знает… А как же…

– Полно тебе, ворчливый старикашка, – в голосе Князя послышалась смешинка.

Леший молча обернулся, прищуренным глазом поглядел на старого друга.

– А ты никак забавляешься?

Константин сдержал улыбку, выговорил с сарказмом:

– Над тобой позабавляешься…

– То-то же…

Кряхтя, вздыхая леший направился дальше, изредка посматривая по сторонам, раздувая крылья носа, словно принюхиваясь. Шли недолго, поэтому, когда хозяин леса внезапно остановился, Темный Князь удивленно спросил:

– Это здесь?

Леший отрицательно помотал головой, повернулся направо, вгляделся в густые заросли деревьев и, внезапно, громко протяжно свистнул. Снова прищурился, что-то высматривая.

Между стволами замелькала серая тень, приблизилась, показался пушистый хвостик. Через мгновение отчетливо вырисовался пятящийся заяц, вцепившийся мелкими зубами в длинную резную палку, рывками сгибаясь в спине, подтаскивая палку к задним лапам, затем выпрямляясь, чтобы совершить новый очередной рывок. Косой старательно тянул ношу к ее хозяину, напрягая небольшое гибкое тельце.

Лишь палка оказалась у ног лешего, заяц отпустил ее, задрал кверху пытливую мордашку, подергал мягким носом, прижал длинные уши к загривку.

– Молодец, – похвалил старичок, погладил пушистую серую голову зверка, поднял палку с земли. – Ступай!

Заяц мгновенно юркнул обратно в чащу, а палка в руках хозяина, будто ожила, вытянулась, местами покрылась мелкой листвой, преобразовавшись в чудной посох. Опершись на него, леший облегченно вздохнул, тяжело проговорил:

– Годы берут свое…

Продолжали путь медленно, в полном молчании, пока яркий желто-оранжевый шар не склонился к горизонту, намереваясь спрятаться за тонкой полосой земли, увенчанной пушистыми верхушками деревьев. Константин поднял глаза к терявшему свет небу, скрипнул зубами.

– Как долго еще? – в его голосе чувствовалось нетерпение.

– Почти дошли, – не оглядываясь, прокряхтел леший, упер посох в землю, огляделся. – Да, исток совсем близехонько. Речка-то сия исток из болота черпает. На том болоте всякое сыскать можно. Златый мох тожеть там раздобудем.

– Что это… златый мох? – тихо спросила Дарина.

– Причина нашего появления здесь, – ответил Князь. – Он защитит тебя…

– От кого?

Не удивительно, что в девушке проснулось любопытство, колдун сболтнул лишнего. Еще не пришло время сознать-

ся в истинной причине его поступков, поэтому, взглянув на хрупкое, беззащитное создание, которое он желал уберечь больше всего на свете, медленно произнес, четко разделяя каждое слово:

– Скажи, ты мне доверяешь?

Вопрос застал Дарину врасплох. На одно короткое мгновение она задумалась, затем быстро, словно оправдываясь, пролепетала:

– Конечно!

– Как сильно ты мне доверяешь? – не унимался Константин.

– Не знаю, – замялась Дарина, стряхнула сомнения, с жаром выпалила, – Как ты можешь спрашивать о подобном, ведь знаешь же, что жизнь и душу свою готова доверить тебе.

Удовлетворившись ответом, колдун кивнул, снова спросил:

– Могу просить тебя об одолжении?

– О чем угодно!

– Прошу, не задавай пока вопросов и не требуй ответов. Все к чему ты была готова, я тебе поведал, осознание прочего само придет к тебе постепенно, со временем. Так будет лучше. Понимаешь?

– Понимаю,– просьба была справедливой, Дарина не стала отпираться.

Еще немного пройдя вперед, она резко остановилась, услышав победоносное восклицание лешего:

– Добралися! Гляди ка, Князь… это тожеть мои владения.

Впереди простиралось обширное болото, усеянное бугорками торфа и перегноя из растений. Кое-где пробивались ростки калужницы, обещавшие в назначенное время зацвести обильными цветами. Застоявшуюся воду, лужи, покрывал тонкий слой ряски, выделявшейся на мрачноватой местности изумрудными красками. Немногочисленные, полусгнившие стволы деревьев торчали из воды, чернея, навивая неприятные мысли. Бурыми, темно-зелеными пятнами по влажной земле расползался короткий пушистый мох, усеянный крохотными комочками почвы. Прячась, между ними туда-сюда сновали моховые, лазовики, которых Князь быстро приметил. Эти маленькие духи-помощники выбирали лучшие места для наблюдения за чужаками, явившимися на их болото. Несмотря на то, что в провожатых у тех был леший, малыши, похожие на миниатюрных пухлых человечков, со свиными пяточками вместо носов, и свиными ушками, обряженные в лиственные одежки, все же опасались незнакомцев.

– Полно шуршать, да шастать, – заворчал леший, обращаясь к маленьким духам, – не нужно страшиться, покажитесь… помогите мне.

Медленно, с опаской, перемигиваясь, подергивая крохотными пятачками, моховые высунули из укрытий любопытные мордочки, шмыгнули в сторону от земляных бугорков и, кучкуясь, приблизились к старцу. Блестя черными глазками

пуговками, внимательней поглядели на Дарину, вызвавшей нешуточное любопытство.

– Ближе, ближе, – заворчал леший, недовольный колебаниями моховичков. – По нраву? – указал он на девушку.

Легкий писк, покачивание головок, похлопывание в крохотные ладошки. Малыши выказали симпатию.

– Значица ступайте, по болоту да по лесу пошастайте, сыщите златый мох. Да чтоб по живой силе со светом девы схож был. Ясно?

Махонькие духи попискивая зашушукались, согласно закивали, боязливо подкрались к избраннице Князя, чтобы потрогать подол ее платья. Быстрыми движение крохотных ручонок, малыши через ткань выхватывали крупицы живой энергии девушки, попутно вздрагивая, охая, и тут же уносясь прочь на обширное болото.

– Видать дюже ты лазовичкам-то по нраву пришлась, – растянулся в улыбке леший, – ишь зашустрили-то как!

– Такие крохотные, – пролепетала девушка, – лазовики?

– Агась, моховички, лазовички.

– И что же им так сильно приглянулось? – насторожился колдун.

– Свет, – пожал плечами хозяин леса, – свет живой, которым лучится дева.

Константин промолчал, в очередной раз пожалев о несдержанности, украдкой жестом, так чтобы не видела Дарина, намекнул лешему, чтоб не болтал лишнего. Старичок

едва слышно хмыкнул. Сначала спрашивают, потом говорить запрещают! Странный народец! Сделал вид, будто ничего не заметил, мысленно подшучивая над старым другом, принялся тараторить:

– Тяперячи подождать надо, пока помощнички мои златый мох сыщут. В сие время тяжко с этим стАнитца. Аука нибось за зиму все в избу свою перетаскал. Пока нынче нового нарастет… Ему ж златый мох унше подшерстка, потому как колдовская сила растеньица на ауку деяний не имеет, а теплом с лихвой одаривает. Зимой-то ему не спитца, в избе отогреется, потом все по лесу бродит, да по болоту. Я его в последний раз еще осенью видывал, он тогда совсем толстый был, щеки такие, будто орехов за них напихал. Лапу медвежью раздобыть желал, старая у него совсем поистрепалась. Он же лапу заместо помела в избе приспособил.

– Было дело, встречал как-то этого проказника, – заметил Князь, вспомнив, как случайно в далеком прошлом столкнулся с аукой в этом же бору, – он тогда еще меня напугать пытался, смешно фыркал…

– До этого дела он охоч пуще меня, – засмеялся леший.

– Возвращаются! – внезапно крикнула Дарина, заметив малышей-духов, перепрыгивающих с одного островка торфа на другой.

– Ох и шустрые, – удивился леший, покачал головой, – не ожидал, право, не ожидал.

Действительно, крохотные моховые, лазовики, обнару-

жившие чистую, добрую энергию девушки, с восторгом торопились поднести ей в дар златый мох. Желание угодить светлой душе, напрочь лишило их страха, погнало к избе ауки. Повытаскивав из щелей колдовское растение, существа теперь неслись во весь опор обратно, быстро переставляя махонькие ножки, попискивая, задирая ручонки к небу, показывая, чем те заняты.

Подскочив к избраннице Князя, они принялись с благоговением укладывать подношения у ее ног. Оставив дары, кланялись, пятились назад, вздыхая, с восхищением поглядывая на девушку, не торопившуюся поднимать мох.

Дарина с нескрываемым любопытством наблюдала за маленькими духами, умиляясь проворности крохотных созданий. Не сдержавшись, она вдруг присела, улыбнулась:

– Благодарю!

Маховые, лазовики удивленно воззрились на девушку, схватились ручонками за пухлые розовые щечки, закачали махонькими головушками, попутно охая, прищелкивая язычками.

– Что происходит? Что-то не так? – растерялась юная особа.

– Все в порядке, – успокоил спутницу Константин, – просто крохи удивились.

– Чему?

– Доброму слову, – вмешавшись, пояснил леший.

Дарина смутилась, но ничего не сказала. Взглянув на

невеликие кучки принесенного растения, сверкавшего золотыми искрами в лучах заката, она ощутила непреодолимое желание прикоснуться к прекрасному. Завороженная волшебным блеском, девушка не устояла перед соблазном, потянула ко мху руку.

– Не прикасайся… – завопил леший, испуганно вытаращив глаза.

Девушка не отреагировала, с головой погрузившись в созерцание красоты поднесенного дара. Быстро подхватив один из сверкающих, словно огонек, комочков, приблизила к лицу, стараясь рассмотреть получше. Золотые искры отразились в глубинах лазуревых глаз, сердце забилось чаще.

Хозяин леса опасливо наблюдал за происходящим, ожидая непредсказуемой реакции. Константин напротив, встревоженный криком, поспешно метнулся к избраннице.

– Дарина, брось, – выпалил он, намереваясь выбить опасное растение из ее рук.

Но леший не позволил. Ухватив колдуна за рукав, резко потянул на себя:

– Постой, погоди, Князь!

Колдун гневно зыркнул на удерживающую его руку, дернулся, высвободив рукав.

– Все мирно, Князь, мирно! – торопливо пыхтел леший.

– Чего орал тогда, – зашипел Константин.

– Испужался, с кем не бывает. Кому известно-то, авось мох силу живую девы сверх меры пожрал бы.

– Почему заранее не предупредил?

– Да как-то не подумалось, – пожал плечами старичок, – дева сшустрила, и глазом моргнуть не успелось. Не серчай Князь, не нагоняй страху.

– Смотри, Салтус, – предупредил колдун, – ежели с ней что случится, пеняй на себя. Я к тебе за помощью пришел и дважды уже пожалел об этом.

Леший тяжело вздохнул, осунулся. Как не крути, а друг его прав.

Подступив к Дарине, он взял с ее ладони поднятый комочек, собрал остатки с земли, пошарил в складках долгополой одежды. Отыскав в недрах потайного кармашка крохотный мешочек, запихнул туда колдовское растение, протянул девушке.

– Дяржи, – потряс мешочком хозяин леса, – сие мошна не простая, ее паучишки-мизгири в день солнцеворота соткали. Вещица силу чудотворную сберегет, в обиду не даст. Поцепи на шею, да не сымай, покуда тяжбу не почуешь такую, что не вмоготу совсем станетца. Тогда снимешь мошну, сокроешь в месте тайном, чтоб никто не ведал. Или же Князю отдай, он разберет, что делать.

Девушка взяла предлагаемое, повернулась к Константину. Тот одобрительно кивнул, помог ей повязать узелок на шею.

– Теплый! – восторженно выдохнула она, коснулась предмета кончиками пальцев.

Колдун обернулся к хозяину леса.

– Это поможет?

– А как же.

– В таком случае, благодарю, старый друг.

– Полно те, Князь, – махнул рукой леший, – за мной должок тянулся. Таки ежели еще чего понадобица, знаешь, где меня сыскать.

– Знаю, – кивнул мужчина. – Теперь прощай.

– Скоро ль свидимся? – крикнул хозяин леса вдогонку, но ответа не получил.

Темный Князь вместе со спутницей растворились в закате, стремительно покинув лес и мир, хранивший густые зеленые покровы.

Глава 8

В просторной комнате царицей растелилась тьма. Легкого света, почти закатившегося за горизонт солнца, недостаточно для хорошего освещения помещения. Дарина неуклюже поерзала, стараясь определить, насколько благополучно состоялся переход через межмирье. Теплые крепкие объятия мужчины, прижимавшего к твердой груди с гулко бьющимся сердцем, немного ее успокоили. Она вздохнула и услышала щелчок пальцами. В камине тут же вспыхнули красно-оранжевые языки пламени, по комнате расползлись мягкие золотистые лучи, обволакивая предметы интерьера, делая их видимыми, мгла отступила.

Повсюду стеллажи, переполненные книгами, стол, кресла у камина, тумба с напитками. Они вернулись в библиотеку. Облегчение теплой волной пролилось по сознанию девушки. Подняв лицо, заглянув Константину в глаза, она благодарно улыбнулась, словно боялась до этого, что колдун оставит ее в бору лешего, или того хуже, вернет в Великий Новгород.

– Кажется, все прошло успешно, – сказал мужчина, не выпуская избранницу из кольца объятий.

Дарина слабо покивала, все равно, успешно прошло задуманное дело или нет, главное, чтобы колдун продолжал обнимать. Но Константин не чувствовал ее желаний. Отстранившись, он посмотрел на бледное, словно в том не осталось

ни кровиночки, лицо, нахмурился.

– Ты устала.

– Нет, – слабость в голосе девушки раскрыла неправду.

Едва держась на ногах, она пыталась храбриться.

– Устала, я же вижу, – Князь не стал потакать вракам. – Пойдем, я распоряжусь приготовить горячую расслабляющую ванну.

– Хорошо, – согласилась девушка, понятия не имея, о чем толкует хозяин Амбра Каструм.

Раздосадованная тем фактом, что колдун лишил ее объятий, она сделала шаг и тут же покачнулась, приложила ладонь к холодному лбу, украдкой бросив взгляд на мужчину, наблюдая за реакцией. Константин хитрость распознал сразу, но уличать виновницу не стал. Приблизившись, он обвил стройную талию крепкой рукой, придержав юную особу, повел к лестнице. Дарина шагала медленно, в тайне торжествуя, пока не оказалась перед дверью, ведущей в спальню. Здесь она уже не могла покапризничать.

Помещение освещала пара зажженных свечей. Колдун откинул балдахин, усадил избранницу на кровать и стремительно покинул комнату, оставив ее в полном одиночестве. Странная тревога охватила девушку, она поерзала, ощутила действительно навалившуюся усталость, осунулась, плечи поникли.

Глаза щипало, жгло, пришлось закрыть тяжелые веки. Но расслабиться полностью не удалось, в дверь робко посту-

чали. Дарина мгновенно напряглась, открыла рот, готовая дать ответ, не успела, дверь распахнулась, на пороге показалась юная миловидная девушка, в которой избранница Князя узнала служанку, утром принесшую в библиотеку сиреневое платье.

Служанка поклонилась, вошла в комнату, неся в руках небольшой серебряный поднос, уставленный яствами. Взгромоздив овальный предмет на прикроватный столик, еще раз поклонилась.

– Меня зовут Ансилла, – сказала она, – я буду вам прислуживать. Хозяин распорядился принести ужин.

Изумленная Дарина, перевела взгляд на еду: свежеиспеченный хлеб, козий сыр, вяленое мясо, фрукты, красное вино в хрустальном графине. В рот сразу набежала слюна, пришлось громко сглотнуть. Служанка понимающе улыбнулась, поклонилась в третий раз и вышла, чтобы вернуться через мгновение. Теперь в руках она держала огромное пушистое махровое полотенце, свежую ночную сорочку и брусок ароматного мыла.

– Поешьте, госпожа, ванну наполнят уже очень скоро.

– Что сделают? – спросила избранница, получила в ответ удивленный взгляд служанки.

– Наполнят ванну, – с нажимом сказала та, повесила полотенце, сорочку на спинку кресла.

Больше юная особа вопросов задавать не стала. Выглядеть глупой неприятно. Она наблюдала за сосредоточенны-

ми движениями Ансиллы, чувствуя странный трепет. Раньше не приходилось сталкиваться с подобным обращением. Почет, уважение, даже поклонение ей в новинку, это смущало и немого пугало.

Яркий вкусный аромат свежеиспеченного хлеба коснулся ноздрей Дарины, заставил позабыть обо всем на свете, в первую очередь о служанке. Приступ нестерпимого голода тут же отозвался ворчливым бурчанием пустого желудка. Поднявшись с кровати, девушка приблизилась к прикроватному столику, принялась уплетать все, что находилось на подносе, запивая сладковато-терпким красным напитком. Простая на вид еда, попадавшая в рот, имела невероятный вкус. Если бы юная особа была котенком, наверняка замурлыкала от удовольствия.

Двое полупрозрачных, широкоплечих, высоких, наряженных в темные одежды сущностей, внесли огромную железную кадушку, отвлекли Дарину от еды. Пережевывая очередной кусок вяленого мяса, она замерла на середине процесса, удивленно наблюдая за фантомами, взгромоздившими кадушку посреди комнаты.

«Пора прекращать удивляться!» – подумала девушка, проглотила мясо.

В помещение возникли еще два призрака. Держа в руках деревянные ведра, поднесли их к кадушке, накренили, вливая воду, порождавшую белые клубы пара, узорно метавшихся в воздухе, поднимаясь к потолку. Не обращая вни-

мания на образовавшуюся в помещении легкую туманность, фантомы продолжали лить из ведер, вода в которых магическим образом не иссякала до тех пор, пока ванна не наполнилась до краев.

Ансилла подошла к избраннице Князя, дожевывающей кусочек сыра, поклонилась.

– Я помогу вам раздеться? – не поднимая глаз, спросила она.

– Зачем? – Дарина слегка опешила. – Я и сама справлюсь.

– Хозяин будет не доволен, если я пренебрегу своими обязанностями, – настаивала служанка.

– В твои обязанности входит… э-э-э… раздевать меня? – брови юной особы изумленно поползли вверх.

– Да, – обыденно ответила Ансилла, не понимая возражений госпожи. – Мне хочется быть полезной.

– Принести поесть, уже польза, – девушка пожала плечами. – Ты тоже потерянная душа?

– Нет.

– Почему тогда служишь Князю?

Служанка напряглась, опустила голову еще ниже, втянув шею в плечи. Тонкие пальчики схватили повязанный на бедрах передник, принялись перебирать легкую ткань.

– Господин спас меня, – наконец заговорила она. – Когда-то я была одержима злым духом, убившим всех в моей деревне. Зло пришло внезапно, неоткуда, просто появилось и все. Оно переходило от одного человека, доводя до

безумия и самораспpавы, к другому. Кто-то затягивал на шее удавку, иные вспарывали собственные брюха, третьи прыгали с высоты, ломили шею.

Ансилла замолкла, было видно, как дрожат ее руки.

– Не рассказывай дальше, если не хочешь, – Дарина положила теплую ладонь на ледяные пальцы служанки, пожалев о собственной любознательности.

– Все в порядке, – покачала головой та, – это было очень давно. Мой отец тоже прыгнул, он взобрался на самое высокое дерево недалеко от деревни…и… и… он… в общем ушел первый, а мама… мама воткнула нож прямо в сердце. После настал мой черед. Я смутно помню тот момент безумия… в голове звучал голос, требовал отдать ему жизнь, и я уже схватила острый клинок… как вдруг сквозь пелену тумана, застилавшего взор, увидела темный силуэт мужчины, шагавшего в мою сторону.

В этот момент Ансилла подняла взор, полный благоговения и посмотрела не на Дарину, а сквозь нее.

– Это был господин, – выдохнула она. – Казалось он далеко, но вот уже поравнялся со мной, схватил за руку и заглянул прямо… в душу… а потом начал что-то бормотать, сильнее сжимая мое запястье, и сжимал до тех пор, пока клинок не выпал из ладони. Но это был не конец… не-е-т… он говорил и говорил, я почувствовала жуткую боль во всем теле, изо рта потекла отвратительная серая пена, казалось, я умираю. Напрасно, через мгновение мерзкая жижа иссякла,

боль утихла, наступило блаженное облегчение. Тогда я поняла, что злой дух убрался в мир теней, туда, откуда пришел. В благодарность за спасение поклялась служить Темному Князю до конца своих дней. Пусть от меня не много проку… но… я стараюсь…

Дарина не знала, что сказать, какие слова подобрать. Пораженная откровениями служанки, она молчала.

– Я помогу вам раздеться? – в мгновение ока, стряхнув воспоминания прошлого, Ансилла спросила так, словно только что вошла в комнату.

Отпираться после «разговора по душам» избраннице Князя не хотелось, она пошла на уступки, наморщила носик, согласно кивнула. Условного знака оказалось достаточно, Ансилла встала за спиной девушки, потянулась к маленьким перламутровым пуговкам.

– Постой, – дернулась юная особа, – пусть сначала уйдут, – чуть слышно выдохнула она, кивнув в сторону призраков с ведрами, замерших возле железной ванны.

Повинуясь, служанка хлопнула в ладоши, и фантомы растворились в воздухе, словно превратились в пар, клубившейся над горячей водой. Дарину это, казалось, удовлетворило. Став прямо, она позволила Ансилле снять перепачканное измятое платье. Девушка очень старалась угодить избраннице Князя, делая все аккуратно, не спеша, и вкратце разглядывая ее, чтобы та не заметила.

Первое, что привлекало внимание – волосы, схваченные

на затылке золотой лентой, имевшие живой оттенок солнца, такой же, что и тесьма, державшая их в пучке. Ее собственные грязно-рыжие локоны не шли в сравнение с золотым каскадом госпожи. А глаза! Цвет небесной лазури, плескавшийся в их глубинах, уводил в заоблачные голубые края. Ей хотелось бы заменить собственный медово-горчичный оттенок глаз на сияющую голубизну. А этот прямой, немного вздернутой носик, пухлые губы, румяные щеки… Все черты лица складные, кожа чистая, фигура стройная.

Погруженная в размышления служанка, слегка уколотая иглой зависти, подвела обнаженную Дарину к ванне, помогла забраться в воду. Девушка уселась поудобнее, томно прикрыла глаза, наслаждаясь новыми ощущениями, отдавшись в бережные руки Ансиллы, принявшейся массировать ей голову, намыливая локоны душистым мылом. Через пару мгновений юная особо совсем разомлела, боль, усталость отступили, приятные чувства заставили позабыть обо всем на свете, скрыв пеленой неги от взора мужчины, остановившегося в дверном проеме.

Константин, прислонившись к деревянному косяку, наблюдал за избранницей, свесившей руки через бортики железной ванный, закрыв глаза, откинув голову назад, подставляла ладоням Ансиллы лоб и виски, которые та поочередно массировала. Удивительное создание! Вынести за один день столько испытаний и так спокойно затем нежиться в ванной! Невольно позавидуешь ее стойкости. Страшно подумать, се-

годня он мог ее потерять. Но от судьбы не уйдешь, чему случиться суждено, того не избежать.

Постояв какое-то время в дверях, Князь ощутил нарастающее желание. Девушка манила не только силой воли, стойкостью, магнитом притягивала и ее незапятнанность души, физическая красота. Не желая поддаваться искушению, не пришло время потакать страстям, колдун бесшумно развернулся, вышел в коридор, тщетно стараясь унять неистово колотящееся сердце. В то же мгновение Дарина словно очнулась от дремы, приподнялась, посмотрела на пустой дверной проем.

– Дверь открыта, – сконфуженно пробормотала она.

– Должно быть, сквозняк, – отозвалась Ансилла, зачерпнула воды в лохань, чтобы сполоснуть локоны госпожи от мыльной пены.

– Прошу тебя, закрой, вдруг кто-нибудь увидит…

Служанка прикрыла дверь, мысленно улыбаясь. Она не могла сказать юной особе о тайном наблюдателе, тот подал ей знак – молчать.

– Почти закончили, – сказала Ансилла, поливая теплой водой голову девушки. – Пора обтираться.

Расставаться с мягкой, душистой, полугорячей водой в ванной не хотелось. Дарина тяжело вздохнула, поерзала и все же поднялась на ноги, не замечая, как по нагому телу стекают струйки полупрозрачной жидкости, капельки попадают на пол. Перешагнула через бортик, подождала, пока слу-

жанка тщательно разотрет махровым полотенцем влажную кожу до образования розоватого оттенка, поможет натянуть ночную сорочку. От проводимых манипуляций девушка едва держалась на ногах. Разомлевшее тело утратило остатки сил, покачивалось, веки, словно налитые свинцом, закрывались помимо воли.

Едва успев забраться в постель под теплое одеяло, она мгновенно погрузилась в сон, уже не слыша, как Ансилла, шурша передником, вытирая об него руки, вышла из комнаты.

Звезды ярко горели на черно-синем небосводе, луна светила в окно перламутрово-желтым цветом, наблюдая за мирно спящей избранницей Темного Князя. Погрузившись в грезы, девушка откинулась на мягкие подушки, золотые локоны разметались по сторонам, ресницы чуть подрагивали. Ничто не могло омрачить умиротворенного состояния, пока она не открыла глаза, поморгала стараясь сосредоточиться. Теперь она почему-то не лежала в постели, а стояла, стояла! на той самой злосчастной поляне. И как прежде ни волка, ни медведя видно пока не было.

Почувствовав, как начали дрожать руки, Дарина принялась оглядываться, исследуя территорию. Картина не обрадовала: волшебные деревья на знакомой плоскости стояли абсолютно голыми, простирая к небу почерневшие ветви, грозовые облака нависли над иссохшими стволами, угрожая разразиться неистовой бурей, землю устилала пожелтевшая

трава, опавшая листва и… мертвые бабочки. Часть мотыльков еще билось в агонии, сражаясь за крохотные жизни, которые им не суждено было сохранить. Зрелище не из приятных!

Дарина набрала в грудь воздуха, шумно выдохнула, изо рта выметнулись клубы пара, температура заметно понизилась. Напрягая взор, она до боли в глазных яблоках всматривалась вдаль, ища животных, зная наверняка, разъяренные хищники где-то поблизости. Инстинкты не обманули, через мгновение девушку уткнулась взглядом в спину потрепанного медведя. Зверь располагался в пятидесяти шагах от нее. Не так уж и далеко, как могло показаться. Сердце в страхе больно стукнуло о грудную клетку, ладонь легла на горячую, покрытую алым румянцем щеку, раненую животным в прошлую встречу. Но кожа оказалась гладкой, ни крови, ни глубоких царапин не было.

Медведь пошевелился, поднял морду к верху. Дарина зажала рот ладонью, боясь нечаянно вскрикнуть и привлечь внимание зверя. Но тот не повернулся, голова его снова поникла, замер. Девушка ждала дальнейших действий. Ждала долго, как показалось, целую вечность, но медведь по-прежнему не шевелился.

«Может умер?» – подумала Дарина. Что терпеть и гадать, надо рискнуть, проверить. Откуда в ней появилась храбрость, девушка сказать не могла, но решилась сделать шаг, остановилась, пристальней поглядела на бурого. Никакой ре-

акции! Еще шаг, еще, и еще. Снова ничего!

Расстояние сократилось, до зверя осталось не более двадцати шагов, и тут в глаза бросилась серо-черная мохнатая груда, над которой чах медведь. Девушка замерла, пригляделась и едва не лишилась чувств, распознав в массе неподвижное тело волка. Тот лежал на боку, голова повернута неестественно, открытые потускневшие глаза похожи на стеклянные камешки, из пасти тонкой алой струйкой вытекает кровь, мелкими каплями падая на холодную землю.

«Он мертв!» – мысль скользнула в сознании острием бритвы, повергнув в ужас. Едва сдерживаемый, рвущийся из груди крик, заставил попятиться назад. Неосторожное движение, листва под ногами «зашипела», привлекла внимание бурого. Медведь слабо дернулся, обернулся, приподнял понурую морду, взглянув на пришелицу. И в этом взгляде Дарина увидела столько боли, сожаления и горя, что сердце ее невольно сжалось в сочувствии. Она потянула к страдальцу, но неожиданный крик за спиной остановил ее:

– Не приближайся к нему!

Девушка оцепенела, услышав знакомый голос.

– Матушка, – выдохнула она, обернулась, готовая сорваться с места на встречу матери.

Не потребовалось, Верея почему-то стояла радом, плотно сжав тонкие губы, сведя брови на переносице, сурово смотрела на дочь. Подол багровой сорочки колыхался на ветру, руки сжаты в кулаки до побелевших костяшек, волосы рас-

трепаны, полны седины. Дарину прошиб ледяной озноб, она едва узнала мать в находившейся подле нее женщине, казавшейся отчужденной, озлобленной.

Наклонившись к дочери, Верея погрозила пальцем и зашагала к медведю. Зверь мрачно наблюдал за женщиной, не шевелясь, не предпринимая попыток встать, напасть, даже не рычал и не скалил зубы. Вялый, понурый, он просто сидел на месте, дожидаясь своей участи.

– Матушка, постой, – закричала дочь, порывисто бросившись вперед.

Женщина не остановилась, отвела назад руку, выпрямила, растопырила пальцы, предостерегая юную особу. Дарина не посмела ослушаться, с замиранием сердца она продолжила наблюдать, застыв на месте, словно фигура, высеченная изо льда.

Более не отвлекаясь, Верея приблизилась к зверю в плотную, злорадно хихикнула, скрипнув зубами, растянула рот в подобии насмешливой улыбки. И вдруг… облик ее поплыл, начал меняться. Округлое лицо вытянулось, нос слегка уменьшился, уста набрались мягкости, набухли, миндалевидной формы глаза приобрели некую раскосость, потемнели, опушились каймой густых ресниц, светлые тонкие брови превратились в черные изящные дуги. Растрепанные на ветру седые волосы, отсеченные до лопаток, почернели, отросли, шелковистым водопадом легли на спину, до середины прикрыв ягодицы. Отощавшая фигура налилась, приобрела

женственность. Высокая плотная тяжелая грудь упиралась в ткань сорочки, сильно натянула ее.

Дарина наблюдала за перевоплощением, открыв от изумления рот, не веря собственным глазам. Уже через пару мгновений перед ней стояла не родная мать, а совершенно незнакомая, красивая черноволосая женщина, всецело поглощенная зверем. Медведю, казалось, это внимание радости не приносило. Он, раскачавшись, поднялся с земли, встал на задние лапы, вытянулся в полный рост. Его печальные глаза скользнули по недалекой наблюдательнице, заставив сердце девушки болезненно сжаться.

Черноволосая перехватила адресованный Дарине взгляд, от негодования на подбородке заиграли желваки, брови угрожающе сошлись на переносице. Протянув к медведю тонкие руки, она поманила его, но бурый колебался. Женщина в ярости топнула ногой, зверь в ответ осунулся, уронил голову на грудь, лапы безвольно повисли вдоль туловища.

Жест неповиновения привел черноволосую в бешенство. Неизвестно откуда взявшийся кинжал, с рукояткой усыпанной драгоценными камнями, блеснул в ее руке, и издав нечеловеческий вопль, она вонзила клинок в сердце непокорного зверя. Тот заревел, пронзенный острой болью, содрогнулся, рухнул на землю у ног убийцы. Жестокая предсмертная агония сотрясла тело исполина последний раз, из глотки вырвался приглушенный хрип, тяжелый вздох, тишина. Остекленевший взгляд неподвижно уперся в небо, оповестив о

кончине могучего зверя.

– Нет! – закричала Дарина, поверженная жестокостью черноволосой, закрыла лицо ладонями, не в силах удержать непрошенные слезы жалости…

Константин подскочил в постели, услышав неистовый вопль, разорвавший тишину ночи. Ужас сковал затуманенный сном разум, на лбу выступил холодный пот, когда он осознал, что звук донесся из покоев Дарины.

В мгновение ока, вскочив с кровати, он рванулся в коридор, стремясь быстрее добраться до источника звука. На секунду остановившись у двери гостевых покоев, потянул за ручку, уставился на сидевшую в постели девушку. Та, закрыв глаза руками, что-то несвязно бормотала, раскачивалась вперед-назад, сотрясаясь от крупной дрожи. Князь тихо позвал ее. Девушка замерла, прекратила раскачиваться, но рук от лица не отняла, продолжила бормотать. Константин, встревоженный не на шутку, вошел в комнату, притворил дверь, не рискуя подойти ближе, прислушался.

– Н-н-е-е-т, не н-н-адо, ос-с-тавь его… – подбородок юной особы дрожал, периодически слышалось постукивание зубов друг о друга.

Ее силуэт, выхваченный лунным светом, падавшим на постель сквозь открытое окно, казался хрупким, беззащитным. Колдун не понимал, что привело избранницу в дикое состояние, выдернутые из бреда слова совершенно запутали его.

Решивши приблизиться, он, осторожно ступая, подкрался, сел на край постели.

– Дарина, – снова позвал Константин, и на этот раз дождался, пока девушка отреагирует, – что случилось?

– Эт-т-тот с-сон… – сказала она, подняв на мужчину покрасневшие глаза, не в силах совладать с ознобом, по-прежнему терзающим ее.

– Сон? – картина стала проясняться. – Какой сон?

– Он п-повторяется и пов-в-вторяется, и повторяется… – девушка всхлипнула, помотала головой, наваждение яркими вспышками воспоминаний врывалось в ее сознание.

– Успокойся, – Князь протянул руку, коснулся золотых локонов избранницы, – все прошло.

– Нет, – голос юной особы начал дрожать, как и руки, – она убила его, уб-б-била!

– Кто убил? О чем ты?

– Матушка! – Дарина широко распахнула наполненные неподдельным ужасом глаза. – Сначала это была матушка! Но потом она стала другой… изменилась…и эта… женщина…м-м-м…

Она снова прикрыла ладонями лицо, будто могла спрятаться от кошмара, закачалась. Князь придвинулся ближе, обнял за плечи, притянул к груди.

– Т-там был волк, он защищал меня, – девушка прильнула щекой к горячей плоти, – но медведь у-убил его, – Константин окончательно запутался, но перебивать не стал, – а

п-потом появилась матушка, она подошла к медведю и… и превратилась в черноволосую женщину…

Колдун напрягся, мозаика, складывающаяся из несвязных предложений Дарины, образовывала в понимании целостную картину, неприятную, давно забытую, воскрешавшую прошлое, которое не хотелось ворошить.

– Мне было так страшно, – шептала избранница, – и так больно, когда она воткнула нож в грудь медведя… Он даже не сопротивлялся, понимаешь? Ни чуточки!

– Понимаю, – Князь шевелил устами беззвучно, но в мыслях, казалось, громко кричал.

– Не знаю, почему мне стало жаль медведя, – девушка слабо пожала плечами, дрожь утихла, тепло мужчины успокаивало. – Прежде он всегда нападал, но ни в этот раз. Та женщина, я поняла, она приказывала ему… а он отказался подчиняться… Глаза, в его глазах было столько страдания… А она все равно убила его…

«Попыталась», – подумал Константин.

– Это лишь сон, душа моя, – произнес он вслух, – всего лишь дурной сон.

Колдун обращался к избраннице, поглаживая ее шелковистые золотые локоны, но мысли уносили его в прошлое, к истине, скрывавшейся в сновидениях хрупкой девушки, незримо связанной с ним тонкими магическими нитями.

Во снах Дарине являлись его воплощения, искаженные, но достоверные, сотворенные жрицей Далия, когда-то уме-

ло пользовавшейся слабостями любимого раба, любовника и полководца. Стараясь хитростью удержать Константина подле себя, она одарила его способность перевоплощения. По желанию тот мог сменить человеческий облик, обернувшись волком или медведем. Молодость, наивность, горячность, застилали взор новоявленного колдуна, не давая понять, что у щедрого дара госпожи есть неприглядная «обратная сторона». Так, оборачиваясь хищником в черно-серой шкуре, Князь управлял реальностью, помня все действия, но стоило перевоплотиться бурым гигантом, он тут же отдавался полной власти Каллиды. Жрица манипулировала оборотнем, поощряя собственные желания, натравливая его на неугодных, будь то не покорившиеся воины, возглавляющие рать противостояния, слабые женщины, вызывающие у колдуньи омерзение своей красотой, и даже дети, сердца которых ей были необходимы для ритуалов. Каллида не щадила никого, верша расправу чужими руками.

Устав от беспамятства в медвежьем обличье, Константин, при необходимости, стал обращаться волком, решив боле не натягивать бурую шкуру. Но жрицу Далия такое положение вещей не устроило, она жаждала полного контроля, хотя бы в редкие моменты животного перевоплощения любимого раба. Опоив мужчину зельем, схлестнувшим две оборотные силы, ведьма заставила их сражаться друг с другом.

Внутренний мир Константина разделился на равные части, выплеснувшись в реальность: одна волчьим обличьем,

другая медвежьим. Началась остервенелая схватка. Бурый подчинялся приказам Каллиды, черно-серый отстаивал собственные права и… побеждал! Когда истрепанный, ослабший медведь наконец рухнул на землю, почти побежденный противником, скалившимся окровавленной пастью, жрица Далия побоялась проигрыша. Хитрая женщина, нашептывая заклинания, сковала движения волка на короткое мгновение, но и этого оказалось достаточно. Восставший медведь, переполненный гневом, яростью, взбешенный от боли, бросился на врага, вцепился в глотку мертвой хваткой, сильнее сжимая челюсти, глубже погружая острые клыки в мягкую горячую плоть зверя, пока тот не захрипел, забился в предсмертных конвульсиях и затих.

Не чувствуя сопротивления, бурый отпустил противника, склонился над безжизненной окровавленной черно-серой грудой. Глядя на бездыханное тело, ощутил, как ярость сменилась раскаянием, поднял глаза на жрицу Далия. Та ликовала!

Увы, радость была не долгой, Каллида просчиталась. Полководец, очнувшись от наваждения, долгое время не перевоплощался, старательно избегал пользоваться даром госпожи. А когда все же принял медвежье обличье, остался непреклонен.

Колдунья впала в ярость. Столько стараний впустую. Но к тому времени, как навязчивая идея полностью подчинить Константина своей власти, переросла в одержимость, Князь

покинул Далий, скрывшись от всевидящих глаз жрицы.

Константин зажмурился, в попытке изгнать навязчивые образы из памяти, опустил руку на плечо избранницы, провел ладонью по спине, ощутил сквозь тонкую сорочку тепло бархатистой кожи.

– Поспи, кошмаров больше не будет, – пообещал он.

Кончики его пальцев коснулись раскрасневшейся щеки Дарины, все еще влажной от слез. Девушка прикрыла веки, наслаждаясь почти невесомой лаской. Казалось, это всего лишь легкое касание, но оно дарило покой, умиротворение, чувствовалась сила, не позволявшая оставаться равнодушной. Она так разомлела, что, когда Константин попытался встать, покачнулась, едва не упала с кровати.

Встрепенувшись, испуганно распахнула глаза, схватила Князя за запястье, срывающимся голосом прошептала:

– Не уходи!

Колдун заколебался, наклонился, заглянул в ее глаза, полные мольбы.

– Никогда, – выдохнул он, не сдержался и приник к устам Дарины.

Девушка с готовностью ответила на поцелуй, будто ждала, когда тот, наконец, решится, самозабвенно прильнула к твердой горячей груди, положила маленькие ладошки на широкие плечи, потянулась, обвила руками шею. Константин притянул ее ближе, осторожно усадил на колени, рассудок мутнел от разгорающегося желания. Главное не напугать, не

заставить вспомнить зверства палача, не оттолкнуть напором.

Она не напугалась, наоборот, ласки мужчины теплым потоком разлились по ее шее, груди, животу, перетекли к бедрам, зажгли кровь, превратив в раскаленную лаву, бегущую по венам. Князь, вобрал ее в кольцо сильных рук, уложил на постель, аккуратно придерживая голову, она закрыла глаза, сосредоточилась на ощущениях. Не хотелось упустить ни единого мгновения радости, отдалась воле мужчины со всей неопытной страстью. Все что угодно, только пусть это не кончается.

Ее сорочка, его штаны незаметно оказалась на полу, лунный свет упал на обнаженные тела, окрасив серебристым сиянием. Пламенные мужские губы заметались по бархатистой коже, обожгли, прильнули к груди, заставив выгнуть спину навстречу искусной ласке, сорвали томный стон с припухших от поцелуев уст.

Больше не осталось ни страхов, ни волнений, ни боли, только счастье от близости любимого человека, наслаждение, истома. В ней растворились воспоминания о прошлом, снах, бедах, она отдавалась новому, раскрываясь навстречу мужчине, ставшим смыслом ее жизни…

Позже, засыпая в его объятых, она тихо улыбалась, стараясь запечатлеть в памяти терпкие нотки полыни, запах источаемый его кожей, силу рук, прижимающих к мускулистому телу, частоту ровного спокойного дыхания. Ей хотелось

верить, случившееся ночью не окажется очередным сном поутру.

В глубине Замка Теней, большие напольные часы глухо пробили три часа утра. Константин открыл глаза, прислушался, странно, в этой части Амбра Каструм обычно часов не слышно. Повернул голову, Дарина спала, уткнувшись лицом, положив руку ему на грудь. Серебряные лучи ночного светила потускнели, полумрак царил в комнате, однако силуэт девушки различим. Умиротворенная, даже счастливая, такой видеть ее нравится гораздо больше. Пусть поспит, и так натерпелась, кто знает, что принесет следующий день.

От мысли неприятно засосало под ложечкой, пришлось отмахнуться, как от назойливой мухи. Снова посмотрел на избранницу, на ровное дыхание, как поднимается, опадает нагая грудь, слегка заслоненная предплечьем, подрагивают густые ресницы, шевелятся во сне губы, словно пытаются начать разговор. Захотелось поцеловать, сдержался, почувствовал укол совести. Как же сильно он полюбил это доброе, нежное, наивное создание! Желание держать ее в объятиях вечно, казалось непреодолимым.

Константин приподнялся на локте, погладил девушку по щеке, та заерзала, тяжело вздохнула, колдун сдержал рычащий стон, вожделение вспыхнуло с новой силой. Нельзя! Пусть поспит!

Оставаться в постели бессмысленно, изведется. Аккурат-

но переместив голову Дарины на подушки, Князь поднялся, натянул штаны, льняную рубашку, материализовавшуюся от легкого щелчка пальцев, с широкими волнистыми рукавами, схваченными на запястьях. Прикрыл наготу избранницы легкой простыней, и направился в библиотеку.

Несмотря на поздний час, комната встретила хозяина с распростертыми объятиями, в камине потрескивали горящие поленья, тусклые блики плясали на стенах и корешках книг. Князь наполнил хрустальный бокал янтарной горячительной жидкостью, уселся в кресло, наблюдая за всполохами огоньков. Подпрыгивающие искорки резвились, вводили в задумчивое состояние, навевали воспоминания. Константин так увлекся игрой пламени, что не обратил ни малейшего внимания на просочившийся в помещение прохладный ветерок.

Когда две маленькие ледяные ладошки, легли на широкие плечи, спустились, лаская грудь, вздрогнул, поздно осознав, он в комнате не один.

– Ну, здравствуй, мой дорогой Арман, – промурлыкал женский, до боли знакомый голос, горячее дыхание коснулось правого уха.

Колдун похолодел, краски в мгновение сошли с лица, превратив облик в бледное полотно, внутренний мир перевернулся. Стиснув зубы, он молчал, стараясь удержать родившуюся бурю, рвущуюся наружу.

– Ты не рад мене?

– Каллида, – выдохнул хозяин Замка Теней, ни один мускул по-прежнему не дрогнул на лице, не выдал истинных эмоций.

– Да, – застонала жрица, – лишь в твоих устах мое имя звучит так сладко.

– Зачем пришла? – прошипел Князь, сжимая кулаки, кончики пальцев закололо от едва сдерживаемой оборонной магии.

– Фу, как грубо, – наигранно обиделась колдунья. – Я так долго тебя искала, и что слышу? – Наклонилась сильнее, почти коснулась губами мочки уха. – Неужели не понимаешь? Ты нужен мне! Я осознала, без тебя существование бессмысленно, мой дорогой Арман.

Женщина называла его вторым именем намеренно, с ударением, как в далеком прошлом, старательно напоминая о связи. Но Князь на данную уловку реагировал менее всего. Усмехнувшись, оттолкнул ледяные руки, встал с кресла, бросил на ходу:

– Лжешь, как и прежде – искусно!

Повернулся лицом к жрице Далия, замер, та постаралась, предстала во всей красе: стройная, изящная с манящими округлыми формами, подчеркнутыми платьем из серебристой парчи, искусного кроя, плотно облегающим стан, стекающим до пола. Длинные черные, отливающие синевой волосы, растеклись по плечам, струятся по гибкой спине. В глубине темно-карих глаз, почти черных, бесстыдно сверкают

огоньки похоти, пухлые алые приоткрытые губы зазывают, требуют поцелуя, аккуратный носик эгоистично вздернут. Жестокая, дерзкая, опасная красота, обманчивая и губительная. Константин помнил, чего стоит поддаться колдовскому очарованию. Он равнодушно окинул женщину взглядом, прошел мимо к тумбе с напитками, подбавил коньяка. Каллида едва сдержала ярость, пораженная бесцеремонностью, как она считала, раба.

– Прости, что не предлагаю… – Князь салютовал хрустальным бокалом, сделал внушительный глоток, прищелкнул языком, сощурился, – надо же, как настоящая…

– Думала, не заметишь, – легкая игривая улыбка коснулась губ женщины. – Домитиан прав, защиту ты возвел умело, физически мне не удалось переместиться, но вот астрально… к тому же от плоти почти не отличить, – она подняла руку ладонью вверх, покрутила в воздухе, рассматривая, – заслуга новых заклинаний.

– Чего ты хочешь?

– Тебя, – томно, с жаром выдохнула колдунья, – вспомни, как хорошо нам было вместе.

– Хорошо было тебе, – Константин вернулся к камину, уставился в пламя невидящим взором, – помыкать верным рабом. Я словно пес на цепи служил госпоже, стоило ослабить привязь, бросался на любого, на кого указывал твой перст. Исполнял каждое твое желание, каждый каприз, почитая за великое счастье. Но этого оказалось мало для тебя,

решила вовсе отнять мою волю, прикрывшись обманом…

– Ложь! – выпалила Каллида, взгляд Князя метнулся в ее сторону.

– Ложь? – прошипел он, рука сжала бокал, тот захрустел, едва не треснул.

– Ладно, путь так, – колдунья признала, вздернула подбородок, – Но взамен я дарила ласку и тело.

– Да, – вздохнул колдун, погрустнел, – и тем самым хитро отбирала жизненную силу.

– Я сделала тебя бессмертным! – закричала женщина.

– И снова лишь для собственной выгоды. Ты пожирала мою энергию, насыщалась на несколько дней, а после требовала еще…

– Раньше ты не жаловался, – хмыкнула колдунья, приблизилась к Константину с грацией кошки, понизила голос, – делился тем, чего у тебя в избытке.

– Потому что слепо верил тебе, закрывал глаза на коварство.

– Не преувеличивай, мой дорогой Арман, – промурлыкала колдунья, потянулась к мужчине, опустила ладони на широкую грудь, слегка впилась ногтями в кожу, – Я же чувствую, здесь внутри разыгралась буря, ослабь хватку, выпусти на волю прежнюю мощь. К тому же я безумно изголодалась по тебе.

Каллида привстала на цыпочки, желая дотянуться до губ колдуна, тот отпрянул, схватил тонкие запястья, отдернул,

подался вперед, навис над женщиной грозной скалой.

– Довольно! Прекрати глупые игры!

– А зачем? – хихикнула та, – на самом деле ты ЭТОГО хочешь, но почему-то упорно сопротивляешься.

– Ошибаешься, – в голосе Князя звучало напряжение, брови угрожающе сошлись на переносице, – поверь, будь здесь реальная ты, а не астральная, ни секунды не задумываясь, вырвал бы твое черное сердце.

– Ах, какие бессмысленные угрозы, – жрица наморщила носик, пренебрежительно фыркнула и все же отступила на пару шагов.

– Отнюдь не бессмысленные, – в глазах мужчины блеснул странный огонек, – минувшие столетия дали возможность набраться сил, приумножить в десятки раз.

Колдунья наигранно засмеялась:

– Тогда покажи, на что способен.

Константин шагнул вперед, сильные пальцы ухватили тонкое горло, тело оторвалось от пола, захрипело, лишенное воздуха, беспомощно заболтало ногами. Каллида не сопротивлялась, напротив, развела руки в стороны, скрючила бледные пальцы, ногти тут же изменили форму, вытянулись, заострились, на кончиках образовалось переливающееся сине-зеленое свечение, похожее на узенькие молнии, шустро устремившиеся к хозяину Амбра Каструм. Князь вздрогнул, замер, сердце забилось быстрее, ледяной озноб прокатил по напряженному позвоночнику, на верхней губе выступили ка-

пельки пота. Сообразив, что жрица затеяла колдовство, он с силой отшвырнул ее в сторону. Та взвизгнула в кратком полете, с шумом повалилась на пол.

– Что ты задумала? – зарычал колдун, голос огрубел, стал басистым.

– Боюсь, мой дорогой Арман, что минувшие столетия не только не добавили тебе сил, но и заставили поглупеть, – с издевкой сказала Каллида, хитро сощурилась. – Видишь ли, я приобрела множество новых знаний, в том числе, как творить магию в астральном теле.

– Это невозможно! – заревел Константин, дыхание потяжелело.

– Очень даже возможно, – красивые губы жрицы Далия искривила злорадная улыбка, глаза алчно заблестели, наблюдая за перевоплощением мужчины.

Корчась, выгибаясь от боли, сковавшей мышцы, ломающей кости, тот все же стойко держался на ногах, из последних сил стараясь не выдавать мучений. Глядя на руки, терзаемые судорогами, он видел, густую бурую шерсть, растущую на коже с невероятной скоростью, сужающиеся, вытягивающиеся ногти становились острыми когтями, пальцы уменьшались, выгибались, походили на толстые крючки. В отчаянии он обхватил лапами голову, в висках стучало, заревел, согнулся, не помогло, продолжил меняться. Сильно увеличился в размерах, штаны и рубашка затрещали, разошлись по швам. Раздраженно ухватившись, оборотень сорвал ис-

порченные лохмотья, зарычал, швырнул в сторону, со стоном захрипел, будто раненый зверь. Но уже через мгновение все было кончено, перед жрицей Далия, Константин предстал в облике огромного бурого медведя, на вид могучего, свирепого. Стоя на задних лапах, не рискуя приблизиться, он пожирал ее ненавидящим взглядом.

– Наконец-то, послушным ты нравишься мне гораздо больше, – довольная, Каллида поднялась, отряхнула платье. – Ох, ну не гляди так укоризненно, ты же знаешь, я всегда довожу задуманное до конца. Ты мой, и как бы усердно не сопротивлялся, все равно сломлю непокорную волю.

Медведь подергал кожаным носом, принюхиваясь, колдунья хмыкнула:

– Я действительно не понимаю, почему яростно противишься нашему единению. В прошлом, ты бесконечно часто давал понять, что нуждаешься во мне. Уверена, за прошедшие столетия мало что изменилось. Со мной никто не сравним, лучше меня не найти. И ты это знаешь, правда, мой дорогой Арман?

Оборотень, скалясь, обнажил острые клыки, ему не нравились слова женщины. Каллида отмахнулась, захихикала, подошла ближе. Запустив пальцы в шерсть на звериной морде, заглянула в кобальтовые глаза, потемневшие, словно небо перед грозой. Но то, что увидела в их глубинах, заставило вздрогнуть, нахмуриться. Сделав глубокий вдох, она сморщила маленький носик, ахнула:

– Что за мерзкая вонь? От тебя несет… женщиной?!

Неожиданное открытие привело Каллиду в бешенство, в омерзении она отпрянула, скорчила гримасу, изуродовавшую прекрасное лицо, взвизгнула:

– Как я прежде не почуяла? Страсть к другой! Так вот почему ты сопротивлялся! – колдунью осенила очевидная догадка. – Но как же так? Ты мой! Только мой!

Ярость вскипела стократно, распалившись, она сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев, задрожали руки, из горла вырвался крик отчаянного негодования. Вопль стремительно разнесся по библиотеке, забился в самые далекие уголки комнаты, взлетел вверх, до потолка, разбившись о высокий каменный свод.

В звенящем воздухе, преисполненном хаоса, внезапно послышался едва уловимый скрип, приоткрылась входная дверь, колдунья резко обернулась, и взгляд ее устремился на светловолосую девушку, остановившуюся в проходе.

Дарина потерла глаза. Беспокойный сон разбудил ее, тревога подняла с постели, заставила брести по коридору, направила к дверям библиотеки. Но стоило распахнуть створки, девушке почудилось, что она не просыпалась, и снова провалилась в часто преследуемый кошмар. Черноволосая женщина, сменившая облик Вереи, зло пожирала ее темными глазами, медведь, стоит на задних лапах, готовый принять удар кинжала. И все же этот сон отличался гораздо больше, и первое, что бросилось в глаза, здоровый вид зве-

ря, преисполненного силы. Густая бурая шерсть целехонька, острые длинные когти торчат как стальные лезвия, длинные клыки сверкают белизной, и глаза… не свойственные животному, кобальтового, до боли знакомого цвета.

– Это… ОНА!? – дрожащим от ярости голосом, прошипела Каллида, ткнула пальцем в девушку. – И ты предпочел ее МНЕ!? Как низко ты пал, мой дорогой Арман. Но сейчас мы это исправим. Ты в мой власти и обязан подчиняться.

Медведь заревел, из пасти брызнула слюна, замотал головой, не имея сил противиться воле госпожи. Та осклабилась, наслаждаясь возвращенным превосходством, выкрикнула:

– Убей ее!

Зверь опустился на четыре лапы, зрачки расширились, дыхание участилось.

– Ну же! – рявкнула колдунья и тот бросился вперед.

В ужасе Дарина распахнула глаза, сон превратился в реальность, сердце замерло, больно стукнуло, оборвалось, на лбу и верхней губе выступили капельки пота, сильнее прижала к груди скомканный в ладонях кусочек простыни, в которую завернута. Но не успела мысль о кончине промелькнуть в голове, как медведь, достигший центра, резко развернулся, нацелился на жрицу, заревел. На лице Каллиды мелькнуло непонимание, не успел из горла вылететь даже малейший звук, медведь обрушился на нее огромной разъяренной массой, движимый единственным желанием, разорвать в клочья. И ему удалось бы задуманное, будь та реальна. Едва ост-

рые клыки погрузились в мягкую плоть, астрально тело колыхнулось, уносясь к естественной оболочке, растворилось в пространстве.

Бурый упустил добычу, растерянно повертел головой, дернул носом. Осознав потерю, осунулся, голова поникла, воздух из груди вырывался тяжело, с хрипом.

Странный звук вывел Дарину из оцепенения. Не веря, что осталась жива, она собрала воедино остатки храбрости, приподняла веки и взглянула на зверя в другом конце комнаты. И чем больше смотрела на него, тем сильнее ее тянуло к хищнику. Не в силах преодолеть странного притяжения, девушка сделала шаг вперед. Медведь инстинктивно ощутил движение, встрепенулся и, в мгновение ока, за два прыжка преодолев расстояние, разделявшее их, навис над несчастной. Охнув, та плотно зажмурила глаза.

Горячее дыхание зверя шевельнуло волосы на макушке, отчего Дарина вжала голову в плечи сильнее, боясь представить, что может последовать дальше. Но медведь не шевелился, и тогда девушка решилась, приоткрыла один глаз, а затем и второй. Казалось, бурый успокоился, поэтому рискнула взглянуть ему прямо в глаза. Их синева, знакомая, манящая, теплой волной ощущений потекла ей прямо в душу, и она в неверии простонала:

– Не может быть.

Реакция медведя на нежный голос оказалась неожиданной, сбросив с широких плеч невидимый плащ оцепенения,

он угрожающе подался вперед, обнажил огромные клыки, издав мощный рев.

– Нет! – крикнула избранница, испугавшись. – Остановись!

Но зверь не унимался, распаляясь сильнее, и угрожая случайно покалечить невинную жертву. Тогда Дарина, отбросив страхи и сомнения, бросилась к медведю, обхватила руками мощную шею, прильнула к зверю трепещущим хрупким телом. Простыня, скрывавшая наготу, скользнула по бархатистой коже, упала к ногам, расстелившись на полу белой тканевой лужицей. Холода девушка не ощутила, продолжая льнуть к дикому свирепому животному. Сила ее веры, сочувствия и доброты оказалась так велика, что хозяин Амбра Каструм послушно замер, ссутулился, лапы повисли вдоль туловища, и через мгновение облик принялся менять черты. Рост уменьшался, шерсть втягивалась в кожу, когти видоизменяли форму, делаясь гладкими и овальными.

– Спасибо, – прошептал он, преобразившись полностью.

Отстранившись, Дарина боязливо потрогала лицо мужчины подушечками пальцев и облегченно вздохнула.

– Я знала, что это ты, – прошептала она, вновь теснее прижавшись к колдуну, не смущаясь наготы. – Но ты походил на медведя из моих снов.

– Я не просто походил, – хрипло выговорил Князь, постепенно приходя в себя, – я и есть тот самый медведь.

Девушка охнула, помотала головой, отказываясь верить,

Константин поторопился объяснить:

– Между нами существует крепкая незримая связь, с каждым днем она все более нерушима. Именно эта связь позволила тебе во снах созерцать крупицы моей прошлой жизни. Каллида, жрица Далия, дала мне возможность повелевать животными сущностями, обращаться волком, либо…медведем, чтобы подавить мою волю, поработить сознание, но у нее мало что вышло…

– Значит волк тоже ты? – нерешительно спросила юная особа.

– Уже нет, – выдохнул хозяин замка, в голосе слышалась печаль, – эту часть я уничтожил в себе сам.

– По приказу черноволосой женщины? – вопрос странный, Дарина и так знала ответ.

– Да, – Константин подтвердил и ощутил, как невольно напряглось хрупкое девичье тело.

– Значит те кошмары… все реально…

Девушка затрепетала, отстранившись, колдун заглянул ей в глаза, страшась увидеть ужас и отвращение, но ни призрения, ни укора не обнаружил в чистых лазуревых глубинах, лишь боль, сочувствие и нежность, отчего сердце его возликовало.

– Ты не боишься меня и не осуждаешь, – тихим ровным голосом сказал он, – даже несмотря на то, что я оказался слишком слаб, не сумел оказать должного сопротивления чарам колдуньи. Мне полагалось оберегать тебя, а в место это-

го, ты постоянно подвергаешься опасности…

– Не говори так, – пальчики девушки легли на уста Константина, преградив путь ненужным словам. – Я обязана тебе жизнью…

Ей до безумия хотелось закричать, что она любит его, как благодарна за спасение, дарованные знания, щедрость, ласку, за мгновения, пережитые рядом с ним, и за душевное тепло, так необходимое ей. Она открыла рот, но колдун опередил ее, заключил в стальные объятия и приник к манящим устам опьяняющим поцелуем. Она застонала в ответ, с готовностью ответила на страстные лобзания, запрокинув голову, обвив руками крепкую шею. Он провел горячей ладонью вдоль гибкой спины, воспламеняя ее бархатистую кожу, обхватил круглую ягодицу, заставив теснее прильнуть к нему. Она тяжело задышала, чувствуя, как подгибаются ноги, непослушные, ватные, не способные устойчиво оставаться на земле. Подхватив ее на руки, нежно уложил на махровый ковер, разосланный перед пылающим камином, увидел в лазуревых глазах мерцание звезд и отдался страсти, поглотившей обоих, заставившей унестись далеко в иные миры радости и блаженства.

Глава 9

Нежно прижимая к могучей надежной груди, тихо посапывающую во сне девушку, Константин поерзал на месте, поморщился. Утренние теплые мягкие лучи солнца, просочившиеся сквозь оконные стекла библиотеки, падали на глаза, старательно смахивая с ресниц остатки ночной дремы. С большим трудом разомкнув веки, он подтянул повыше простыню, служившую одеялом, снова поерзал, отчего Дарина глубоко вздохнула, дернулась и распахнула глаза, очутившись лицом к лицу с колдуном.

– Ну, здравствуй, душа моя, – улыбнувшись, зашептал тот, целуя избранницу легким невесомым поцелуем.

– Здравствуй, – пролепетала она, чувствуя, как кроткий румянец смущения и радости, вспыхнул на щеках.

– По утрам ты ещё прелестнее, – улыбнулся Константин, наслаждаясь текущим моментом. – Сегодня нам предстоит новый день, необходимо подготовиться к нему.

В подтверждение сказанного, колдун тихо произнёс странные незнакомые слова, заставившие комнату завертеться, потускнеть, вспыхнуть ярким светом, а через мгновение преобразоваться в помещение, предназначенное для желанной гостьи. Теперь они лежали ни на полу библиотеки перед огромным камином, но в постели юной особы.

– Я пришлю Ансиллу, она поможет одеться, – выдохнул

хозяин замка, выпустил девушку из крепких объятий, соскользнул с кровати, вставая на ноги, и вышел из спальни, совершенно не стесняясь наготы.

Ровно через час, Дарина следовала за служанкой, одетая и причесанная. Бархатное платье, темного синего оттенка, выбранное на этот день Князем, мягко шуршало при каждом шаге и плавном покачивании женственных бедер. Цвет прекрасно оттенял лазуревую голубизну красивых глаз девушки, делая тон более насыщенным. Но мысли ее вращались отнюдь не вокруг внешнего вида. В душе юной особы бурлили, кипели страсти, эмоции, неподдающиеся описанию. Бесконечная радость переполняла кроткое наивное сердечко так, что хотелось кричать об этом, но в то же время печаль не давала счастью разгореться в полную силу. А страхи рождались от того, что она испытывала нежные чувства к спасителю, но не имела полной уверенности, что тот отвечает взаимностью.

Да, он нежен с ней, ласков и учтив. Старательно исцеляет раны, телесные и душевные. Говорит сладкие речи, что сердце замирает, страшась громкими ударами заглушить его слова. Но в то же время, от него веет странным холодом, как от ночной тьмы в морозную зимнюю стужу, что вызывает щемящую боль в груди. К тому же, невеста палача помнила, что Константин завещал ей необходимость вернуться к Гордею, не объяснив причин, и попросив не спрашивать его ни о чём. Указав лишь на необходимость подобного поступка, с одной

лишь просьбой – верит ему. И она верила, но червячок сомнения, заложенный в девичье сердечко нелюбящим отцом, безжалостным палачом и ушедшей преждевременно из жизни матерью, все же знал недоброе черное дела, стараясь развратить непоколебимую веру.

Скрип огромной входной двери прервала размышления девушки, и она взглянула на Ансиллу, склонившую голову в поклоне:

– Прошу, проходите, хозяин ждет вас.

Дарина кивнула в знак благодарности, вошла в комнату. Это оказалась гостиная, поистине огромная, не уступавшая размерами бальному залу. Прямо посередине помещения в ряд располагаются столы, ломящиеся от изобилия пищи. В дальнем углу выстроен камин в человеческий рост из резного камня горчично-красного цвета, в сердцевине пылают разожженные поленья, нагревая чуть прохладный воздух. Окна гостиной растут от низов пола, до самого потолка в виде причудливых арок, занавешенных шторами золотистых оттенков, распахнутыми, позволяющими проникать лучам солнца в огромных количествах, дабы помочь пламени, бушующем в камине, озарить помещение.

Девушка обвела богато убранную комнату внимательным взглядом, но та оказалась абсолютно пуста. Вопреки словам Ансиллы, ее никто не ждал. Удивленно изогнув брови, она пошла ближе к столам, аромат вкусно приготовленных блюд защекотал ноздри, в рот набежала слюна, пришлось шумно

сглотнуть. Живот предательски заурчал, заставив ощутить приступ нестерпимого голода.

Снова огляделась, не рискуя притронуться к блюдам без дозволения. Застонала от безысходности и принялась с жадностью рассматривать громоздившиеся на столах яства. Может хоть это спасет от томительного ожидания, и не позволит сойти с ума от мучительного желания набросится на пищу, подобно дикому зверю на сырое мясо. Она обвела взглядом подносы, наполненные пирогами с поджаристой румяной корочкой, наверняка начиненные мясом, грибами и капустой, жаренных молочных поросят, обложенных клубнями печенного на открытом огне картофеля, припущенных в томатах судаков, пареную осетрину, фаршированную ароматными травами, дичь, нашпигованную муссом из зайчатины и хлеба, присыпанные чудесными пряностями. Между большими блюдами громоздились тарелочки, наполненные алыми вареными раками в морской соли с укропом, креветками, сосисками из оленины, кусочками малосольной форели, и розетки с красной и черной икрой. А через каждый метр, на столах, едва вписываясь в оставшееся свободное пространство, громоздились большие узорчатые вазы, наполненные всевозможными фруктами, сложенными в фигурные композиции.

Присматриваясь к фруктовому лебедю, выполненному из яблок, апельсинов, винограда, груш и ананасов, Дарина слегка приоткрыла рот от изумления. Она и половины не знала

из представленных блюд и съестных припасов, но то, что из пищи можно возводить подобные шедевры, безусловно, восхищало.

Не выдержав голодного напряжения, девушка протянула руку и, оторвав от грозди одну круглую красную виноградину, положила в рот.

– Может, отведаешь чего более существенного? Все это прибыло из краев твоего мира, – голос, внезапно раздавшийся за спиной Дарины, напугал ее, она поперхнулась и закашлялась.

– Прости, душа моя, не хотел пугать, – с сожалением проговорил Князь, и, поспешив к избраннице, слегка похлопал по ее спине. Та в удивлении уставилась на него, не понимая оказанного жеста. – Это чтобы помочь высвободить крупицы влаги, попавшие в гортань и частично легкие, – пояснил хозяин замка, и снова увидев непонимание на лице юной особы, улыбнулся.

– Ансилла сказала, что ты уже здесь, – выдавила девушка, силясь побороть кашель, – но комната оказалась пуста.

– На первый взгляд – возможно, – загадочность в голосе колдуна, заставила девушку податься вперед, старательно прислушиваясь к каждому слову, – на самом же деле я действительно находился здесь, когда ты вошла.

– Как так? – изумилась Дарина, она по-прежнему слишком наивна.

– Не сердись, душа моя, – просто сказал Константин, –

правда в том, что я не смог отказать себе в удовольствии понаблюдать за твоей реакцией без постороннего вмешательства.

– Ты хотел подшутить надо мной? – невеста палача наигранно надула губки.

– Отнюдь, – сознался колдун, притянув девушку ближе, – просто я не устаю наслаждаться искренностью твоих действий и реакцией на новое.

– В том числе съестное? – замурлыкала та, чувствуя, как тает в крепких, но бережных объятиях.

– Особенно съестное, – шепнул Князь, поцеловав Дарину в макушку. – Я почти заморил тебя голодом, это непростительно, но оплошность исправлена, – колдун слегка кивнул в сторону ломящихся от изобилия пищи столов.

– Кажется, ты перестарался, – хихикнула юная особа, – здесь столько еды, что хватит накормить целый град.

– Хм, правда? – мужчина приподнял одну бровь, на губах заиграла озорная улыбка, – значит, считаешь на двоих этого больше чем достаточно?

– Безусловно, – выдохнула девушка, на щеках вспыхнул румянец.

– В таком случае, не будешь ли против, если к нашей трапезе присоединятся?

– Кто? – поинтересовалась Дарина, окинув гостиную недоверчивым взглядом.

– Не волнуйся, они тебе понравятся, – с серьезным выра-

жением сказал колдун.

Очередной вопрос готов был сорваться с уст девушка, она наполнила легкие воздухам, и запнулась, вздрогнула, ледяной сквозняк коснулся ног, скользнув под юбки. Просочившись из вне, холодок заскользил по каменному полу, всколыхнул подол бархатного платья. Пламя в камине затрепетало, занавеси, скатерти на столах заколыхались, подобно волнам, покрывшим рябью водную гладь. С пронзительным скрежетом, арочные окна резко распахнулись, ударившись о стены, издав характерный звук, в открытые створки потянулись полупрозрачные существа в белых мантиях с капюшонами, скрывавшими их лица. Они влетали в комнату плавно, размеренно, будто снежинки, кочующие с небес на землю. Но стоило фантомам тронуть каменный пол, движения их преобразились, появилась резкость, бледная прозрачность напиталась материей, приведения обратились людьми.

Те, кто шествовал к столам, сбрасывали мантии на пол, мгновенно растворявшиеся в воздухе, словно небольшие лужицы в жаркий солнечный день. Избавившись от накидок, присаживались за столы, шумно гогоча, посмеиваясь, перебрасываясь фразами, ожидая, пока остальные рассядутся по местам.

Дарина молча наблюдала за призрачными манипуляциями, широко распахнув глаза от изумления. К чудесам привыкнуть не просто, как бы часто те не встречались на пути. Прибывшие, рассевшиеся фантомы выглядели обычны-

ми людьми, невзирая на недавние порхания под потолком, и все же спокойствия не внушали. Зная, что ей ничего не угрожает, девушка при этом не могла унять дрожи в коленках. В поведении людей-призраков она улавливала нечто странное, едва заметную игру времени, то замедлявшую порывы фантомов, то ускорявшую. Неестественный поворот головы, слишком быстрый взмах руки, мгновенно вспыхнувшая улыбка на хмуром лице. И все же общая картина вполне натуральна, за исключением одеяний. Мужская половина прибывших интереса не вызвала, женская напротив, потому как дамы оказались наряжены едва ли не по-мужски, оставаясь, при этом женственными: черные бриджи облегают бедра приятных округлых форм; натянутые поверх них выше колена кожаные ботфорты, подчеркивают стройность ног; льняные белые рубашки, с широкими рукавами, схвачены на запястьях, стройные талии утянуты тугими корсетами, отчего фигуры тонки и вытянуты.

С любопытством продолжая рассматривать прибывающих гостей, избранница Князя, от удивления, в тайне переходила к осознанию, что ей нравится то, что она видит.

– Кто это? Они служат тебе? – наконец выдохнула Дарина, отметив, что в гостиной собралось уже несколько десятков, а то и сотен призраков.

– Частично, – сказал Константин, взял девушку за руку и проследовал к массивному креслу, стоявшему в торце стола. – Займи почетное место хозяйки, – добавил, жестом

предлагая ей сесть в коричневую громадину с высокой изящно выгнутой спинкой.

Сглотнув, образовавшийся в горле ком, избранница, не споря, не задавая вопросов, опустилась на сиденье, сложила руки на коленях, стараясь унять дрожь волнения и радости.

Константин забавлялся реакцией юной особы, ее трепетом и непохожестью ни на одно знакомое существо. Усевшись в соседнее кресло, большее по размеру и габаритам, колдун, наконец, отвлекся от девушки, окинул взглядом собравшихся и выжидающе глянул в одно из распахнутых окон.

Ждать пришлось не долго. В помещение, махая огромными крыльями, подминая плотный воздух, влетели два черных лебедя.

– Птицы с пруда в саду грез?! – шепотом воскликнула девушка, увидев пернатых.

– Они самые, – подтвердил Князь.

Под пристальным взглядом колдуна, лебеди внезапно сменили угол полета, прижали крылья к бокам, вытянулись в струнку и пикировали вниз, с невероятной силой ударились о каменный пол.

Дарина вскрикнула, пораженная неожиданным падением лебедей, и видом разлетевшихся в разные стороны черных перьев, вперемешку с блестящими золотыми искрами. Крик пронесся над столами, привлек внимание собравшихся, и девушка тут же прижала ладонь ко рту, на щеках вспыхнул

алый румянец. Она чувствовала, что к ней прикованы сотни взглядов, хотя сама не могла отвести глаз от места, где должны были распластаться птичьи трупы. К счастью ожидание не оправдалось, через мгновение перьевая завеса рассеялась, и по залу зашагали «лебеди», обернувшиеся духами-защитниками, имея вполне человеческую внешность. Облаченные в черные мантии, они лишь скинули с голов капюшоны, пожелав остаться в плотных накидках. Обнажились головы, тень отступила с лиц, прекрасных, словно утренняя заря по весне. Один из духов – женщина: белокурые волосы мягкими волнистыми прядями ложатся на плечи; глаза, черные как два уголька, смотрят твердо и прямо, маленький ровный нос вздернут, красиво очерченные губы плотно сжаты. Второй – мужчина, с русыми короткострижеными локонами, зелеными, словно молодая, пропитанная росой трава, глазами, прямым носом, пухлыми нежными устами. Оба шагают уверенной походкой в сторону Князя и его избранницы.

Поклонившись Константину, женщина села по правую руку от него, мужчина по левую от Дарины. Зал мгновенно умолк, взгляды приковались к четверке во главе стола. Юная особа в очередной раз ощутила смятение, вжалась в кресло, колдун напротив, удовлетворенный всецело заполученным вниманием прибывших, медленно поднялся, держа в руке бокал из толстого хрусталя, выгравированного причудливым рисунком, полного алого, подобно крови, вина, громко сказал:

– Рад приветствовать вас, друзья! Все вы собрались здесь по одной важной причине! – Князь в пол-оборота склонился к избраннице, легким кивком указав на нее. – Это моя избранница, госпожа Дарина! Ее безопасность превыше всего! С недавнего времени защитный купол, покрывающий Амбра Каструм, стал не способен предоставить полную безопасность и оградить от постороннего вторжения нежелательных личностей, способных нанести вред сложившемуся укладу Замка Теней, а главное – госпоже Дарине! В связи с этим, я призываю всех вас стать на защиту мира, долго царившего здесь, и защиту мой избранницы, если на то возникнет хоть малейшая необходимость.

Последние слова колдуна прозвучали с особой жесткостью, и он затих, молчание в зале сгустилось, повисло в воздухе, до ушей доносилось лишь едва уловимое потрескивание сгоравших в камине поленьев. Резкий скрежет, отодвигающихся от стола стульев, прозвучал словно пушечный выстрел, фантомы поднялись с мест, порывисто склонились, выказав полную готовность служить. Князь одобрительно кивнул.

– Ну а теперь ешьте, пейте, веселитесь, – сказал он, и поднял бокал, вино всплеснуло, едва не пролившись, губы коснулись хрустального ободка.

Гости последовали примеру хозяина, их сосуды опустели, началась трапеза.

– Я думала духи не едят, – пролепетала Дарина, с изум-

лением глядя на шумящих призраков, звенящих столовыми приборами.

– Это особенные духи, – только и ответил колдун. – А теперь попробуй это…

Константин прищелкнул пальцами, края тарелки зазвенели, еще мгновение и вот перед девушкой лежит кусок запеченной осетрины, обильно политый чем-то густым, белым, похожим на сметану, сверху рассыпаны красные бусы икры, поджаренные грибы-лисички уложены кольцам вокруг рыбы.

От представшего великолепия, юная особа снова ощутила приступ нестерпимого голода. Рука сама собой потянулась к угощению, отщипнула небольшой кусочек рыбы, и положила его в рот. Феерия вкуса ошеломила, лишь кроха от основного блюда коснулась языка, и девушка непроизвольно застонала, прикрыв глаза. Как же вкусно! Никогда она ещё не пробовала ничего подобного.

Разделавшись с осетриной в считанные минуты, Дарина принялась слизывать остатки белого соуса с кончиков пальцев. Процедура так поглотила ее, что она не заметила, как искоса на нее поглядывают собравшиеся, а Князь, широко улыбаясь, и вовсе не отводит искрящихся весельем глаз. Заметив неладное, она повернулась к колдуну, на лице застыл немой вопрос.

– Не останавливайся, душа моя, – выговорил тот, кивком указав на новое блюдо, возникшее перед Дариной. Он явно

наслаждался зрелищем!

Девушка смутилась, щеки украсил яркий румянец:

– Почему ты так странно на меня смотришь? – спросила она, краска залила лицо еще сильнее.

– Просто мне очень нравится наблюдать за тем, как ты ешь… руками.

Юная особа поморщилась, весьма сомнительный комплимент. Затем огляделась, и обнаружила, что все присутствующие используют странные железные предметы, помогающие управиться с пищей. Она до боли закусила нижнюю губу, поняв оплошность, стыдно-то как. Помедлив, протянула руки, взяла вилку и нож, попыталась наколоть кусочек жареной сосиски из оленины, зацепив ломтик помидора. Действовала она четко, отточено проводя манипуляции, словно давным-давно научилась держать в руках столовые приборы, но все же что-то выходило не так.

– Ну вот, – проговорил Князь, сделав вид, что погрустнел, – ты лишишь меня удовольствия.

– Возможно, я могла бы, – выдохнула Дарина, с печалью глядя на ускользнувшую сосиску, покрутила в руках приборы, – но вся беда в том, что эти блестящие штучки кажутся знакомыми, а как ими пользоваться вспомнить не могу.

Мужчина развеселился:

– Опыт приходит со временем, ты научишься пользоваться столовыми приборами, но только не сегодня.

– Почему? – искренне удивилась девушка.

– Потому, – Константин склонился к самому ушку избранницы, горячее дыхание коснулось ее кожи, побежали мурашки, – потому что тогда ты все же лишишь меня удовольствия понаблюдать, как соблазнительно ты облизываешь прелестные пальчики.

Алые пятна вспыхнули на щеках Дарины, озноб прошиб тело, в памяти всколыхнулись события минувшей ночи. Волна желания непроизвольно накрыла ее, стон едва не слетел с полуоткрытых губ. Стараясь унять возобновившуюся дрожь, она молча взяла кусочек сосиски, положила в рот и принялась тщательно пережевывать.

– Так намного лучше, – довольно проговорил Князь и сам принялся за еду.

Время подходило к полудню, а трапеза все продолжалась. Насытившиеся гости теперь просто негромко разговаривали между собой, обсуждая важность высказывания хозяина.

Колдун и его избранница сидели молча, пока он ни подался вперед и не спросил:

– Все ли тебе понравилось, душа моя?

– Спрашиваешь еще, – довольно улыбнулась та, погладив слегка округлившийся живот. Наконец-то удалось наесться вкусно и досыта.

– Тогда, позволь просить немного твоего внимания. Хочу представить главных духов-защитников Замка Теней: Приморис, – Князь указал на молодого человека с яркими зелеными глазами, – и Алтэра, – рука метнулась в сторону бело-

курой девушка.

Дарина невольно вжалась в кресло, фантомы в упор глядели на нее, ожидая какой-либо реакции. Но девушка не издала ни звука, не имея представления, как ей поступить, так тесно с призраками не приходилось контактировать. Посидеть рядом, да, поглазеть, но разговаривать.

Неловкое молчание прервала Алтэра, привстав, она едва заметно склонилась:

– Госпожа, рада буду служить вам.

Дружелюбный жест ослабил оцепенение избранницы, она кивнула в ответ. Приморис последовал примеру сестры.

Дарина взволнованно метнула взгляд на колдуна, лицо его не выражало эмоций, но теплота в глазах свидетельствовала об участии.

– Алтэра и Приморис служат мне гораздо дольше, чем кто-либо находящийся в этом зале, ты можешь доверять им так же, как мне. – Немой вопрос застыл на лице девушки, и Князь продолжил, – Минувшая ночь послужила мне уроком. В системе защитных заклинаний, наложенных на Замок Теней, появилось много прорех, уследить за которыми я больше не в силах. Я забрал тебя в Амбра Каструм чтобы уберечь, и сам же едва…

Константин умолк, боясь вслух произнести роковые слова. Горечь новой волной захлестнула его, рука невольно потянулась, горячая ладонь накрыла маленькую ручку избранницы.

– Не надо, – прошептала девушка, – не говори так…

– Нет, душа моя, – колдун помотал головой, – что говорю, истинно. Время вернуться тебе в Великий Новгород ещё не настало, а Замок Теней более не безопасен. Необходима дополнительная защитная магия.

– В Великий Новгород? – едва слышно пролепетала Дарина, из всей строчки выделив два слова, отчаяние ударило в голову, перед глазами встала туманная пелена.

Она помнила условия колдуна, но в глубине души продолжала надеяться, что не придется возвратиться в ненавистное место. Непрошенные слезы готовые сорваться с ресниц обожгли веки, не поддалась, сдержала предательниц. Будь что будет, она дала слово, и сдержит его, во чтобы то ни стало.

– Единственный разумный выход – Пещера Каменного Плодородия, – Князь обратился к духам-защитникам, не услышав отчаянного шепота.

– Покинуть Замок Теней? – спросил Приморис.

– Именно.

– Но зачем отправляться в проклятую пещеру? – подключилась Алтэра.

– Там пристанище венарий, – просто ответил Константин, – их чешуя обладает столь сильными магическими свойствами, что способна будет усилить колдовскую защиту в сотни тысяч раз.

– Венарии? – встрепенулась зеленоглазый. – Я что-то слышал о них. Ни эти ли твари несут смерть живым и вечное

забвение мертвым?

– Твоя правда, – внешне Князь оставался спокойным, но внутри его охватила тревога, – но иного выхода я не вижу.

– Тогда не стоит подвергать себя опасности, позволь нам с Приморисом добыть то, что необходимо.

– Боюсь, это не так просто, вдвоем вы не справитесь, – ответил Константин. – К тому же необходимо присутствие Дарины, – он перевел взгляд на девушку, – твоя энергия – особенна.

– Это слишком опасно, – нахмурилась Алтэра. – Неужели энергия действительно настолько особенна?

Повисла тяжелая пауза, слышались отрывки разговоров фантомов, по-прежнему сидящих за столами, позвякивания приборов, легкий свист ветра, просачивающегося сквозь открытое окно.

Дарина переводила удивленный испуганный взгляд с колдуна на духа-защитницу, руки ее дрожали, она ждала ответа не меньше Алтэры, в тайне страшась услышать нечто, способное открыть ей сторону неприглядной правды.

– Действительно, – Князь хмурился, но отвечал. – Энергия Дарины подняла в межмирье лазурную волну, это всколыхнуло путеводные нити в коридорах миров, что привело к обнаружению нашего местоположения. Я этого не заметил, и когда мы совершили повторный переход, часть энергетической волны вернулась к источнику, частично впитавшись ее ауру.

– И что это значит? – не выдержав, крикнула Дарина. Складывающийся разговор до смерти пугал ее, она не понимала и половины из того, о чем говорилось.

– Я говорю о твоей особенности, душа моя, – ответил колдун, нежно сжав ладонь девушки, – ты более особенна, нежели я ранее предполагал. Твоя аура настолько чиста и непорочна, что впитывает сложнейшие энергетические излучения, каковым является лазурная волна, подстраивая под себя. Ты даже не замечаешь этого, признаться, я сам не заметил поначалу, но теперь многое стало очевидным.

– И много таких… излучений ко мне притянется?

– Не волнуйся, – Константин сделал успокаивающий жест, понимая ее тревоги. – Энергетическая волна, вернувшаяся к тебе, невероятное исключение, подобное случается крайне редко. Как бы там ни было, тебе это не навредит, наоборот, послужит дополнительной защитой. К тому же, вот и ответ на восхищенные аханья маленьких лесные духи в бору Салтуса.

– Почему? – спросила Дарина.

– Они трепетали, созерцая невероятную ауру, с «нитями» вплетенной лазурной волны. Видимо у крох более обостренное чутье на такие вещи, раз уж и Салтус не обратил на это внимания.

Константин говорил, не отрывая взгляда от избранницы. В его глазах светилась нескрываемые нежность и восхищение, заставлявшие сердце девушки ускорять ритм, покры-

ваться щеки румянцем. Казалось, еще мгновение, и она потеряет сознание, не выдержав повисшего напряжения. Даже когда Князь замолчал, облегчение не наступило, по телу ее побежала мелкая дрожь, и…

– Когда отправимся в путь? – спросил Приморис в тот момент, когда ситуация едва не вышла из-под контроля и Дарина не потянулась к губам колдуна, чтобы поцеловать его, снять напряжение.

– Чем раньше, тем лучше, – загадочно улыбнувшись, ответил хозяин замка.

Глава 10

Солнце повисло высоко в небе, разбросав яркие золотые лучи, сильнее прогревающие землю. Набраться тепла каменистой почве много времени не требовалось, отчего путники, пробирающиеся вдоль скалистой местности, не стучали зубами от холода.

Дарина, следовала за Тёмным Князем и его духами-защитниками, но шла очень медленно. Обычно шустрая и проворная девушка, теперь напоминала улитку, тащившую на спине скрученный увесистый «дом». Свободно двигаться мешала одежда, благосклонно предоставленная Константином, по его словам, наилучшим образом подходящая для путешествий. Любопытно, что фантомы, прибывшие на утреннюю трапезу, были одеты в абсолютно такие же наряды. Обещалось, что данное одеяние будет наиболее комфортным в передвижении по горам, но вышло совсем наоборот. Облегающие черные бриджи, сковывают движения, высокие сапоги мешают свободно согнуть колени, длинные просторные рукава белой батистовой рубашки колышутся на легком ветру, словно пытаясь удрать и начать собственный путь, а тугой кожаный корсет, поддерживающий талию, постоянно намеревается впиться в ребра. Создается впечатление, что из всего, что сейчас на ней надето, наиболее удобная вещь – золотая лента, вплетенная в локоны.

Сделав шаг вперед, Дарина поморщилась, попыталась набрать больше воздуха в легкие, и не произвольно тихо застонала. Алтэра обернулась на звук, нахмурилась. Притормозив, негромко спросила:

– Что беспокоит?

– Трудно дышать, – скрывать мучения не было смысла.

Выражение лица Алтэры осталось неизменным, но при этом она обошла юную особу, встала за её спиной, хмыкнула:

– Кто зашнуровывал корсет?

– Ансилла.

– Бестолковое создание, – пробубнила дух-защитница, слегка ослабив шнуровку. – Легче?

– Намного, – Дарина выдохнула, тень довольной улыбки коснулась губ, – ужасный наряд, в нем совершенно неудобно, трудно двигаться.

– Это поправимо, – обнадежила Алтэра, и принялась ворожить над одеждой девушки.

Ослабила ремешки сапог, стягивающий верхнюю часть икр, потуже затянула манжеты на рукавах рубашки, потянула кожаные бриджи на уровне колен, слегка высвободив, придав эластичности. Отступила на шаг, оценивающе поглядела на сделанную работу

– Удобнее?

– О да! – избранница не скрывала радости, после небольших манипуляций, наряд действительно стал удобней.

– Ансилла подобной одежды не носит, – пояснила дух-за-

щитница, – ей невдомек, какой мукой могут обернуться даже малые погрешности в наряде такого рода.

Она развела руки в стороны, пожала плечами, намекнув на бриджи и корсет, которые носила сама.

– Не думала, что призраки могут испытывать неудобства, – выпалила Дарина, тут же пожалев о необдуманных словах, ведь могла ненароком обидеть спутницу.

– В той или иной степени все испытывают неудобства, – губы Алтэры тронула легкая улыбка. – Но я и ранее носила такой наряд, до того, как стала… призраком.

– В самом деле? – в глазах юной особы блеснули искорки любопытства.

– Что да, то да, – кивнула дух-защитница и перевела взгляд в сторону Князя и Приморица, шагавших впереди. – Нужно идти, мы и так сильно отстали.

Она увидела, как Константин обернулся, хмуро и настороженно поглядел на отстающих. Подняв руку, дала понять, что все в порядке, мужчины продолжили путь.

– Пойдем, – повторила Алтэра, поставила ногу на небольшой выступ скалы, запрыгнула и подала руку Дарине.

Девушка не отказалась от предложенной помощи, при этом не без удовольствия отметила, что движения стали легки.

Дальнейший путь проходил в молчании, но любопытство Дарины росло, в конце концов, не выдержав, она спросила:

– А как давно ты…

– Умерла? – голос Алтэры звучал на удивление спокойно.

– Стала духом, – сконфуженно пролепетала спутница.

– Около четырех сотен лет назад. Столетием больше, столетием меньше, я давно сбилась со счета.

– И что было причиной?

– Действительно хочешь знать? – бровь Алтэры удивленно приподнялась.

– Хочу! Но, если ты не хочешь рассказывать, настаивать не буду.

Алтэра хмыкнула и отвернулась. Помолчав, она шумно вздохнула, тяжело ворошить прошлое, и все же сказала:

– Не люблю теребить воспоминания минувших дней жизни, но надо же когда-то делать исключения.

Юная особа благодарно кивнула, внимая каждому слову собеседницы, та ее завораживала.

– Мы с Приморисом росли в бедной семье, – начала рассказ дух-защитница, предупредила вопрос спутницы, поспешно добавив, – да, да, Приморис мой брат. Всего нас было пятеро у родителей, я вторая по старшинству. Наша старшая сестра Петера, такая долгожданная и выпрошенная у Высших Сил, как говорила матушка, умерла, едва ей исполнился год. Убитая горем мать, будучи беременна мной, разрешилась от бремени раньше срока. Боясь, что слишком слабый недоношенный младенец не протянет и одного дня, не желала даже взглянуть на меня, взять на руки, покормить. Но я выжила, и мать, смирившаяся со смертью первого ребен-

ка, окружила меня заботой и любовью. Я подрастала, а матушка тем временем снова понесла, и меньше чем через три года, на свет появился Приморис, первый сын. После этого, ей долгое время не удавалось отяжелеть. Но когда она снова понесла, невзирая на бедность и невзгоды, все в нашей семье были несказанно рады. Так в положенный срок на свет появились близнецы Гауд и Гаидан. Они оказались прелестными малышами, принесшими в мир столько света и теплоты, что позволило развеять печаль нищенского существования. Пусть денег нам и хватало лишь на пропитание, но мы все усердно трудились, и были счастливы в нашем семейном мирке. Жаль только, что радость продлилась не долго.

Когда мне исполнилось одиннадцать, Приморису на тот момент было лишь девять, близнецам по три года, жизни наших родителей унесла болезнь и мы остались совершенно одни. Теперь нам самим нужно было думать, как не встретить голодную смерть.

Но беда, как известно, не приходит одна. В скором времени, после похорон родителей, к нам домой явился незнакомец и сказал, чтобы мы выметались на улицу, отныне некому было оплачивать налог за проживание. Так мы остались ещё и без крова. Стали скитаться от одного поселения к другому, выпрашивая еду. Тяжелые времена. Но с приходом зимы, стало хуже.

Не имея возможности спрятаться от стужи и метелей, мы снова вернулись в родное поселение, к отчему дому, чтобы

просить нового хозяина о милости, позволить переждать и пережить холода. Я была готова выполнять любую, самую тяжелую работу, лишь бы спасти братьев. Но человек, вышедший на порог нашего бывшего дома, лишь с презрением посмотрел на нас, повелев убираться с глаз долой, обозвав попрошайками и пригрозив натравить на нас здоровенного пса.

Перепуганные, усталые, голодные, что мы могли сделать? Ничего! Мы ушли, направившись в Сильва Амбра, лес неподалеку от поселения. Там нам удалось разыскать пустую медвежью берлогу, спрятаться в ней от разбушевавшейся вьюги и уснуть, согревая друг друга теплом наших тел.

Проснувшись поутру, я сразу почувствовала необъяснимую тревогу. Мне хотелось верить, что предчувствие связано с ложным страхом перед внезапным появлением медведя шатуна, почуявшего тепло из берлоги, но надежда не оправдалась.

На мгновение Алтэра смолкла. Дарина увидела, как прекрасное лицо исказила гримаса боли, и пожалела о неуемном любопытстве. Ей захотелось крикнуть, остановить повествование, воскресившее в памяти спутницы мучительные события прошлого, но не поспела.

– Да, – снова заговорила Алтэра надтреснувшим голосом, – мои надежды не оправдались, предчувствие коснулось Гауда, он не пробудился в то мрачное утро. Его маленькое холодное тельце прижималось ко мне в утраченной надежде сохранить немного драгоценного тепла. Я смотрела

на него, на его закрытые веки, на белое, словно первый выпавший снег, личико, отчетливо понимая, что он мертв. Никогда прежде я не чувствовала такой беспомощности. Даже смерть родителей не ужаснула меня так сильно, как потеря одного из младших братьев.

Как долго неподвижно смотрела на маленький холодный трупик Гауда, не знаю, оцепенение прошло, когда услышала надрывный вопль Гаидана. Он проснулся и каким-то образом осознал – брата-близнеца больше нет, хотя тельце и лежало в моих объятиях. Видимо между близнецами действительно существует особенная связь.

От криков Гаидана проснулся Приморис, он не сразу понял, что произошло, но осознав, попытался отобрать тельце Гауда, искренне надеясь, что тот лишь крепко спит, и его можно разбудит. Попытки оказались тщетными, горько оплакав младшего брата, мы похоронили его недалеко от злосчастной берлоги, где он провел последнюю ночь жизни.

Понимая, что оставаться в промерзшем лесу, кишащем голодным зверьем, не безопасно, мы приняли решение отправится в Ангулан. Пеши до города не менее пяти дней, дорога пролегала вдоль опушки леса, еды у нас оставалось совсем немного, и мы отправились в путь немедленно.

Город занимал обширную территорию, но мы долго не решались идти туда, чужаков в Ангулане не привечали, нас подтолкнула смерть Гауда. В городе промышляли искуснейшие воры и карманники, готовые перегрызть глотку за тер-

риторию, но, увы, выбора не оставалось.

Дарина с трепетом ловила слова Алтэры, сердце переполняла жалость к несчастным детям, сколько же страданий выпало на их долю. Она изредка поглядывала на лицо спутницы, искаженное гримасой боли, в тайне опасаясь встретиться с ней взглядом. Но Алтэра слишком глубоко погрузилась в воспоминания, мрачные видения мелькали перед глазами, она отрешенно продолжала излагать печальную историю:

– Путь оказался не легким, морозы крепчали, снег не прекращал падать, ноги утопали в белой холодной массе. При свете дня мы шли без остановок, малыша Гаидана, быстро устававшего от интенсивной ходьбы, мне приходилось нести на руках. Приморис старался не показывать усталости, череда печальных событий заставила его повзрослеть, он стал угрюмей, молчаливей. Остановки на ночь, разведение костра, отпугивание диких животных, он взвалил на хрупкие мальчишеские плечики, давая мне возможность передохнуть.

Вместе нам удалось преодолеть большую часть пути, четверо суток оставалось позади, и мы уже приготовились к тому, чтобы провести последнюю ночь в лесу. Ничто не предвещало несчастья, но поутру меня вновь разбудило неприятное чувство, тесно сжавшее грудь. Взгляд упал на Приморис, тот крепко спал, покрутилась в поисках Гаидана, и сердце забилось в тревоге, малыша по близости не было.

Подпрыгнув на месте, словно лежала на раскаленном же-

лезе, я рванулась к лесу, кроме как в чащу, близнец некуда не мог уйти. Ноги не разбирали пути, брела наугад, кричала, звала, сердце колотилось от страха, в ушах звенело. Но младший брат не откликался. Казалось, поиски длились вечно и малыша не отыскать, лес поглотил невинную душу. Из глаз покатились непрошенные слезы, и вот, наконец, через эту пелену горько-соленой влаги я увидела нечеткий силуэт лежавшего на снегу Гаидана.

Не помню, как оказалась рядом, упала на колени, схватила малыша на руки. Он был еще жив, неосознанный пустой взгляд блуждал по моему лицу, испачканный чем-то рот, хватая воздух, открывался как у рыбы, выброшенной на берег. Я почувствовала, как маленькое тельце содрогнулось в предсмертной агонии, увидела плотно сжатый кулачок. Разжав ладошку, обнаружила небольшие тёмно-фиолетовые ягоды и все поняла. Это были ядовитые ягоды эфедры, хвойного кустарника, росшего в Сильва Амбра. Видимо малыш проснулся от нестерпимого чувства голода, и не став нас будит, побрел по лесу, не ведая, какая мрачная участь его ожидает.

Глядя на умирающего младшего брата, я ничего не могла сделать, лишь сильнее прижать к груди, убаюкивать, стараться облегчить страдания, пока Гаидан не издал хрипящий стон, вздохнул последний раз, и скончался прямо на моих руках.

Еще долго стояла на коленях в снегу, не отпускала малы-

ша, не верила, что и его тоже не стало, совсем позабыв о Приморисе. Он отыскал меня ближе к полудню, увидел прижатого к груди Гаидана, слезы, молча отобрал ребенка и унес к месту ночевки.

Похоронили близнеца мы в полной тишине, ни звука не сорвалось с наших уст, но боль и отчаяние, плескавшиеся в глазах брата, окончательно надломили мою душу. И тогда я поклялась, во что бы то ни стало, охранять и оберегать единственного оставшегося родного человека. Поклялась отдать жизнь, лишь бы сделать его счастливым, не позволить погибнуть, как все те, кого любила.

Думаю, Приморис дал себе подобное обещание в отношении меня (хотя никогда в этом не сознавался), потому как с момента потери Гаидана, мы стали, словно единое целое. Ход наших мыслей, действия, абсолютно все обрело общие черты, словно в каждом поселилась частичка души другого. Это дало силы продолжить путь и вскоре мы добрались до города.

В Ангулане мы принялись осваивать территорию, незаметно наблюдали за работой пронырливых воришек. Уловить маневры смышленых карманников сложно, но со временем я уяснила суть занятия, стала практиковаться в людных местах, где шныряли уже опытные мошенники.

У меня хорошо получалось красть кошельки, совесть не мучила, ведь богачи безжалостнее и скупее бедняков. Жадностью, злобой, нескрываемым презрением к низшим сосло-

виям, они распаляли в сердцах, обделенных ненависть, и те не гнушались хитростью, ловкостью рук, и даже силой, отбирать у них всевозможные ценности. Вот и мои ловкие пальчики присваивали излишки алчных господ с чувством абсолютной справедливости.

Вскоре бродяги, называвшие себя «хозяевами улиц» заметили мои проделки, выследили нас с Приморисом и «посоветовали» не соваться на их территории, в противном случае пообещали искалечить и вышвырнуть из города силой. Но нам некуда было идти, за стенами Ангулана ждала голодная смерть. Возраст не позволял взять нас на работу, но мне все же удалось просьбами и уговорами устроиться поломойкой и прачкой в местном доме для ночлега, за труд с утра до ночи платили скудные копейки, нам едва хватало на пропитание, ночевали на чердаке того же дома.

Приморис, изголодавшийся, изможденный помогал мне во всем, но его молчание, странный угрюмый вид и необычная решимость в глазах тревожили меня. Когда однажды он пропал на пол дня, вернувшись, протянул полный кошелек денег, я не удивилась, испугалась, но не удивилась.

– Украл? – тихо спросила я, брат кивнул. – Тебя могли поймать, избить…

– Не волнуйся, сестра, я был осторожен, зато теперь мы сможем хорошо поесть.

Я отругала брата, сказала, что лучше отдам ему всю еду, на которую заработаю, лишь бы он не рисковал жизнью, кро-

ме него у меня никого не осталось. Он выслушал, не проронив ни слова, а на следующий день снова принес украденные деньги, пришлось смириться, упрямством он пошел в мать. Зато теперь мы ели досыта, а вскоре мне пришлось бросить работу и съехать с братом с чердака, хозяин дома стал распускать руки, мы вовремя сбежали, иначе могло дойти до насилия.

Приморис продолжал воровать, его худая маленькая фигурка без труда проскальзывала в толпе, оставаясь незамеченной, словно легкий ветерок, шмыгающий меж листвой, ловкие ручонки стаскивали кошельки умело, даже самый чуткий прохожий не догадывался, что секунду назад его обобрали. Стыдно признаться, но я стала содержанкой младшего брата. На украденные деньги мы покупали еду, платили за ночлег в дешевых постоялых дворах, старались меньше попадаться кому-либо на глаза. Брат как-то пошутил, назвав нас призраками Ангулана, кто бы знал, какая ирония таилась в этих словах.

Скрываясь в городе, мы просуществовали четыре года, казалось, жалкое прожигание жизни никогда не кончится. Уж лучше бы я не роптала. Как бы мы не прятались, «хозяева улиц» напали на наш след и, если бы не главарь воровского сброда, положивший на меня глаз, нас бы уничтожили.

Его звали Масер, в девятнадцать с половиной лет он уже успел прославиться как жестокий, порочный ублюдок, попиравший законы. Но он имел одно важное качество, врож-

денное чувство справедливости. Старый предводитель воров скончался и Масер, имея острый ум, силу, горячность и живость молодости без труда занял его место. Сколько бы за ним не гонялись вершители закона, он всегда выходил сухим из воды.

Когда наша игра в прятки раскрылась, Масер приказал нас не трогать, наблюдал исподтишка, следил за каждым шагом на расстоянии, изучал. Терпение его в конце концов лопнуло, он решался действовать.

На дворе стояла осень, вожак уличного сброда выследил меня в тот момент, когда Приморица не было рядом. Ранним утром, солнце едва встало, брат спал, я отправилась в лавку булочника Тага, у него самая вкусная выпечка в городе. Если б я знала, чего мне будут стоить эти треклятые булки!

Масер дождался, пока я выйду из лавки, зайду в проулок, там преградил путь, внезапно, я растерялась. Не дав мне опомниться, молниеносно подскочил, схватил в охапку, впился в губы жестким поцелуем. Я оторопела, неожиданная выходка незнакомца словно оглушила меня, попыталась оттолкнуть наглеца, высвободиться из душивших объятий, закричать. Но тот отступать не собирался. И вдруг дернулся, вскрикнул, разжал стальные объятия и повалился на землю словно подкошенный.

В ужасе я зажала рот ладонью, увидев в спине вожака уличного сброда торчащий нож и Приморица, стоявшего с все еще поднятой рукой после броска. Брата терзала крупная

дрожь, осознание содеянного проникало в сознание.

– Что ты наделал? – ком в горле едва позволил мне выговорить несколько слов.

– Я пытался… тебя… защитить, – кулаки Приморица, с силой сжимались и разжимались, но озноб не отступал. – Он напал на тебя! Что мне оставалось?

Масер застонал, я инстинктивно подскочила к нему, утренние лучи просочились в проулок, упали на бледное лицо страдальца. Перевернув его, положила голову к себе на колени, в едва приоткрытых глазах отражалось страдание.

– Хотел понравиться… не ту выбрал… тактику…

Струйка крови потекла из уголка искривленного рта, тяжелый вздох вырвался из легких, глаза закатились, и он затих, тело обмякло. Никакой агонии, никаких стенаний, быстрая и несправедливая смерть за украденный поцелуй. Жалость к незнакомцу наполнила мое сердце, но лишь на короткое мгновение. Жуткий визг разорвал утреннюю тишину, разнесся вдоль домов полупустынных улиц:

– На помощь! Помогите! Скорее! Убийство!

Водоворот последовавших событий закрутился стремительно, не дав нам с Приморисом опомниться. Нас схватили, заковали в цепи, отправили в крепость. Иллюзий я не питала, за убийство наказание – смерть. Но эта проклятая старуха с косой и на сей раз пошла кривой дорогой, обойдя нас стороной, видимо, решив позже поглумиться.

Спустя некоторое время заточения в мрачных подземе-

льях крепости Ангулана, нас отправили на суд, где было оглашено решение заменить смертную казнь службой графу Рагнару Эрускому, жестокому, бессердечному человеку, заработавшему богатства кровью и потом принадлежавших ему людей.

Замок графа, Эрус Карструм, куда нас отвезли, предстал огромной серой каменной глыбой с нерушимыми мощными стенами, вызывавшими трепет и страх. В тот день, когда переступили порог жуткого обиталища графа, мы утратили не только свободу, но и право на жизни, стали собственностью человека, не знавшего жалости к падшим существам, коими он нас считал.

У Рагнара были планы на прибывших подростков, заключавшиеся в том, чтобы выдрессировать искусных убийц, действующих по указке хозяина, способных стать орудием, уничтожающим любого, вставшего на пути к цели.

Шесть лет обучения и дрессировки пронеслись стремительно, суровые испытания, наказания, требования вышколили нас, пришло время доказать, что мы стоили потраченных сил и денег. Рагнар приказал в недельный срок доставить в Эрус Каструм голову мертвеца, убитого собственноручно, жребий пал на меня, я первой отправилась на задание, подстегиваемая предупреждением, если не управлюсь за неделю, с плеч полетит голова Приморис.

Стояла ранняя весна, на деревьях зеленела молодая листва, теплый воздух, пропитанный ароматами цветов, за-

ряжал энергией. Не мешкая, я оседлала запряженного для меня коня, под уверенной твердой рукой он рванулся в путь. Цель была выбрана, определиться с необходимым курсом сложности не составило. Рысак галопом нес меня по дороге вдоль Сильва Амбра к местам ушедшего детства, к бывшему родительскому дому, где приобрела и потеряла почти все, что было дорого.

Кровь кипела, усталости не чувствовалось, сильного молодого коня не останавливала, продолжали скачку даже ночью. На вторые сутки добрались до места, взглядом окинула родные места, и сердце защемило от предсказуемой боли.

До заката оставалось немного времени, решила подождать, привал сделала в лесу, коня привязала, он храпел и греб землю копытом, требуя продолжения скачки, пройденный путь ему был нипочем.

Едва солнце скрылось за горизонтом, я, прихватив кинжал и небольшой тряпичный мешок, отправилась к бывшему отчему дому, конь остался на привязи, он провожал меня огромными черными выпуклыми глазами, словно зная, куда и зачем направляюсь, кивал головой, подначивая.

Старый каменный дом не изменил внешнего вида, попрежнему стоял одинокий и невзрачный в отдалении от других построек, но брошенный на него взгляд поднял в моей душе бурю смешанных чувств. Я попыталась взять себя в руки, глубоко вздохнула и тут входная дверь отворилась, на пороге показался человек, ради которого я проделала дол-

гий путь, мужчина, не пустивший нас с братьями переждать зимней ночной стужи, ублюдок, погубивший Гауда и Гаидана, тот, чью жизнь пришла отобрать в уплату за бессердечие.

Дальше все было как во сне. Вскрикнув, я выхватила из-за пояса кинжал, молниеносно подскочила к жертве, ощутила, как лезвие входит в чужую плоть, легко без сопротивления, липкая влага касается пальцев, стекает, капает на землю, услышала предсмертный хрип, вырвавшийся из заполненной кровью глотки. Все это время я смотрела на его лицо, бессознательно наслаждаясь агонией, гримасами боли, бешенным вращением глаз и ликовала, месть свершилась.

Труп повалился на землю, я огляделась, улица оставалась пустынной, склонилась, наспех отделила голову от туловища, сложила в мешок и опрометью бросилась бежать. Конь смирно ждал меня на месте, прекратив похрапывать и бить копытом, он с опаской поглядел на мешок, почуяв запах свежей крови.

Успокаивающе похлопав животное по крупу, я привязала «трофей» к седлу, шустро запрыгнула на коня, пустив его во весь опор. Скачка была быстрой, но сердце стучало гораздо быстрее, грохот ударов стоял в ушах, заглушая топот копыт рысака. Я неслась вперед, не разбирая дороги, доверившись инстинкту скакуна, перед глазами стояла пелена, мелькавшие в лунном свете деревья сливались по обеим сторонам в сплошную черную стену. Бросавшийся в лицо ветер, относил прочь тошнотворный запах свежей крови, покрывавшей

мою одежду, руки, и просачивающейся сквозь ткань мешка с отрезанной головой.

Поглотившие меня эмоции были неописуемы, никогда прежде не испытывали ничего подобного. Мне всегда думалось, что лишить человека жизни не просто, даже в период обучения сомневалась, смогу ли стать убийцей, но когда пришел момент, рука моя не дрогнула. Именно тогда открылось понимание, что я могу красть чужие жизни также легко, как когда-то воровала чужие кошельки.

Эрус Каструм показался на горизонте, обратный путь занял больше времени, но мне казалось наоборот. Рагнар ждал меня с добычей в большом зале, восседая во главе длинного деревянного стола, охотничьи псы, лежавшие у его ног, лениво мусолили оставшиеся после ужина кости. Я вошла в помещение, животные устремили на меня черные глаза-пуговицы, оскалили зубы, почуяв запах смерти, граф молчал, выжидая. Подойдя к столу, сунула руку в окровавленный мешок, содрогнулась от омерзения, схватив прядь волос покойника и, вынув голову мертвеца, бросила на стол перед графом, словно еду на пустую тарелку. Жесткий взгляд Рагнара скользнул по искаженной посиневшей физиономии, скупая улыбка коснулась тонких плотно сжатых губ.

– Хорошо потрудилась, – сухо проговорил он, – ступай.

Позже я узнала, что брата тоже постигла учесть проверки, и он справился не хуже меня. Судьба из воришек превратила нас в тайных убийц, за кусок хлеба служивших хозяи-

ну. Но мы с Приморисом не роптали, крыша над головой, теплые постели и еда, лучше виселицы. Рагнар не злоупотреблял властью, убивать приходилось не часто и в основном мерзких, отвратительных типов, заслуживающих смерти.

Но однажды, нам приказали украсть жизнь ребенка, сына одного из знатных господ, давнего врага графа Эруского. Пришло время поквитаться с обидчиком, лишив того единственного чада.

Ослушаться, значит умереть, и мы с братом, заглушая крик совести, глубокой ночью, покрывшей город одеялом мрака, направились к дому жертвы. На задание шли вместе, решив, если дрогнет рука у одного, то второй обязан довести дело до конца.

Бесшумные, словно тени, мастера своего дела, мы без труда проникли в спальню ребенка, обреченного на смерть. Малыш мирно спал, ничего не подозревая, тихо посапывая в крохотной постельке. Глядя на ангельское личико, мы боролись с желанием оставить дитя, уйти, и, в конце концов, сдались, осознав, ни я, ни Приморис не сможем отнять невинную жизнь беззащитного создания.

Оставив приказ не исполненным, в смятении вернулись в Эрус Каструм. Рагнар пришел в ярость, он жаждал смерти ребенка, страданий врага и не мог стерпеть неповиновения. Жалости не было места в его сердце, и мы поплатились за сострадание к чужому сыну. Не раздумывая, граф приказал нас уничтожить. И приказ немедленно исполнили. Сто-

явший неподалёку от Приморисса лучник, выстрелил в него, и мой последний брат замертво рухнул на холодный каменный пол. Придя в неописуемый ужас, я неистово закричала, выхватила из-за пояса, покоившийся там кинжал, метнула в лучника, тот свалился как подкошенный. Но через мгновение и сама погрузилась во мрак.

Свет, просочившись сквозь пелену тьмы, окутавшей разум, заставил открыть глаза, первое, что увидела, собственное бездыханное тело, распростертое в луже багровой крови. В груди трупа глубоко засела длинная стрела с черным наконечником из жестких перьев, излюбленное орудие графа Эруского, сделанного для лучников по специальному заказу. Стрела молниеносно пробила сердце, смерть наступила внезапно, и лишь глядя на покойницу с собственным лицом, я осознала, что мертва. Дух отделился от тела, пришла пора отправиться в ад.

Но ожидания оказались долгими, ни демоны, ни ангелы не являлись за мной, ни ад, ни рай, ни отворяли врат, я оставалась в мире смертных. Это было жестоким, но заслуженным наказанием, вечное скитание неприкаянной души, без пристанища, без надежды, без возможности искупить грехи.

В вечном блуждании, часто думала о Приморисе. Смог ли он обрести покой? Или дух его так же обречен влачить существование без смысла.

Время неумолимо летело вперед, счет его давно был потерян, надежды утонули в печали, отчаяние давило на меня

невыносимой тяжестью. Скитания слишком затянулись, но выбора не предоставлялось, и я протекала по смерти вместе с уходящими десятилетиями, превращавшимися в века.

Однажды судьба вновь привела меня к владениям Рагнара Эруского. Столетия не пощадили ни местности, ни архитектуры, Эрус Каструм был разрушен до основания, массивные камни некогда великого замка лежали огромной уродливой кучей, поросшей сорняками, небольшими кустарниками. По развалинам шныряла стайка бродячих собак, в небе кружила пара черных воронов, мрачный вид пустыря невольно вызывал чувство жалости.

Смутные видения минувшей жизни воскресили в памяти образ Приморис, всколыхнулась утихшая боль, совесть напомнила о неисполненном обещании защитить брата. И если бы могла проронить хоть одну слезу, облегчить страдания, но дух бесплотен и слезы недоступная роскошь для таких как я.

Без жизни, без тела, призрак, продолжала наблюдать за мрачным пейзажем развалин, пока не почувствовала легкое прикосновение чьей-то легкой руки к плечу. Не успев удивиться подобному чуду, резко обернулась и замерла на месте. Если бы мое сердце могло биться в груди, то оно непременно выскочило бы наружу от волнения, ведь передо мной стоял Приморис.

– Брат, неужели это ты? – слова давались с трудом.

– Я, – тихо сказал он и обнял.

– Столько веков минуло… я помню твою… гибель. Но почему ты в мире смертных?

– Иной мир не принял меня, – Приморис говорил спокойно, без сожалений. – Я часто вспоминал тебя, снова и снова возвращался на развалины Эрус Каструм, мне всегда казалось, что ты где-то поблизости.

– Но ты не привязан к этому месту?

– Нет, сестра, – легкая улыбка коснулась милых родных губ, – неприкаянным призраком я долгое время скитался по миру, но все же обрел пристанище.

– Пристанище? Ни ад, ни рай не приняли тебя, как и меня, о каком же пристанище ты толкуешь?

- Это пристанище сад колдуна, место, окутанное магией, ставшее моим домом, вскоре станет и твоим. Оттуда я пришел сегодня, туда и вернусь. Ты со мной?

Сад, пристанище неприкаянных призраков, о чем он толковал? Возможно ли такое? Слушая брата, я смотрела на него с непониманием, шутит ли он или говорит серьёзно? Во взгляде его читалась твердость, уверенность в сказанном, и я поверила.

Приморис многое рассказал о могущественном колдуне, о том, как случайно встретил его, как тот отнесся с пониманием к тяжелой судьбе фантома, приютил в обители, создав посредством магии сад, и к прочему наделил дух брата особыми свойствами. Взамен попросил лишь помощи в защите обители, если возникнет в том необходимость.

Так мой брат стал первым призраком, поселившимся в саду Амбра Каструм. Я же стала второй, ибо колдун, звавшийся Князем Константином Ратмировым, принял меня в обитель также легко, как и Приморисса. В благодарность за столь великую оказанную честь, последовала примеру брата, поклялись защищать Князя и его обитель от любого врага, любой ценой.

Кончив рассказ, Алтэра умолкла, пристальный взгляд устремился на спутницу. Дарину била мелка дрожь, она сильно прониклась к словам духа-защитницы, казалось, прожила жизнь вместе с ней, прочувствовала боль и горечь до мельчайшей частицы. С повествованием пришло осознание, почему именно эти призраки оказались безгранично преданными Князю, и почему именно им Константин доверял больше всего.

– Будешь меня презирать? – вопрос Алтэры удивил Дарину.

– Презирать? – растерянно спросила та. – За что?

– За совершенные поступки. Я при жизни была убийцей по приказу, и после смерти мало что изменилось.

– Все твои поступки – вынужденная мера, – искренне ответила избранница Князя, протянула руку, легко коснулась запястья спутницы. – Будь я на твоем месте, и половины не смогла бы вынести. Я не призираю, а восхищаюсь стойкостью и силой твоего духа.

– Благодарю, – честно ответила дух-защитница, но на ли-

це не промелькнула даже тень улыбки.

– Алтэра! – позвал идущий впереди Приморис.

Сестра коротко взглянула на зовущего впереди брата, стоявшего по правую руку от Константина. Позади них вырисовывалась черная пасть пещеры Каменного Плодородия, у самого входа которой, почти на пороге, виднелись пугающие сталактиты, свисающие с потолка и жуткие сталагмиты, растущие прямо из-под земли. Эти диковинные природные явления, походили на острые зубы, торчащие из пасти чудовища, готового в любой момент захлопнуть рот и проглотить глупцов, осмелившихся заглянуть внутрь.

– Мы у цели, – сказала Алтэра, направившись к входу пещеры.

Дарина последовала за ней, остановилась у порога, взгляд опасливо упал на каменные сосульки.

– Что случилось, душа моя? – спросил Князь, видя тревогу во взгляде избранницы.

– Ничего, – коротко ответила та, решив оставаться храброй, но голос дрогнул. – Я только надеюсь, что это чудище, во чрево которого мы собираемся войти, не проснётся и не поглотит нас.

– Это чудище не живое, – легкая улыбка коснулась красиво очерченных губ Константина, – оно не опасно, но стоит остерегаться того, что скрыто в его глубинах.

– А как же эти огромные ужасные зубищи? – юная особа указала на сталактиты и сталагмиты, угрожающий оскал пе-

щеры.

– Всего лишь острые камни.

– Что ж, раз ты говоришь, – согласилась Дарина, тяжело вздохнула. – Пойдем, отыщем то, зачем пришли.

Но Князь остановил ее, положил руки на хрупкие плечи, твердо сказал:

– Ты не пойдёшь с нами, останешься здесь, у входа в пещеру.

– Почему? – удивилась Дарина.

– В пещере слишком опасно, я не могу еще сильнее рисковать тобой, – пояснил Князь. – Останешься у входа, отсюда излучаемой энергии достаточно, чтобы она смогла распространиться на необходимое расстояние. Алтэра останется при тебе.

– Но я… – встрепенулась дух-защитница.

– Останешься с Дариной, – тоном, не терпящим возражений, сказал Константин, – ей нужна твоя защита.

– Слушаюсь.

Алтэра не стала перечить, колдун прав, его избранница хрупка и наивна, за ней необходимо присмотреть. Даже прочная защита Амбра Каструм не сдержала натиск жрицы Далия, защитное заклинание против ищеек Каллиды тем более нельзя считать абсолютно надежным. Дух-защитница знала истинную ценность спутницы, пренебрегать ее безопасностью недопустимо. Сам факт их вынужденной вылазки, организовывался лишь с целью раздобыть магический

предмет, способный энергетически оградить Дарину от опасности.

– Будь осторожна, – тихо сказал колдун, ладонь невесомым движение коснулась нежной щеки избранницы, а через мгновение он скрылся во мраке пещеры вместе с верным помощником.

– Ты тоже, – прошептала девушка, но Константин уже не слышал ее.

Время шло, мужчины не возвращались, Дарина нервничала сильнее. Казалось, минула вечность с последней минуты, как она глядела в кобальтовые глаза Князя. Потемневшее небо с набежавшими невесть откуда серыми тучами сильнее нагнетало тревогу, солнечные лучи изредка пробивались сквозь мрачную пелену облаков, словно остатки тающей надежды, чтобы тут же скрыться, утонув в темно-синей воздушной массе.

– Мне следовало бы пойти за ними, – Алтэра не выдержала напряжения.

– Они так долго не возвращаются, – терпение юной особы достигло вершины, желание предпринять какие-либо действия вскипало сильнее с каждой минутой, – Может что-то случилось?

Спутница не отвечала, но суровое выражение лица говорило красноречивее любых слов.

– Глупо сходить с ума от ожидания! – крикнула юная особа, повернулась к пещере, сделала шаг вперед. – Я больше

не могу ждать!

– Нет, – рука духа-защитницы схватила тонкое запястье девушки, – это невозможно. Князь недвусмысленно дал понять, что тебя немыслимо подвергать опасности. В этой пещере обитают венарии, существа, рожденные непосредственным вмешательством магии. Эти твари опасны, одна малейшая царапина их крохотного ядовитого коготка и мгновенная смерть обеспечена. И не только тело умирает, душа растворяется и пустотой уносится в небытие.

Кровь отхлынула от лица Дарины, ладони в ужасе зажали рот, сдерживая рвущийся крик, страх парализовал движения. Но боялась она не за собственную жизнь, страх усилился по отношению к тем, кто сейчас подвергался опасности, находясь во мраке пещеры, служившей обителью смертоносных тварей.

– Господи, – простонала избранница Князя, слегка разжав ладони, – зачем я только согласилась на все это? О чем думала? Они же могут погибнуть… из-за меня!

– Этого не случится.

– Как бы там ни было, я больше не могу бездействовать, – выпалила Дарина и, высвободившись из цепкой хватки спутницы, рванулась вперед.

– Постой! – закричала Алтэра, но было слишком поздно, проскользнув между грозными клыками сталагмитов, юная особа погрузилась во мрак.

– Глупое создание! – негодующе прошипела дух-защитни-

ца, теряя телесную оболочку и обретая размытые очертания призрака. Так ей будет проще почувствовать ауру девушки в темноте и легче ускользнуть от венарий.

Глава 11

Шершавые каменные стены неприятно царапали кожу рук, Дарина пробиралась вперед на ощупь, направляясь вглубь пещеры. В скалистом мешке царила абсолютная мгла, избранница двигалась медленными шажками, нащупывая дорогу, стараясь не споткнуться о мелкие булыжники, валявшиеся повсюду. Одновременно прислушивалась к окружающим звукам, надеясь услышать шаги или голоса, но в кромешной тьме лишь шуршали мелкие камешки под ногами, да мерно звенела капель, падающая с вытянутых сталактитов, свисающих с каменного потолка.

Внезапно вспыхнувший, и тут же погасший, впереди неяркий свет привлек внимание девушки, остановилась, прищурив глаза, уставилась на то место, где почудилось странное видение. Мгновение, еще одна вспышка, нечто блеснуло, потухло. Юная особа вздрогнула, почувствовала мелкие мурашки, покрывшие нежную кожу, по спине пробежал легкий холодок. От страха сердце забилось сильнее, но отступать обратно она не собиралась. Мысли о Константине предали ей уверенности, загадочный свет вспыхнул снова, не погас, и Дарина, зачарованно побрела к манящему огниву.

Волшебный золотистый огонек, сверкал в глубине пещеры Каменного Плодородия, заигрывая с незваной гостьей, гипнотизируя, притягивая ближе порывистым колыханием.

И чем меньше становилось расстояние между ними, тем ярче он пылал. Но магия заключалась не только в необычном свечении. Огонек постоянно менял цвета, перевоплощаясь из золотого в голубой, зеленый, красный, сиреневый, при этом выбрасывая мелкие искорки, разлетавшиеся в разные стороны.

Девушка вплотную приблизилась к волшебной стихии, не в силах отвести глаз от крохотного пламени. Тот, зависнув в воздухе на уровне груди, продолжал вспыхивать, потрескивать. Поразительно, но костерок не подпитывался от естественных источников, Дарина изумилась, попыталась разглядеть возможную опору, даже поводила рукой под пламенем, ничего не обнаружила.

– Нравится? – внезапно прозвучавший из темноты голос напугал ее, взвизгнув, она подпрыгнула на месте, принялась озираться.

– Кто здесь?

– Не надо так пугаться, – голос, снова раздавшийся из мрака, походил на мурлыканье кошки.

– Тогда не надо меня пугать, – выпалила девушка, продолжая лихорадочно оглядываться.

– И не думала.

– Если так, то выйди на свет, – предложила юная особа, чувствуя, как сильно колотится сердце, дыхание затруднилось.

– Лучше сама отойди от моего игни, ты мешаешь ему

сильнее разгореться, – возразил голос. – Твоя энергия подавляет его, он не может пылать ярче, видишь? Отойди, дай малышу набраться сил.

– Не понимаю, как можно помешать огню гореть, стоя рядом, – нахмурилась Дарина.

– А что тут понимать? – хмыкнул неведомый обладатель мурлыкающего голоса. – Игни необходимо больше места, так что отступи на пару шагов назад. Малыш почувствует свободу, подрастет и осветит больше пространства.

– Огонек разве живой, чтобы чувствовать? – недоверчиво спросила девушка, отступая назад.

– Конечно живой, – послышался несложный ответ, – я его создала.

– Но кто ты?

Сделав очередной шаг назад, избранница освободила необходимое пространство для огонька, тот вспыхнул ярче, засиял сине-золотым пламенем, тонкие лучики коснулись окружающего пространства, частично показав ответа на вопрос. Освещенные стены пещеры замерцали чарующими бликами, обнаружились редкие сталагмиты, торчавшие из каменного пола, и неведомое существо с кошачьим голосом.

Дарина судорожно сглотнула, увидев внезапную собеседницу, тревожно насторожилась, но виду не подала, молча ожидая ответа. А между тем, перед ней, взгромоздившись на толстенный сталагмит, сидело маленькое подобие человека, с незначительными отличиями, ростом не больше одного

метра. Лицо существа казалось прекрасным, большие черные сверкающие глаза, обрамленные густыми ресницами, миниатюрный вздернутый носик, с розовым мягким приплюснутым кончиком, пухленькие губки в форме бантика. Уши странной формы, не человечьи, огромные раковины, с заостренными кончиками. Кожа существа покрыта мелкой бледно-золотистой шерстью, а за спиной пара перепончатых крыльев, подрагивают, готовясь к взлету при необходимости. Руки словно младенческие, исхудалые, когтей не видно, ноги похожи на кошачьи лапы, с вытянутыми ступнями, пухлыми пяточками.

– Странно, – хмыкнуло существо, – думала, что те, у кого хватает смелости явиться в пещеру Каменного Плодородия, знают, к кому в гости они направляются.

– Ты – венария? – предположила Дарина, попыталась сглотнуть комок, образовавшийся в горле.

– Верно, – прищурилась та, – я одна из хранительниц сокровищ пещеры.

– Хранительница сокровищ? – переспросила девушка, стараясь понять, к чему клонит неведомое существо.

– Именно, – отозвалась венария, слегка подалась вперед, неприветливо зыркнув в сторону незваной гостьи, лицо утратило дружелюбный вид, – разве не за ними ты пришла?

– Нет, – ответила юная особа, перемены в собеседнице вызвали тревогу, но виду подавать нельзя, – мне нужна особая чешуя венарий.

– Что тебе нужно? – переспросило существо, не веря собственным ушам, пораженная дерзостью нахальной девчонки, брови поползли вверх. – Чешуя? А видишь ли ты на мне чешую?

– Нет, – немного поколебавшись, честно ответила Дарина. – Но я не знала, что…

– Не знала, что здесь нет того, зачем ты пришла? – перебила венария и внезапно громко неестественно расхохоталась.

Растерянная, сбитая с толку, юная особа лишь беспомощно наблюдала за глумлениями странной твари, не зная, как поступать в подобном случае. Существо в данный момент не казалось ни враждебным, ни дружелюбным, предугадать действия немыслимо, остается ждать, надеяться на благосклонность фортуны или действовать по наитию.

– Кто же поведал тебе о чешуе венарий? – хохот прекратился, в кошачьем голосе послышались нотки раздражения.

Дарина молчала, мысли лихорадочно кружились в голове, но подходящие на ум не приходили.

– Ну же, отвечай! – не унималось существо.

– О тварях с золотой чешуей подобных тебе, о магии и еще много, о чем, девушке поведал я, – мужской голос прозвучал внезапно из темноты пещеры, докуда не доставали лучики игни, венария насторожилась, избранница вздохнула с облегчением.

– Ты еще кто такой? – зло крикнуло существо, чувствуя нарастающее раздражение, слишком много непрошеных го-

стей шныряло по мрачной пещере.

– Мое имя Князь Константин Арман Ратмиров.

– Колдун?! – прошипела венария, крылья задрожали, несколько мощных взмахов подняли ее к потолку. – Многое довелось слышать о тебе.

– Хорошо, – Константин вышел из тени, тонкие блестящие лучики огонька осветили величественный стан.

– Чего хорошего? – выплюнула венария, черные глаза сверкнули злобой.

Князь не реагировал на язвительный тон существа, казалось, опасная игра наоборот его забавляет. Инстинкт охотника не мог солгать, под маской раздражения, тварь скрывает страхи, присматривается, выбирает момент для атаки. Но решение существо принимать не торопилось, главная стратегия – изучить противника. Хитрый взгляд скользнул по мужчине: суровое выражение красивого для человека лица, прямая осанка, мощный торс, одна рука лежит вдоль туловища, другая покоится на бедре, ладонь сжимает рукоять кинжала, торчащего из-за пояса. Вид сдержанный, но воинственный, к тому же за спиной Князя в воздухе колышутся две черные тени, похожие на густые облачка дыма.

– Вижу, колдун, ты явился сюда не один? – съязвила венария, кивнула, указывая на призраков.

– Только глупец сунется в одиночку в пещеру к смертоносным тварям, – не без сарказма заявил мужчина.

– Пф, – фыркнула тварь, указав рукой на Дарину, – поче-

му ж тогда не объяснил девчонке?

Не дав Константину ответить, венария извернувшись в воздухе, метнулась к девушке, худощавая ручонка обвила тонкую шею, показались, до этого скрытые, тонкие острые коготки, походившие на причудливые иглы, готовые в любую секунду оцарапать нежную кожу.

Ярость ледяной волной окатила Князя, рука крепче стиснула кинжал, костяшки пальцев побелели от напряжения, он сделал шаг в сторону избранницы, но существо предостерегающе зарычало:

– Не стоит рисковать, колдун! Думаю, ты прекрасно знаешь, что будет, если я оцарапаю тонкую кожу этого прелестного создания.

– Если посмеешь, даю тебе слово, я камня на камне не оставлю от этой проклятой дыры, – прошипел Константин, брови угрожающе сошлись на переносице.

– Пустые угрозы, – осклабилась венария, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

– Думаешь?

Существо задумалось, глаза колдуна полны решимости, предупреждение весомо, по давним слухам он суров, могущественен и беспощаден. Пусть пересуды о нем давно умолкли, к прошлому надо отнестись серьезно. Расценив ситуацию не в свою пользу, венария изменила тактику. Одной рукой продолжая удерживать Дарину, подалось вперед, другую руку протянула в направлении мерцающего игни, косте-

рок полыхнул, задвигавшись в направлении хозяйки.

– Что ты задумала? – терпение Константина подходило к концу.

– Всего лишь немного поиграть, – промурлыкала венария, в хитрых глазенках мелькнула насмешка.

На гневный взгляд колдуна она ответила легкой кокетливой улыбкой, а затем, как только огонек коснулся маленькой ладошки, тут же растворилась в воздухе, вместе с избранницей.

– Проклятое создание! – выругался Князь. – Эта пещера с тварями мне порядком надоела!

– Моя вина, это я не уследила за избранницей, – мрачный голос Алтэры, походил на гудение ветра в дымоходной трубе.

– Что сделано, то сделано, – ледяным тоном сказал Константин. – Надо идти.

Подняв руки, как бы ощупывая сгустившуюся тьму, он принялся бормотать заклинание, разгоняющее мрак. Умолк, хлопнул в ладоши, под каменным сводом пещеры тут же вспыхнула ярким белым светом небольшая сфера, залив пространство холодными лучами, вырисовав в отдалении три разветвляющихся прохода.

Князь тяжело вздохнул:

– Видимо лабиринтов пещеры избежать не удастся.

– Если мы войдем туда, обратно можем не вернуться, – сказал Приморис, телесная оболочка мешала ему, он предпочел на некоторое время расстаться с материальной фор-

мой, отчего голос, как и у сестры, походил на гудение ветра.

– Знаю, – мрачно ответил колдун, на лице отразилась решимость, меж бровей пролегла глубокая бороздка, – но выбора у нас нет.

Мрак рассеялся, взгляд Дарины метнулся из стороны в сторону, наткнулся на грубые каменные стены. Где это она? Помещение напоминало огромный уродливый мешок изнутри: низкий потолок усеян вздувшимися буграми, не доросшими до сталактитов, пол холодный, шершавый, из стен пробиваются множество золотистых огоньков. Они переливаются, мерцают, создают забавные блики на каменистых поверхностях.

Опустив глаза, девушка обнаружила разбросанные по полу блестящие необычные предметы: золотые монеты, кубки, чаши, изящные фигурки, усыпанные драгоценными камнями. К одной из стен привалены полые доспехи, похожие на те, что она видела в коридоре Амбра Каструм, принявши тогда железную фигуру за живого человека. Но разница этих одеяний воинов, оказалась в том, что они выплавлены из чистого золота.

Судя по обстановке, подумала юная особа, венария перенесла ее в упомянутую ранее сокровищницу. Едва мысль промелькнула в ее сознании, существо возникло прямо из воздуха и, хлопая перепончатыми крыльями, зависло перед лицом девушки, пристально заглянуло в глаза.

– Зачем ты это сделала? – голос избранницы дрожал, сердце колотило в грудную клетку, но она старалась не отводить взгляда от твари, напуская храбрости.

– А что еще оставалось? – ехидно пропела венария, морща розовый нос. – Ты прекрасно слышала угрозы колдуна. Он мог совершить непоправимое, как его предшественница. А мне только этого и не хватало. Столько лет покоя! И вдруг, словно гром среди ясного неба!

– О чем ты?

– Вот только не надо хитрить! – Зашипело существо. – Золотых чешуек им захотелось! И так много зла натворили, довольно! А ты мой залог, колдун не станет применять магию, пока ты в моей власти.

– Я не представляю для Князя никакой ценности? – Дарина попыталась сбит венарию с толку.

– Ну-ну, девочка, – существо осклабилось, – не надо меня дурачить. Хоть и редко, но пещеру я покидала. К тому же мне более семи тысяч лет, и в чувствах, уж поверь, неплохо разбираюсь. Его ярость и взгляд, коим он глядел на тебя, говорят красноречивее любых слов – колдун влюблен!

Дарина почувствовала, как сжалось сердце, рванулось, гулко ударилось о грудную клетку, в глазах на короткое мгновение потемнело. Темный Князь любит ее? Жалеет, защищает, но любит ли? Она ключ, способный избавить Константина от заклятий жрицы Далия, об этом необходимо помнить. Ее чувства не важны. Лишь бы он обрел свободу

и счастье…

– Я не представляю для Князя никакой ценности, – упрямо, сдержанно повторила избранница, огромным усилием воли стараясь остановить поток набежавших слез и проглотить образовавшийся в горле ком.

– Ба-а, – расхохоталась венария, следившая за реакцией пленницы, захлопала в ладоши, – да у вас это взаимно!

Девушка сдалась.

– Правда лишь в том, что я люблю его! – прошептала она надтреснувшим голосом. – Он же слишком велик, чтобы разделить чувства простой бедной девушки. Князь спас меня, отнесся с пониманием и добротой, и я благодарна…

– Постой, – резко прикрикнуло существо, прервав исповедь, вплотную приблизилось к лицу юной особы, прищурилось, старательно что-то высматривая. Стремительно отпрянув, снова разразилось громким хохотом.

В замешательстве Дарина уставилась на развеселившуюся тварь.

– Да ты невинней, чем самая благопорядочная девственница, – сквозь неудержимый смех, пропыхтела венария, – Не телом, но душой! Удивительное сочетание! Да не смотри на меня так, я многое вижу!

– Что ты говоришь? – девушка шагнула назад, не зная, чего еще ожидать от глумливого существа, золотые огоньки в стенах замерцали ярче.

Хохот резко прервался, венария отлетела в сторону, умо-

стилась на грудь золотых доспехов, неприятно скрежетнула коготками по металлу. Помедлив, как бы раздумывая, продолжать ли разговор, с ухмылкой сказала:

– А то, что ты уникальна, и как погляжу, мир этот не твой. Ведь из другого мира пришла, не так ли?

– Даже если и так, что с того?

– А ничего, – фыркнуло существо, – просто иначе, и быть не может.

– Почему это?

– Во-первых, – венария ловко загнула крохотный пальчик, – душ, чистотой хоть отдаленно напоминающих твою, в этом мире и подавно уже нет, во-вторых, я отчетливо вижу нити лазурной волны, переплетенной с твоей аурой, что может быть лишь следствием перехода через межмирье. Знаний магии у тебя не нахожу, из чего следует, ты здесь по воле колдуна с избытком магических сил. Единственное, что никак не могу понять, зачем ему играть со смертью? Золотой чешуи все равно не видать, ни я, ни сестры этого не допустим, а вот умереть, пожалуйста. Так зачем проявлять безумие? Зачем чешуя понадобилась?

– Это для меня,– выпалила девушка, и тут же запнувшись, прикрыла рот ладонью.

– Для тебя? – венария склонила голову на бок, огоньки в каменных стенах заплясали в бешеном ритме.

– Это поможет усилить защиту от…

– Говори же!

– От одной ведьмы… – Дарина запнулась, в груди образовалась неприятная тяжесть, настороженно посмотрела на существо.

Венария хмыкнула, помрачнела, переместилась на кучу из золотых монет, зазвеневших под ее лапами, пара блестящих кругляшков скатились с горки, зашуршали по холодному полу, остановившись у ног избранницы. Черные глазки безучастно проследили за движением монет, взгляд переместился на девушку, из груди вырвался тяжелый вздох. Каменные стены завибрировали в ответ, мерцание огоньков ослабло.

– И как же имя той ведьмы, от которой самостоятельно не может защититься даже великий колдун?

Девушка пришла в замешательство. Что будет, скажи она имя жрицы Далия?

– Молчишь? – венария взяла монетку, принялась рассматривать. – Нда, – протяжно выдохнула она, положив кругляшок на место, – Каллида способна внушить ужас кому угодно.

Дарина вздрогнула, не ожидав услышать от твари собственных мыслей.

– Ну, конечно же, я права, – продолжала венария, глядя в побледневшее лицо пленницы, – Эта особа соткана из мрака и отчаяния. Одного только не пойму, как прислужник ведьмы, может пойти против своей повелительницы. Ведь Темный Князь служит Каллиде, не так ли?

– Нет, это не правда, – пробормотала девушка, поборов оцепенение, сердце заколотилось быстрее.

– А вот лгать нехорошо!

– Но я не лгу, – крик избранницы выдал отчаяние, желание защитить, не дать оклеветать, – Князь больше не служит ведьме!

– Да тише ты, – скривилось существо, – не надо так орать, верю я тебе, верю, чистая твоя душонка.

– Ты боишься ведьмы? – вопрос Дарины сложился сам по себе, на что венария надула губки, насупилась, сморщив маленький нос.

– С чего решала? – спросила она с напускной обидой.

– Ты же удрала от Князя, узнав кто он…

– Не надо преувеличивать, – венария махнула ручонкой, затем покачала головой, – хотя отрицать не стану, Каллида могущественна.

– Тебе приходилось с ней сталкиваться?

– Не только сталкиваться, – печально выдохнуло существо, лицо погрустнело, плечики осунулись. – Дело в том, что эту ведьму породили мы – венарии.

Девушка подалась вперед, удивленная признанием, холод каменных стен, не смотря на золотые огоньки, проник сквозь одежду, отчего легкая дрожь сотрясала юное тело.

– Зачем говорю тебе об этом? – скорее себе задала вопрос венария, и тут же ответила, – видимо кристальная чистота души внушает доверие. Уйми дрожь, девочка, тебе ничего

не угрожает, сегодня я добрая.

Избранница слабо улыбнулась, озноб поутих, невзирая на холод, но тяжесть в груди усилилась.

– Если хочешь, я расскажу тебе, как Каллида стала ведьмой, – ирония, прозвучавшая в мурлыкающем голосе разоткровенничавшегося существа, не укрылась от внимания Дарины.

– Хочу, – просто и честно ответила она.

– Что ж, – хмыкнула венария, – слушай. Как я уже говорила, мы существуем в лабиринтах пещеры Каменного Плодородия, порядка семи-восьми тысяч лет. Сотворил нас величий бог Омнис, прародитель и хранитель всей магии мира. Создал он нас по той простой причине, что хранение магии с течением времени стало его сильно обременять, поэтому он спрессовал бо́льшую ее часть в маленькие чешуйки, и поместил на наши спины, прямо между крыльев.

В доказательство, венария приподнялась с золотой кучки, зашуршав потревоженными монетами и, повернувшись спиной к Дарине, блеснула маленькими, еле заметными, золотистыми чешуйками. Девушка ойкнула, подавила желание прикоснуться к невероятному чуду.

– Так значит, они у тебя есть?!

– Понятное дело, – венария снова поудобнее устроилась на золоте, – Да только те, кто их видел, долго не живут.

На лице пленницы промелькнул испуг, существо хохотнуло:

– Да не бойся, тебя не трону, сказала же, добрая сегодня.

Неожиданно Дарина низко поклонилась, выказав благодарность, удивив венарию. Та передернула плечиками, ощутив тепло, давно покинувшее ее маленькое сердечко.

– Ты действительно уникальное создание, – тихим шепотом промурлыкала она, нетерпеливо добавила, – но слушай дальше. Бог Омнис, знающий алчность созданий мира сего, сотворил лабиринт в самой отдаленной части земли, в темной и глубокой пещере, которую назвал пещерой Каменного Плодородия, ибо магия теперь рождалась и существовала среди камней. Поместив нас в сохранное место, как он считал, Омнис решил забыть о нашем существовании до тех пор, пока не понадобится больше магии для его деяний.

Нас не беспокоило подобное решение Создателя, ведь мы пока не знали жизни, и любое решение Великого, принимали как должное. Так мы просуществовали полвека. Со временем, обвыкнувшись в коридорах лабиринта, изучив их вдоль и поперек, в наших сердцах стало зарождаться любопытство. Проявлялся интерес к тому, что снаружи, какая там обстановка, есть ли вообще это «снаружи» или мир весь состоит из лабиринтов пещеры? Но долго гадать не пришлось, в один из судьбоносных дней, наша сестра наткнулась на странное свечение вдали одного из коридоров. Подобравшись ближе, она обнаружила выход в совершенно иное пространство, совсем не походившее на наше обитание. Зачарованная столь великим открытием, она поведала о нем сестрам, и мы, ве-

домые любопытством, впервые покинули пещеру Каменного Плодородия. Какой восторг вызвало это действие невозможно описать словами. Восхищало все, что попадалось на глаза: облака, деревья, цветы, насекомые. Конечно, тогда мы не знали всех причудливых названий, просто любовались созерцанием чего-то нового. Так, увлеченно разглядывая, изучая странный непознанный мир, не заметили, что за нами тоже наблюдают…

Скрываясь за кронами деревьев, за появлением странных существ, следил человек. Это был мужчина средних лет, волосы которого уже посеребрило время и печаль. Он пришел в лес собрать хвороста для растопки печи, но нашел гораздо больше. Существа, представшие пред ним, могли принести ему неслыханные богатства, но не это привлекало путника. У одной из тварей, находившейся совсем рядом с наблюдателем, оказалось лицо, столь сильно напомнившее личико его покойной дочери, что он решил изловить ее.

Подпустив неведомое создание поближе, он накинул на нее, припасенный для хвороста, мешок, и прижал к груди, чтобы заглушить протестующий вопль. Увлеченные исследованиями нового мира, никто из венарий не обнаружил пропажи, и все вернулись в пещеру без одной из соратниц.

Мужчина, радуясь удачной поимке, принес существо в дом, располагавшийся на опушке леса, запер дверь, закрыл окна и выпустил из мешка. Взметнувшись к потолку, венария стала лихорадочно искать выход, измотавшись, забилась

в ближайший угол, ожидая последующей участи. Видя удручающую картину, похититель стал ласково уговаривать перепуганное существо, попытался убедить в том, что вреда не причинит, и в знак доброй воли, налил немного молока в глиняную миску, поставил рядом с пленницей. Та подняла на него перепуганные глаза, а затем уставилась на преподнесенный дар.

– Пей, – предложил мужчина, сделав показательный жест, поднеся ладони к губам и опрокинув их так, словно сам что-то выпил.

Венария помедлила, затем взяла миску в тоненькие ручонки, глотнула содержимое. Белая жидкость понравилась ей, быстро допила остатки и протянула опустевший сосуд хозяину дома, молчаливо прося добавки. Не удивительно, что ей хотелось еще, ведь за пять сотен лет, есть доводилось лишь пещерных жучков, да пить капающую со сталактитов воду.

Мужчина с улыбкой на устах наполнил миску. Осушив и ее до дна, венария осмелела, принялась рассматривать человека, убранство комнаты, вытягивать шею для обзора. Созерцаемых предметов она не знала, но все, что попадалось на глаза, нравилось ей, поэтому, выбравшись из угла, стала подходить к вещам и указывать на них пальчиком, при этом, в красноречивом молчании приподнимая брови, словно спрашивая, что же перед ней. И похититель с радостью отвечал:

– Стол, стул, тумба…

Венария указала на него, и мужчина расплылся в более широкой улыбке.

– Я? – шутливо спросил он, хлопнул ладонью по груди, и, дождавшись подтверждающего кивка, ответил, – Я – Урсус.

Но когда загадочное существо указало на квадратный предмет, висевший на стене, лицо мужчины переменилось, помрачнело, а глаза наполнились слезами печали, и он тихо прошептал:

– Портрет.

Небольшая миниатюра, с изображением лика покойной дочери, запечатленного одним бродячим мастером живописных дел, в благодарность за спасение от волков в лесу, располагалась на самом видном месте. Девочка на картинке выглядела словно живая, поэтому венария снова указала на стену, в попытке узнать, кто же это. Понимая без слов, что от него требуют, мужчина ответил:

– Это портрет моей дочери. Ее жизнь, и жизнь ее матери, унесла болезнь, и теперь я остался совсем один. Но ты так похожа на мою милую маленькую Флорию…

Он не смог закончить начатую фразу, голос дрогнул, по щеке покатилась скупая мужская слеза. Венария словно почувствовала боль и страдания мужчины, внимательно вгляделась в портрет и промурлыкала:

– Флория.

Мужчина в недоумении уставился на существо, и на мгновение, позабыв о печали, выпалил:

– Ты говоришь!

– Говоришь, – просто повторила венария.

– Тогда скажи, останешься ли ты со мной, не покинешь?

– Останешься со мной? – эхом вторило существо, склонив голову на бок.

Время шло, венария прижилась у одинокого мужчины, тот бережно заботился, охранял, оберегал ее, называл именем покойной дочери. И все же, иногда, вечерами он подходил к портрету истинного дитя, подолгу глядел на милое родное личико, наполнявшее сердце болью и горем. Позже усталость брала верх, и тогда он отправлялся в постель, изможденный, усталый, потерянный.

Новоявленная Флория, поначалу спокойно наблюдала мрачное поведение Урсуса в моменты печальной скорби о покойной. Но постепенно, по мере привыкания к человеку, опекавшему ее, в сердечке венарии зарождалось новое чувство – жалость. С каждым разом, видя терзания благодетеля, ей все больше хотелось облегчить ему невыносимые душевные страдания. И наконец, забыв об осторожности, существо решилось на опрометчивый шаг.

Густой вечерний сумрак накинул темное покрывало на землю, Урсус в очередной раз печально глядел на портрет покойной дочери, венария приблизилась к нему, дотронулась до крупной грубой руки, стараясь привлечь внимания.

– Моя маленькая Флория, – натянуто улыбнулся мужчина, – ты единственная радость, оставшаяся в моей жизни.

Венария склонила голову на бок, пристально глядя на опекуна, не произнеся ни слова, завела руку за спину, что-то соскребла с кожи. Протянув ладошку вперед, показала поблескивающую золотую чешуйку.

– Что это? – спросил Урсус.

Венария не ответила на вопрос, указала на портрет:

– Подай!

– Зачем? – удивился мужчина, но словно зачарованный, снял картинку со стены, протянул к вытянутой маленькой ручонке.

Портрет оказался в цепких пальцах существа. Венария растерла волшебную чешуйку в порошок, посыпала изображение, аккуратным движением уложила на пол и отступила. Через мгновение легкая вибрация заполнила комнату, дрожащий портрет скакнул на месте, образовалось странное облачко прямо над ним, принялось расти. Достигнув метра в высоту, замерло, колыхнулось, затрепетало сильнее, вырисовалась отчетливая форма детского человеческого тельца. На узнавание не потребовалось времени, перед горюющим отцом предстало умершее дитя в любимом стареньком платьице зеленого цвета, тряпичных башмачках и с зачесанными назад каштановыми локонами, заплетенными в тоненькую косичку. Девочка могла показаться вполне живой, если бы не легкая прозрачность, выдававшая ее возвращение из потустороннего мира.

– Папочка, – детский голосок зазвенел в ушах Урсуса, сто-

явшего в оцепенении, не понимавшего, спит он или бредит наяву. – Папочка, мне холодно.

Мужчина вздрогнул, словно от резкого удара, бросился к ребенку желая обнять, согреть, протянул сильные руки и тут же отпрянул. В теле девочки не ощущалось ни твердости, ни гибкости, образ, призрак, вот чем являлось дитя, призванное магией чешуи из мира теней.

– Что же это? – простонал Урсус.

– Это душа, – тихо ответила венария, – ты тосковал, я позвала, она пришла.

– Но я даже не могу ее обнять, – голос мужчины сорвался на хрип, и он в отчаянии закрыл лицо руками.

Существо вздохнуло, отскребло еще одну чешуйку со спины, и, растерев в порошок, осыпало золотой пыльцой фантом ребенка. Результата не потребовалось долго ждать, прозрачность духа исчезла, плоть окрепла и малышка, сделав шаг в сторону мужчины, радостно захлопала в ладоши, закричала:

– Папочка, смотри!

Урсус поднял красные глаза, полные слез, руки его дрожали, потянулся к дочери, осторожно тронул подол зеленого платья, не сдержавшись, схватил дитя в охапку и зарыдал.

– Папочка, почему ты плачешь? – голосок малышки звучал приглушенно, она уткнулась личиком в горячее отцовское плечо.

– Ох, милая, вы с мамой очень рано покинули меня, сделав таким одиноким.

– Но ты не пошел с нами! Почему? Мы с мамочкой скучали по тебе. Там, где мы сейчас живем очень красиво…

– Доченька, – хрипел мужчина, сдерживая рыдания, крепче прижимая к могучей груди худенькую родную фигурку, – мне хотелось уйти, хотелось больше всего на свете…

– Тогда пойдем сейчас, – просто сказало дитя.

– Нет, – предостерегла венария, – его время не пришло.

– Но почему? – в осипшем голосе Урсуса звучало страдание.

– Мир теней принимает каждого в свое время, – ответ казался простым и сложным одновременно. -

– Это жестоко!

– Урсус, – позвала венария, растерянная и расстроенная поведением опекуна, – пора прощаться с детенышем.

– Нет! Нет! – закричал Урсус, крепче сжимая в объятиях дочь, – я не могу снова потерять ее!

– Но так надо, – нежно потребовало существо, склонив голову на бок. – Время вашего свидания истекло.

– Зачем ты это делаешь? – взмолился несчастный. – Зачем снова заставляешь переживать боль утраты?

– Я не думала, что так будет, – прошептала венария, ее маленькое сердечко обрело новое чувство боли, защемило, сжалось от горечи, – хотела порадовать…

Договорить она не смогла, горло перехватило, глаза невыносимо защипало. Две горячие дорожки увлажнили щеки, венария потрогала прозрачную капельку, та переместилась

на кончики ее пальцев, блеснула в тусклом свете прогоревших свечей. Слезы существа тронули сердце Урсуса, горечь разочарования уступила место жалости.

– Не надо плакать! Прости меня!

Он вытянул одну руку в молчаливом призыве, другой продолжая крепко прижимать родное дитя. Но как ни старался, ребенка удержать не смог. Физическая оболочка девочки исчезала, фигурка делалась прозрачной, гибкой. Одно мгновение Урсус еще смотрел в милое личико дочери, но образ поблек, растаял, подобно крохотной снежинке на разгоряченной ладони.

Часть свечей погасла, полумрак и тишина окутали помещение, тяжелой ношей легли на плечи мужчины, не желавшего подниматься с колен. Слезы его иссякли, пустой взгляд устремился на портрет, лежавший на полу, тяжелое горячее дыхание толчками вырывалось из груди. Венария приблизилась к замершему в удручающей позе опекуну, быстро прильнула так, как недавно льнула его ненадолго воскресшая дочь.

– Прости, – услышала она горький шепот мужчины. – Ты старалась сделать меня немного счастливее, и я благодарен за это.

Больше в этот вечер Урсус не произнес ни слова. Поднятое с пола изображение девочки обрело прежнее место, дрема сморила мужчину, и он, оставив существо в одиночестве, не разоблачаясь, рухнул на постель, уносясь в мир спаситель-

ного сна.

Следующим утром венария не узнала опекуна, бодрый, радостный, он улыбался искренней улыбкой, старевшей печаль с лица. Хотелось верить, что с этого момента жизнь потекла по новому руслу, увы, судьба любит преподносить сюрпризы, и чаще они не приходятся по душе.

Мирному существованию уготовано было прекратиться по велению случая, приведшего заплутавшего в чаще дровосека к домику на опушке леса, ставшего случайным свидетелем магии венарии. Долго скитался тот по чащобе, знакомой с юных лет, словно нечто водило его за руку кругами. Под вечер, уставший, голодный, наконец, заметил редеющие деревья, выбрался на опушку. Небольшой домик из сруба вырос перед ним подобно чуду, на шатающихся ногах подошел ближе, заглянул в крохотное оконце. Именно в этот момент венария оторвала золотую чешуйку от спины, растерев, развеяла пыльцу над портретом. Дальнейшие события повергли дровосека одновременно в ужас и благоговение. Он уже не думал о помощи, сердце бешено колотилось, чувство страха овладело рассудком, заставило рвануться прочь, бежать обратно в лес, не разбирая дороги.

Ноги, обретшие силу, мчали дровосека вперед, пока дыхание в груди ни сперло, в глазах потемнело. Он резко остановился, со свистом выталкивая из легких воздух, пот струился по смуглому с жесткими чертами лицу, черные кудри сбились на голове, прилипли к вискам. Постарался прийти

в себя, огляделся. Сумрак подступил незаметно, окутал чащу, верного пути, казалось, найти невозможно. Но случай услужливо направил взгляд дровосека, тот увидел знакомую пометку на стволе могучего дуба, сделанную им ранее, это помогло сориентироваться на местности.

Ночь тяжелое время для одинокого путника, дровосек смог добраться до дома лишь к полудню нового дня. Поведав об увиденном чуде жителям поселения, пообещал показать дорогу смельчакам, желающим отправиться на другой конец леса, чтобы присвоить сказочное диво. Но с условием, что добычей с ним поделятся.

Многие приняли слова дровосека за бред, чего ни привидится до смерти перепуганному человеку, ночь блуждавшему в лесу, но сыскались и те, кто не остался равнодушным, ведь собственное чудо, так заманчиво.

На сборы понадобилось двое суток, на третьи двинулись в путь.

Урсус не подозревал о набеге, он как обычно отправился на охоту ранним утром. Его маленькой венарии полюбилась жареное мясо, опекун не мог отказать ей в простом удовольствии, полакомиться свежатиной. Лес загадочно шумел, приветствуя частого гостя, птицы щебетали, умостившись на кроны вековых деревьев, но зверьки, так часто шнырявшие по кустарникам, в этот раз усердно прятались от опытного лесника. Время охоты затянулось, добыча обнаружилась лишь к полудню, утомленный поисками, но счастливый, что

возвращается не с пустыми руками, мужчина направился к дому. Чем ближе он подходил к опушке, тем стремительней увеличивал шаги, неизвестная тревога спирала грудь.

На краю леса он понял, что беспокоился не напрасно, подле его дома сновали пятеро чужаков. Двое из них держали схваченную венарию за тоненькие ручонки, раздирали в сторону крылья, третий беспощадно драл, с изгибавшейся от боли спины, золотые чешуйки, складывал добычу в тряпичный мешочек, остальные бесстыдно наблюдали за истязанием несчастного существа.

Венария резко дернулась, очередная попытка вырваться не увенчалась успехом.

– Держите крепче, – гаркнул дровосек, очередная чешуйка выскользнула из его крючковатых пальцев из-за трепыхания жертвы, – тварь может вырваться!

– Почему просто ни запихнуть ее в мешок, и дело с концом, – огрызнулся сообщник, поборов желание почесать густую рыжую бороду.

– Чешуя важнее, тварь пользовалась ею. Сначала возьмем то, что наверняка не ускользнет от нас, а уж потом и бестию в мешок…

Дровосек не окончил фразу, с ужасом распахнул глаза, уставился на огромного мужика, походившего на разъяренного медведя, надвигавшегося из леса. Венария неистово закричала, заметив опекуна, лицо Урсуса исказила гримаса боли и гнева, он, бросив добычу, мчался к ней на помощь, раз-

махивая тонкой деревянной рогатиной. Первый удар пришелся по голове рыжебородого, он не успел увернуться от палки, бесчувственной массой рухнул на землю. Его тощий напарник с вытянутым лицом, державший существо, бросился наутек, едва не сбив с ног дровосека. Венария больно ударилась при падении, отползла в сторону, волоча пачкающиеся в пыли крылья. Лесник уловил ее движение, в бешенстве кинулся на стоявшего в оцепенении обидчика, но путь ему преградили двое сподвижников врага, до этого момента находившихся в стороне. Завязалась жестокая драка, Урсус, выронивший рогатину, махал кулачищами, раздавал тумаки, выкрикивая бранные слова.

Внезапная резкая боль под лопаткой выгнула спину дугой, заставила вскрикнуть. Обернувшись, он увидел жесткую насмешливую ухмылку на лице нападавшего, блеснувшее в руке, окровавленное лезвие кинжала. Потянувшись к убийце, не устоял на ногах, рухнул на колени, тяжелая голова повисла, густые каштановые волосы упали на лицо. Ухмылка дровосека превратилась в торжествующую улыбку, ему нравился вид поверженного умирающего лесника, единственного препятствия на пути к цели.

Венария с ужасом наблюдала падение опекуна, до этого она не сталкивалась со смертью так близко. Тонкая тягучая струйка крови, потекла из его рта, оросила землю, вызвав у существа сначала чувство отчаяния, быстро сменившегося гневом и яростью. Дотянувшись до остатков золотых чешу-

ек, она оторвала одну, растерла, подула на ладонь. Крохотная пыльца, подхваченная горячим дыханием, понеслась в направлении зеленой чащи, сопровождаемая просьбой:

– Защити!

Душераздирающий вопль послышался из леса, сменился треском, грохотом и скрежетанием. Трое соучастников одновременно повернули головы в сторону кошмарных звуков.

– Что это? – осипшим голосом выговорил дровосек.

В ответ минутную тишину заполнило грозное рычание, из-за стволов деревьев замелькали страшные волчьи морды, перепачканные свежей кровью. Стало ясно, звери расправились с тощим соучастником, трусливо убежавшим в лес.

Медленно, словно присматриваясь к добыче, дикие хищные животные выходили из укрытия, их было не меньше десятка. Волки имели не свойственные им размеры, в высоту достигали не менее полутора метров, густая черная шерсть вздыблена, мощные лапы напряжены, острые клыки белели в голодном угрожающем оскале.

Ледяной озноб прошиб одновременно троих участников нападения, холодный пот выступил на их лбах, сердца сжались в комки от страха и предчувствия неизбежного наказания за сотворенное зло. Инстинкт самосохранения заставил тела бывших смельчаков, скованных ужасом, сбросить оковы оцепенения, пуститься наутек, в надежде сохранить жизни.

Дровосек бежал впереди, сжимая в руке тряпичный ме-

шочек с золотыми чешуйками, даже чувство смертельной опасности не заставило его расстаться с добычей. Он слышал, как раздраженные запахом крови звери достигли сперва одного из его спутников, под жуткие вопли разодрали в клочья, затем другого постигла та же участь. Но дровосек продолжал бежать, не оглядываясь, не смея перевести дыхание. Внезапно в мозгу вспыхнула мысль, что уйти от свирепых хищников не удастся, резко остановившись, он крутанулся, упал на колени, сунул руку в мешочек, извлек чешуйку, растер и швырнул пыльцу в сторону приближающихся волков с отчаянным криком:

– Стойте! Остановитесь!

Магия подействовала, животные не стали набрасываться на него, но запах добычи не давал им покоя, звери с перепачканными багровыми мордами принялись описывать круги возле трясущегося от страха мужчины, не отходя дальше, чем на пару метров.

– Что же это! – стон сорвался на рыдания, лицо исказила гримаса безумия.

Сквозь пелену слез дровосек разглядывал окровавленные растерзанные тела погибших, горько сожалея теперь о решении явиться сюда.

Венария тоже разглядывала бездыханные трупы бывших мучителей, не чувствуя ни радости, ни удовлетворения. Гнев продолжал ускорять биение сердечка, пока она не услышала стон опекуна, инстинктивно поняла, близилась кончина Ур-

суса. Ярость сменилась тревогой и страданием, попыталась встать, приблизиться к мужчине, но резкое жгучее нестерпимое чувство боли между крыльев, сковало движения, заставило вскрикнуть.

– Флория, – прохрипел Урсус, лежавший на пропитанной кровью земле, тонкая струйка алой жидкости продолжала вытекать изо рта.

– Я здесь… я иду, – сдавленно простонала та, превозмогая мучения поползла к опекуну.

– Прости… прости… не уберег, – бормотал мужчина, сквозь пелену тумана, застилавшего взор, наблюдая за трудными движениями приближающегося существа.

– Тише, береги силы, – доползши, венария положила голову на едва вздымающуюся грудь Урсуса, прислушалась к угасающему биению сердца.

– Кто теперь защитит тебя?

– Не уходи, – горькая слезинка покатилась по щеке существа, тонкие пальчики вцепились в мужскую рубашку, сжались в кулачок, скомкали ткань.

– Время, – выдохнул Урсус. – Посмотри Флория… они пришли за мной… время настало…

Голова Урсуса завалилась набок, венария проследила за его тускнеющим взглядом. Неподалеку, в окружении теплого белого света, с мягкими улыбками на устах, стоили красивая женщина с вьющимися светлыми волосами в бледно-голубом легком платье и маленькая девочка в зеленом, жена и

дочь лесника. Они заждались его в царстве мертвых.

– Время настало, – горестно прошептала венария, не в силах помешать неизбежному.

Последний тяжелый вздох возвестил о кончине Урсуса, бывшая подопечная заглянула в ставшие стеклянными глаза мужчины, снова положила голову ему на грудь, отдалась печали. Плакала она долго, не замечая, как день близится к исходу.

С наступлением вечера пришло странное чувство покоя. Слезы венарии иссякли, она приняла решение вернуться в Пещеру Каменного Плодородия, ничего другого не оставалось. Тяжело вздохнув, она бросила мрачный взгляд на белое, словно погребальный саван, лицо опекуна. Нельзя оставлять его здесь в таком виде! В ход пошла очередная чешуйка, испачканная запекшейся кровью на расцарапанной спине, растертая в мелкий порошок. Золотая пыльца окутала тело Урсуса, заволокла шелковой паутинкой, обернув в кокон, и земля медленно поглотила странный дар, преподнесенный случаем. Теперь он надежно спрятан, никто, и ничто не сможет потревожить его!

С трудом поднявшись с земли, тело ломало, болело, между крыльев по-прежнему жгло, венария поковыляла к лесу. Крик дровосека остановил ее, обернулась.

– Постой! – истерично вопил тот, размахивая руками. – Спаси меня! Не бросай!

Он израсходовал всю чешую из тряпичного мешочка на

волков, но силу магии, созданную разъяренным и одновременно до смерти перепуганным существом, перебить не смог. Голодные хищники не размыкали созданный круг, пристально следили за жертвой, не давали ступить шагу, в жутком оскале обнажали белые зубы, разодравшие не одну добычу, приглушенно рычали. Они не могли причинить вреда дровосеку в образовавшемся защитном пространстве, но могли дождаться, пока тот его покинет. Несчастный был обречен, прекрасно сознавал это, пытался схватиться за последнюю соломинку, но упускал важную деталь, вина лежала полностью на нем.

Венария скривила презрительную гримасу, молебные стенания недавнего мучителя и убийцы не возымели на нее никакого эффекта.

– Спасай себя сам! – прошипела она и, не обращая больше внимания на крики дровосека, побрела прочь от печального места.

Долгий путь отнял последние силы, но цели венария достигла, родовое гнездо ждало блудную дочь, раскрыв черный объятия, до «разинутой пасти» пещеры оставалось не более двадцати шагов. Собрав волю в кулак, существо намерилось войти в темнеющий зев, но стоило сделать шаг, небо тут же разрезала яркая зигзагообразная молния, загрохотал оглушительный раскат грома, затряс землю. Испуганно шарахнувшись в сторону, венария не устояла на ослабевших ногах, рухнула на каменистую почву. Вскрикнув от боли, несчаст-

ная плотно зажмурила глаза, сконцентрировалась, сознание упорно стремилось во мрак.

– Дитя мое! – знакомый многогранный голос, сливающийся с гулом разыгравшегося ветра, пронзил разум существа подобно раскаленной игле.

– Омнис! – потрескавшиеся, пересохшие губы беззвучно обозначили имя создателя, взгляд лихорадочно метнулся из стороны в сторону, на лице читалась откровенная паника.

– Ты боишься? – голос звучал отовсюду, бархатистый, обволакивающий, навевающий тревогу. – Чего ты боишься, дитя? Наказания за бегство?

Венария вздрогнула, ощутила, как бешено заколотилось сердце, закрыла лицо руками, не в силах вымолвить хоть слово. Она же не сбегала, но и не вернулась при первой возможности.

– Отринь страхи, дитя мое, – продолжал Омнис, – все пустое, важно лишь твое возвращение, отныне ты в родной обители.

Слова не успокоили, тревога не отступила. Отняв руки от лица, существо огляделось, повсюду царил мрак, лишь мерная капель, падающая откуда-то сверху, дала понять, создатель переместил ее в пещеру. Она пошевелилась, сделала попытку подняться, и тут же застонала, боль пронзила хрупкое тельце, напомнила о ранах меж крыльев. Стон послужил сигналом, и в тот же миг из небольшой расщелины в стене вырвался пучок огня, частично осветил участок пещеры,

за ним вспыхнул другой, третий, огоньки загорались часто и быстро, пока в каменном мешке стало светло как днем. Венария увидела собирающихся вокруг нее сестер, в их глазах светились ужас и сострадание, тихий жалостливый шепот, блуждавший среди подобных ей, донесся до острого слуха. Она поняла, что причиной неприятной реакции послужила ее спина, покрытая запекшейся кровью, и отсутствие немалой доли золотой чешуи.

– Что сталось с твоей чешуей? – вопрос Омниса заглушил перешептывания, существа в раз затихли, ожидая ответа сестры.

– Ее украли, – проговорила та, дрожа всем телом.

– Как ты допустила? – взревел создатель, венарии в испуге бросились в рассыпную, укрылись за ближайшими сталагмитами – Ты покинула обитель, храм магии и я простил тебе, но ты не сберегла то, ради чего была создана! Ответь, что двигало тобой? Что заставило уйти?

– Любопытство, – выдохнула венария и вспомнила Урсуса, дрожь утихла, она гордо вздернула подбородок, голос окреп, громко выпалила, – но я не жалею о совершенном поступке!

– Как смеешь ты говорить мне подобное?

– Не смею! Но говорю, ибо ослушавшись, я познала самое великое чудо!

– Чудо? Величественней магия? – в голосе создателя слышались недоверие и насмешка.

– Да, – венария стояла на своем, – намного величественней.

– И что же за великое чудо ты познала? Ради чего пожертвовала золотой чешуей? Поведай, дитя мое!

– Любовь! – воскликнула венария. – Любовь человека! Истинную любовь отца к своему чаду!

– Лю-бовь?! – протяжно выговорил создатель и расхохотался так громко, что задрожали стены пещеры.

– Любил ли ты нас когда-нибудь? – дерзнуло спросить существо, обиженное пренебрежительным смехом. – Создавши нас, даровал разум, чувства, но обрек на безрадостное существование в мрачных лабиринтах холодной сырой пещеры.

– Твои обвинения справедливы, – хохот прекратился, голос Омниса погрубел, и, к удивлению, всех присутствующих венарий, создатель материализовался перед той, которую Урсус называл именем покойной дочери, Флорией.

Огромный, высокий, достающий до потолка пещеры исполин, внушающий благоговение и трепет, пред таким впору падать на колени, прося милости. Внешне Омнис походил на человека, с одним весомым отличием, тело его гораздо мощнее, крепче, несокрушимее, лицо прекрасно, невозможно отвести взор, большие черные глаза, в обрамлении густых ресниц, блестели, безупречные ноздри на прямом носу раздувались, без единого изъяна, великолепно очерченные губы кривила легкая усмешка. На широкие плечи ему, ниспадали

пряди шелковистых темно-каштановых волос, вьющихся от самых корней. Легкая белая накидка, повязанная через плечо, открывала половину могучей груди, доходила до колен и служила лишь для того, чтобы подчеркнуть божественную красоту.

– Ты пробудила мою совесть, – губ создателя коснулась едва заметная улыбка. – Отныне я буду звать тебя Фида.

– Мне уже даровано имя!

– Забудь его, оно в прошлом, – отрезал создатель, протест венарии не пошел в расчет. – Происходящее ранее, отныне утратило значение. Я сотворил вас как сосуды, хранилища магии, не дав ни имен, ни определений, ни достаточного количества знаний. Но время перемен настало. Встань же, Фида, и созови сестер.

Венария попыталась встать, ноги задрожали, стон сорвался с губ.

– Больно, не по силам.

– Встань, дитя мое, – настойчиво повторил Омнис, – раны твои исцелены, боль не потревожит.

Венария умоляюще глянула на исполина, послушалась, уперлась дрожащими руками в холодный каменный пол и оторвала тело от земли. Боль не появилась, существо увереннее стало на ноги.

– А теперь приблизьтесь все, дети мои! – позвал создатель.

Продолжая скрываться за сталагмитами, существа медлили, боязливо выглядывая из ненадежных укрытий. Реакция

сестер вызвала у Фиды раздражение, трусливые создания, так всю жизнь и сидели бы в холодной норе, тихо, незамечено, она громко с осуждением крикнула:

– Вы не слышите, сестры, отец зовет вас? Приблизьтесь и исполните все, что он потребует!

– Не пугай их еще сильнее, Фида, – хохотнул Омнис, удивленный воинственностью маленькой венарии, та полна жизни, он не ждал подобного от своих творений. – Не бойтесь, дети мои, решение принято вам во благо.

Послышалось шуршание, маленькие существа выбирались из укрытий, повинуясь инстинктам, окружали Фиду, трепетно, благоговейно разглядывали создателя.

– Мне ведомо, что вы познали свободу вне стен родового гнезда, – сказал создатель, окинув взглядом сгрудившихся творений. – Пещера Каменного Плодородия была создана не только как ваша обитель, но и как защита от внешнего мира, увы, она утратила предназначение. Удерживать вас в лабиринтах я не стану, каждая отныне вольна покидать пещеру по своему желанию. Но печальный опыт в лице вашей сестры, указывает на то, что вам необходима более тщательная защита. Ведь в скором времени многие узнают о силе магии, хранимой в вашей чешуе, и возжелают получить эту силу.

В толпе послышался тревожный шепот, Омнис продолжил:

– Не бойтесь, дети мои, не ропщите, отныне вам дарована защитная магия, сокрытая на кончиках когтей, яд, способ-

ный умертвить физическую оболочку, развеять дух, сослать в небытие. Но не пользуйтесь им без надобности, ибо как смерти, так и прощения может заслуживать каждый…

В тот день венарии приобрели страшное оружие, не подозревая, что в скором времени им придется воспользоваться даром создателя.

Шли дни, существа часто покидали родовое гнездо, не рискуя отдаляться на большие расстояния. Фида больше остальных стремилась к свету, держалась обособленно, отдаленно от сестер, предпочитая уединение. Она тосковала по счастливым дням, проведенным с Урсусом, образ бывшего опекуна часто вставал перед мысленным взором, навевал печаль. Воспоминания, размышления перетекали к последним мгновениям его жизни, к людям, сотворившим зло, и ее охватывало непонимание. Доброта Урсуса ставилась на одну чашу весов, алчность, жестокость, бессердечие чужаков, причинивших ей боль, на другую. Вторая нередко перевешивала, это пугало Фиду, заводило в тупик. Если люди познают истинную силу золотой чешуи, что станет с миром?

Погруженная в раздумья, Фида сидела на большом валуне, расположенном неподалеку от входа в пещеру. Яркое солнце ласкало теплыми лучами ее задумчивое лицо, легкий ветерок касался расслабленных крыльев, трепал невысокие пучки травы, пробившихся, растущих на каменистой поверхности. Она так сильно погрузилась в размышления, что не обратила внимания на странный шелест за спиной.

– Хватай ее!

Внезапно раздавшийся крик напугал венарию, она подскочила на месте, резко обернулась, к ней тянулась пара огромных рук. Несколько взмахов сильными, окрепшими крыльями подняли ее в воздух, не позволив схватить. Обзор с высоты открыл неприятную картину, Фида окинула негодующим взглядом семерых пришельцев, рассредоточившихся полукольцом недалеко от валуна, недавно служившего ей местом отдыха. Все незнакомцы, кроме одного, чья гнусная физиономия не раз всплывала в воспоминаниях, дровосек, оставленный в окружении волчьей стаи.

– Ты,– прошипела венария, – как ты выжил?

– Узнала, – дрожь в хриплом голосе дровосека выдавала нетерпение, – ты бросила меня! Хотя я молил о пощаде!

– Пощада? – хохотнула Фида, а через мгновение лицо ее исказилось от ярости, – Ни мне, ни человеку, павшему от твоей руки пощады не было!

– Я потерял счет времени, находясь на волоске от смерти! – кричал пришелец, не слушая существо, выкатив глаза, изо рта брызгала слюна. – Эти звери смотрели на меня, как на кусок мяса, скалились и облизывались. Ты хоть представляешь, каково мне было? Но потом они ушли, внезапно ушли, а я все боялся сойти с места, боялся, что волки вернутся и сожрут меня! Они не вернулись, и я поклялся, что отыщу тебя и уничтожу, гадкая тварь! Слышишь? Я уничтожу тебя! Вырву со шкурой твою чешую!

– Ну что ж, – выплюнула Фида, – попробуй!

Венария метнулась в воздухе, устремилась к зеву пещеры, юркнула внутрь, скрывшись во мраке каменной пасти.

– За ней! Ее нельзя упустить!

Чужаки бросились в погоню, у входа в пещеру остановились, замялись.

– Как мы поймаем бестию, Тороп? – вопрос был адресован дровосеку. – В этой норе так темно, что глаза выколи, не понадобятся.

– Сейчас, – Тороп раздраженно сплюнул, извлек из-за пазухи тряпичный мешочек, – вот.

– Что это?

– То, ради чего мы сюда явились.

– Ты же говорил о богатствах, коими можно построить целый град! – возмущенно рявкнул один из соучастников, остальные раздраженно зароптали, поддерживая его.

– И я не врал! У меня чудом уцелела всего одна чешуйка, прилипшая ко дну тряпицы, она обладает чем-то непознанным и сотни таких безделиц положат к нашим ногам все богатства мира! Вот, смотрите!

Дровосек извлек из тряпичного мешочка тонкую блестящую пластинку, растер меж пальцев, приказал:

– Гори!

На ладони незамедлительно вспыхнуло яркое пламя, слепящее, мерцающее, оно танцевало в руке Торопа, не причиняя вреда. Сгрудившиеся вокруг него мужики ахнули, гла-

за их заблестели.

– Вот о чем я говорил! Как только мы завладеем чешуей твари, любое наше желание будет исполнено! – махнув горящей рукой, дровосек воскликнул, – Вперед!

Союзники последовали за ним, переполненные желанием обладать невероятным чудом, способным в корне изменить их жизни. Но чем дальше уходили в лабиринт, тем опаснее становилась ловушка, затеряться в мудреных коридорах по незнанию легко, и выбраться, распутать дорогу по силам лишь венариям, об этом чужаки не подозревали.

– Куда подевалась эта тварь? – скрипнул зубами Тороп, терпение его было на исходе.

– Эта тварь перед тобой! – крикнула Фида, вынырнувшая из темноты, стены отреагировали на вибрацию голоса, дрогнули, из щелей вырвались языки пламени, пространство осветилось сильнее. – И я не одна!

Семеро чужаков обернулись, почувствовав движение за спинами, воззрившись на зависших в воздухе существ, те проскользнули под потолком, преградили обратный путь. Непредвиденному повороту обрадовался лишь дровосек, глаза алчно заблестели, он запусти руку за спину, ища рапсагит, специально купленный для похода за тварью. Оружие, походившее на тонкое колесо, с натянутой тетивой, закрепленной в нескольких местах, придерживающей сотню острых тонких железных стрел, с крючковатым наконечником, небольшого размера, нацелилось на Фиду.

– Ба, какая удача, скорее доставайте мешки, улов будет крупнее, чем я мог предполагать!

– Не будь так уверен, – огрызнулась Фида, метнулась в сторону, ускользнув от стрелы, несущейся ей прямо в сердце.

– Хватайте тварей! Хватайте! – завизжал дровосек, взбешенный бездействием союзников.

Очнувшись от оцепенения, чужаки ринулись в сторону венарий, существа бросились в рассыпную, но одну удалось схватить за ногу, подтащить, крепко зажав стальной хваткой. Та закричала от боли, почувствовав, как мучитель добрался до крыльев, вывихнул, пресекая попытку вырваться, улететь.

– Не убегайте! Защищайте сестру! – крикнула Фида ретировавшимся венариям, бросилась в атаку.

Вцепившись в волосы нападавшему, выламывающему крылья существу, она с силой дернула, потянула. Тот взвыл как раненое животное, выпустил венарию, отмахнулся, потянулся к источнику страданий. Фида отпрянула, вздрогнула, голень обожгла грубая мужская рука. Взгляд метнулся вниз, сердце на мгновение остановилось, дровосек поймал ее, с довольной злорадной ухмылкой торжествуя призрачную победу. Такого она не ожидала. Ярость огненным потоком ворвалась в сознание, пальцы инстинктивно скрючились, показались острые когти.

– Ты заслуживаешь смерти, – прошипела венария, глядя прямо в глаза врага, резко подалась вперед и полоснула его когтями по лицу.

Тороп закричал, боль от царапин оказалась невыносимой, выпустил существо, прижал ладонь к ране, липкая горячая кровь потекла меж растопыренных пальцев. Ноги подкосились, он рухнул на колени, глаза полезли из орбит, кожа на лице почернела, треснула, по шее вытянулись жилы, похожие на темно-синюю паутину, подобно тоненьким ручейкам, распространились по всему телу. Крупинка за крупинкой, частицы плоти отделялись друг от друга, пока материальная оболочка дровосека не обратилась в прах, оставив дух незащищенным. Перед обезумевшей от страха шайкой чужаков предстал полупрозрачный фантом, корчившийся в муках, но и тот очень скоро растворился в пространстве.

Оцепенение, владевшее пришельцами, отступило, они сбились в кучу, осознав мощь противника, считавшегося жертвой, обнажили имеющееся оружие, клинки, острые недлинные ножи, кто-то умудрился подобрать рапсагит почившего Торопа, применить в защиту, надеясь избежать ужасов ада.

Фида расхохоталась, ее позабавила реакция врагов, ставших мишенью, эта роль предназначалась венариям, но судьба распорядилась не в пользу чужаков.

– Спрячьте это жалкое подобие когтей! – крикнула она. – И убирайтесь отсюда подальше! Магия Пещеры Каменного Плодородия предназначена только для венарий. Любого, кто осмелится прийти сюда, ждет смерть!

По щелчку пальцев Фиды, в коридорах лабиринта веду-

щих к выходу зажегся огонь, чужаки бросились наутек, воспользовавшись замешательством остальных существ. Вскоре по миру поползли слухи о тварях, кишащих в одной из пещер каменистого нагорья запада, имеющих золотую чешую, исполняющую желания, но обладающих странной силой, зовущейся магией, испепеляющей тело, растворяющей дух одной царапиной жутких когтей.

Повествования, окутанные тайной, проносились сквозь века, передаваясь из уст в уста. Но чем больше времени утекало, тем меньше страху нагоняли сказания о силе венарий, а любопытство подталкивало глупцов и смельчаков к действию. Кому же не хочется завладеть золотой чешуей, если таковая существует, чудом, способным даровать власть над всем миром.

Пришло время, Пещера Каменного Плодородия обнаружилась, начались набеги, венарии оказались вынужденными сражаться с варварами, жаждущими овладеть чудотворной золотой чешуей. Враги умирали, гибли и существа, редко, но этого хватило, и магия просочилась во внешний мир. Подобного не должно было произойти, роковую ошибку способную повергнуть в хаос абсолютно все, чего могла коснуться магия неверных, надлежало исправить.

День суда был определен, под покровом ночи венарии покинули обитель, смертной тенью пронестись по земле, отбирая жизни тех, кому удалось заполучить хоть одну золотую чешуйку.

Одной ночи оказалось недостаточно, пережидая дни в укромных местах, венарии снова и снова тайно отправлялись на охоту. Постепенно нараставшее любопытство заставляло существ прятаться ближе к людям, под крышей, в темных уголках комнат, изучать их. Они непринужденно наблюдали за человеческим поведением, повадками, узнавали о пристрастиях, нередко вызывавших недоумение, иногда одобрение, желание попробовать, повторить. Объятия, ласки, нежность, они никогда подобного не знали, никто кроме Фиды.

Охота кончилась, магия, по мнению венарий, оказалась в безопасности, необходимость вернуться в родовую обитель нельзя было игнорировать. Но Фида не могла последовать за сестрами, жизнь в каменном лабиринте казалась невыносимой после невероятных открытий, сделанных за последнее время. И чудеснейшее среди прочего – книги.

Часто прятавшись в замках, она часами любила наблюдать за читающими людьми, водившими пальцами по незнакомым узорчатым пятнам на белых тонких листьях. Неоднозначная реакция чтецов ее забавляла, те хмурились, улыбались, напряженно вздыхали, перебирая в уме неслучайные мысли. Ей не терпелось узнать, что же владело тем или иным человеком, держащим в руках необычный предмет, называющийся книгой. Но кто мог обучить существо читать? Пришлось воспользоваться магией.

Жажда знаний, проснувшаяся в венарии, стоило ей изу-

чить первую книгу, оказалась неуемной. Интерес вызывали без исключений все учения, она поглощала их с невероятной скоростью, обустраиваясь в библиотеках замков богатых вельмож. Но источники быстро иссякали, приходилось искать новые места, полные непрочитанных томов.

В очередном замке, облюбованном венарией, размещалась библиотека внушительных размеров, хранившая на полках тысячи экземпляров разносторонних книг. Владелец бесценного богатства не слишком часто посещал комнату знаний, Фиде не приходилось прятаться, она беспрепятственно перемещалась от полки к полке, занимаясь любимым делом.

Но в один из дождливых вечеров, огромная дверь библиотеки с шумом распахнулась, помещение заполнили несколько слуг, зажгли множество свечей, растопили камин, а через некоторое время в комнату вошел хозяин, держа за руку маленькую девочку. Подойдя к массивному столу, выделанному из цельного дерева, располагавшемуся в дальнем углу комнаты, он присел в кожаное кресло, усадил малышку на колени, выдвинул верхний ящик стола и извлек крохотную резную шкатулку, покоившуюся на дне.

Фида, притаившись меж книг на верхней полке, с любопытством наблюдала за разворачивающейся картиной.

– Смотри, дочка, – протянул бархатистый мужской голос, – я купил ее специально для тебя.

– Что это? – спросила девочка, нетерпеливо поерзав, на-

блюдая, как отец приподнимает крышечку. Внезапный приступ кашля отвлек ее, ладошки прикрыли рот, пытаясь остановить хрипы, на пальчиках осели капли крови.

– Ну, ну, моя милая, – отец крепче прижал девочку, стараясь унять боль, рвущую сердце, вытер алые пятнышки носовым платком. – Погляди сюда, то, что хранится в шкатулке не простая вещица, видишь? Это золотая чешуйка венарии. Помнишь, я рассказывал тебе о них? Чешуйка обладает неведомой силой, она поможет тебе, исцелит недуг.

Фида оцепенела от ужаса, охота оказалась неудачной, магия осталась во внешнем мире. Недопустимо позволить человеку воспользоваться даром Омниса, острые когти венарии поползли наружу, но лишь один взгляд на больного ребенка, мирно устроившегося в объятиях отца, остудил ярость существа. Расправив крылья, венария спланировала вниз, взгромоздилась на массивный стол, впилась немигающим взглядом в перепуганного хозяина с дочерью. Девочка от неожиданности вскрикнула, новый приступ кашля сдавил легкие, задушил, с хрипом и стоном воздух вырывался из крохотной груди.

– Не тронь мое дитя! – закричал мужчина, прижал малышку, защищая.

– Па-па, – сквозь непрекращающийся кашель, едва вымолвила девочка, губы алели, испачканные кровью, она вытерла их ладошкой, протянула отцу, силясь показать, тяжело вдохнула и обмякла у него на руках.

– Каллида! – крик обезумевшего от страха человека пронесся по комнате, он принялся трясти ребенка, но бледное личико ничего не выражало.

– Она мертва, – прошептала Фида.

– Нет! Нет! Она уснула! Спит! Просто спит! – мужчина прижал дитя к груди, слезы катились по щекам.

– Она мертва, – громче повторила венария, но сострадание уже овладело ее чувствами.

– Что же мне делать? Я опоздал! Эта дрянь мне больше не нужна! – он с яростью швырнул на стол резную шкатулку, крышечка слетела с крохотных петель, высвободив золотую чешуйку. – Откуда ты взялась? Это твоя вина, если б ты не напугала ее, я бы успел! – крикнул он венарии. – Теперь все кончено! Кончено! Моя девочка, доченька моя…

Рыдания поглотили слова, мужчина принялся баюкать дочь, словно та действительно просто спала. Фида молчала, в памяти воскрес образ Урсуса, его страдания и сердце существа смягчилось.

– Я верну твое дитя к жизни, – необдуманно сказала венария, – но с одним условием.

Убитый горем отец встрепенулся, с надеждой выдохнул:

– Любое условие! Я выполню все, что пожелаешь!

– Лишь дочь твоя проснется от мертвого сна, я заберу ее с собой.

– Нет! Это немыслимо!

– Решай…

– Но куда? Куда ты ее заберешь?

– Туда, где никто не узнает, что она вернулась из мира теней посредством магии. В безопасное место, сокрытое от любопытных глаз. Дитя будет расти во здравии и покое, но вдали от человеческой глупости. Решай же!

– Выведи ее к свету, – прошептал мужчина, погладил крохотную головку дочери, выбора не оставалось, – верни к жизни.

Венария исполнила обещание, и как только девочка очнулась от мертвого сна, обе исчезли, не услышав клятвы отца, разыскать дитя, не смотря на предупреждения неведомой твари.

Пещера плохое место для пятилетнего ребенка, но девочка не роптала, смиренно принимая волю судьбы. Мир теней притупил память о прошлом, обрывки дней до гибели всплывали несвязными картинками. Она часто бродила по коридорам лабиринта в темноте, четко различая путь, стараясь объединить видения, увы, тщетно.

Фида восхищалась умением детеныша человека, к тому же кроха оказалась на удивление смышленой, а вот сестры негодовали. На возврат души из земель мертвых был наложен строгий запрет, его нарушили, и к прочему, свидетельство маячило перед глазами, в родовом гнезде, подобное недопустимо.

Но что сделано, то сделано, ребенок невинен, постепенно сестры смирились с присутствием девочки, тщательно обе-

регали тайну, наблюдали, боясь лишь одного, земля мертвых могла оставить отпечаток в душе Каллиды, способный постепенно совратить чистый дух.

Время неуклонно стремилось вперед, девочка росла, Фида обучала ее знаниям, что успела почерпнуть из книг. По началу дитя с трепетом относилась к венарии, покладисто следовало требованиям наставницы, проявляла уважение. Но чем старше она становилась, тем заметнее менялся характер, очевиднее проявлялось хладнокровие, расчетливость, не редко она раздражалась по мелочам, проявляла не свойственную ранее агрессию, хитрила, насмехалась. Ей становилось труднее уживаться в темной, холодной пещере, та была слишком мала для нее, и лишь минула одиннадцатая зима, с того момента, как Фида вернула ее из мира теней, Каллида покинула Пещеру Каменного Плодородия, унося в неизвестность знания существ о мире и одну крохотную, хитро украденную, золотую чешуйку.

Магической пыльцой беглянка воспользовалась по уму, вобрав, пусть малую, долю чар в себя, она принялась старательно развивать колдовские способности. Первое время ей с трудом удавалось подчинить магию, но упорство помогало приобретать навыки, шлифовать их, доводить до совершенства. Спустя год она с легкостью могла заворожить человека, заставить исполнить любую прихоть, ей подчинялись стихии, огонь пылал и затухал по щелчку пальцев, ветер проносился ураганом по направлению перста.

Могущество Каллиды росло, появлялись последователи, становившиеся ее рабами по собственной воле. Но и этого было колдунье мало. Она жаждала власти, полной и безграничной.

Власть строиться на завоеваниях, это Каллида усвоила лучше всякого, она давно слышала о Далие, богатом, красивейшем граде, заслуживающим внимания, решение возвести там первую крепость, набраться сил, показалось ей наилучшим выбором.

Град принял колдунью с открытыми объятьями, не ведая, что последует за прибытием странной гостьи. Та, углубляясь в улицы, замечала немало мест, казавшиеся знакомыми, словно мозаика, картинки из прошлого всплывали в затуманенной памяти, прорисовывая события давно минувших дней. Внезапная вспышка памяти молнией озарила сознание, она вспомнила, Далий град ее детства, здесь родилась, росла… умерла!

Ярость пронзила сердце девушки, породила желание отыскать отца, призвать к ответу.

Без труда Каллида отыскала дорогу к родительскому замку, беспрепятственно проникла внутрь, шаг за шагом гнев ее нарастал, требовал выхода.

Старый хозяин расположился в библиотеке, разбирал скопившиеся бумаги, массивные двери, протяжно скрипнув петлями, с грохотом распахнулись, ударились о стены, несколько книг рухнули с полки, напугав мужчину. Взгляд

его метнулся к хрупкой фигуре девушки, стоявшей в дверном проеме, лицо было искажено яростью, брови сведены на переносице, губы плотно сжаты, он не узнал ее.

– Кто ты, дитя? – голос хозяина дрожал, сердце колотилось с немыслимой скоростью, странное предчувствие спирало грудь. – Зачем пришла? Чего хочешь?

– Хочу узнать, – прошипела колдунья, – каково жить со спокойной совестью, зная, что родная дочь прозябает в мерзкой холодной пещере, кишащей тварями, способными испепелить тело, изгнать дух одной лишь царапиной острого когтя? Каково это позабыть собственного ребенка и продолжать наслаждаться роскошью?

– Каллида?! – изумленно прохрипел отец, разглядев знакомые черты, вспомнив, медленно поднялся из-за стола. – Доченька, ты ли это?!

– Узнал, наконец.

– Девочка моя! – слезы заблестели в глазах мужчины. – Малышка моя, как же долго я тебя искал, с тех пор, как венария забрала тебя, мою милую кроху, не прошло ни одного дня без поисков!

– Пф, искал, говоришь? – выплюнула колдунья, гнев не угас, усилился, – Плохо искал! Мне не нужны никчемные оправдания. И раз уж я, наследница, здесь, то и ты мне больше не нужен.

Тонкая рука с растопыренными пальцами метнулась вперед, дрогнула, медленно сжалась в кулак, словно пытаясь

раздавить невидимую букашку. Отец схватился за горло, букашкой оказалась его шея, дыхание перехватило, захрипел, неосознанно попытался нащупать пальцы душившего, тщетно, еще мгновение, глаза закатились, губы посинели и родитель, долгие годы мечтавший о встрече с любимой дочерью, покинул мир живых, убитый собственным ребенком.

Каллида удовлетворенно хмыкнула, бросив холодный взгляд на распростертый на полу труп, ни сожаления, ни раскаяния она не чувствовала, смерть позабавила ее, безразлично отвернувшись от дела собственных рук, вышла в коридор. С этой минуты Далий принадлежал ей. Вскоре весь мир должен был пасть к ногам колдуньи, но существовала опасность, венарии, владеющие более могущественной силой, способные помешать задуманным планам. Тварей необходимо было уничтожить. Просто от существ не избавиться, в серьезном деле необходима серьезная тактика, Каллида решила схитрить. Она подластится к венариям, умаслит их, усыпит бдительность, заставит поверить, что опасности нет, ни что не угрожает их мирной жизни, а затем нанесет смертельный удар.

По ее приказу, горожане собрали множество золотых изделий: монеты, посуду, украшения. Погрузили драгоценности в запряженную двумя вороными жеребцами повозку, Каллида разместилась на козлах, раздался хлесткий звук кнута о спины животных, возбужденное ржание, цокот копыт. Долгая дорога в одиночестве и прежде не пугала колду-

нью, спутники в задуманном деле были бы ей лишь помехой.

Венарии настороженно встретили беглянку, ее наигранное дружелюбие смущало их, ранее угрюмая, нелюдимая девушка, коей та запомнилась, нынче щебетала без умолку. Сладкие речи лились из улыбчивых уст, просьбы о прощении за бегство, рассказы о мире, красотах, знаниях не прекращали поток. Существа польстились на хитрые речи Каллиды, приняли драгоценные подношения, разрешив девушке остаться в пещере всего на одну ночь. Этого было недостаточно, но пришлось довольствоваться малым. Стараясь не вызвать подозрений, колдунья незаметно умыкнула еще одну чешуйку, и на утро покинула Пещеру Каменного Плодородия, прежде испросив разрешения вновь погостить у венарий, если окажется в здешних краях.

Магия украденной золотой чешуйки усилила возможности колдуньи, власть стала понемногу перетекать в ее руки. Она создала армию, разрушила небольшие города, селения, ее приспешники грабили, убивали, силой вынуждали поклоняться жрице Далия. Небольшие доли кровавого золота Каллида отвозила венариям, зачастив с посещениями в пещеру тварей. Лучезарно улыбаясь, она ссылалась на родного отца, богатейшего человека, волей случая, встретившегося ей на пути, тайну ее спасения тот хранил, как и прежде, но не мог остаться неблагодарным. Бдительность венарий была усыплена, даже Фида не чувствовала надвигающейся беды, поверив лживым россказням бывшей подопечной.

Пришла осень, холодный дождь поливал размокшую землю, Каллида появилась возле Пещеры Каменного Плодородия с очередным визитом в грязном, вымокшем плаще, спутанными волосами, прилипшими тонкими прядями к испачканному лицу.

– Моя повозка застряла, отец наложил в нее слишком много даров, к тому же пара корзин от тряски перевернулись, дары просыпались, если всем вместе отправиться туда, мы сможем в один заход все перенести в пещеру.

Любопытство венарий, привыкших к блестящим подношениям девушки, красиво озарявшим пещеру золотым сиянием при свете настенных огоньков, подтолкнуло выбраться из родового гнезда в ненастную погоду, чтобы посмотреть, что же на этот раз будет среди драгоценных безделушек. Только Фида почувствовала легкий укол тревоги, но последовала за сестрами. Каллида тихо ликовала, все шло по задуманному плану.

До места застрявшей повозки венарии добрались быстро, но та оказалась пуста, не прекращающийся дождь падал с набрякших влагой серых небес, барабаня по голым доскам, запряженная пара вымокших, перепачканных грязью лошадей, мотала головами, била передними копытами, разбрызгивая черную жижу.

– Что это значит? – крикнула Фида, оглянулась, сердце ее похолодело от страшной догадки.

Место идеально подходило для атаки, позади камни, го-

ры, пещера, впереди густой лес, они же в середине, на стыке, местность открыта, к прочему идет дождь, крылья промокли насквозь, тяжелая влага падает сверху нескончаемым потоком, тянет к земле.

– Что это значит? – повторила венария, голос срывался, гнев смешался с отчаянием.

Каллида в ответ хохотнула, подняла вверх сжатый кулак, в лесу замелькали тени. Мгновение, из-за деревьев посыпались люди, они быстро надвигались, не смотря на тяжелые стальные доспехи, издававшие неприятное шипящее лязганье при движении. Существа запаниковали, взлететь плохо удавалось, необходимо бежать к пещере, в спасительный лабиринт, но путь к отступлению перекрыли, войны колдуньи зашли с тыла еще до того, как пещера опустела, венарий окружили, выхода не было.

– Уничтожить! – выпалила жрица Далия. – Уничтожить всех! До единой!

Кольцо атакующих сузилось, ловушка захлопнулась, передние ряды зарядили рапсагиты, стрелы слились с дождем, полетели к целям. Не успев увернуться, часть венарий полегла в грязь, сраженная острием тонкой железной смерти. Остальные, перепуганные, сбитые с толку, превозмогая тяжесть набрякших крыльев, ринулись ввысь, ища спасения в небе. Дождь не позволил, прибил к земле, и выход у существ остался только один.

– Поднимайтесь, сестры, – призвала Фида. – Защищай-

тесь! Разите врага!

Крик Фиды послужил сигналом, уворачиваясь от очередного потока стрел, венарии выпустили смертоносные когти, бросились на воинов колдуньи. Шум дождя заглушал крики, стоны, но не скрежет когтей по металлу, хруст разрываемой плоти, казалось, звуки сливаются в единую страшную какофонию смерти, не успевшая пролиться кровь стыла в жилах.

Каллида наблюдала за схваткой со стороны, войны ее слабели, умирали, сраженные ядом венарий. Негодование росло в ней с каждым павшим слугой, так недалеко до поражения, она слишком долго шла к поставленной цели, чтобы сейчас проиграть. Подняв руку к темному небу, жрица Далия призвала мощь колдовской силы, десятки молний по ее приказу заплясали в вышине, сопровождаемые раскатами грома.

– Хватит сопротивляться, – несдерживаемая ярость в голосе колдуньи соответствовала шуму нарастающей бури, – отдайте мне всю вашу магию! Отдайте или смерть ваша станет куда мучительнее!

Взмахнув рукой, она указала на одну из венарий, молния в ту же секунду поразила несчастную в самое сердце, и та упала на землю, извиваясь в предсмертной агонии. Фида бросилась к умирающей сестре, с ужасом воззрившись на зияющую в груди рану.

– За что? – выпалили она, не в силах удержать рвущееся наружу горе.

– Разве не ясно? – Каллида скорчила презрительную ми-

ну. Знаком приказала войнам отступись, медленным шагом направилась к Фиде.

Остальные венарии неподвижно наблюдали, страха не осталось, лишь смятение, ожидание следующего шага предательницы, ранее искусно носившей маску добродетели.

– Бедная маленькая венария, – колдунья склонилась над Фидой, та не отстранилась, достойно встретив порочный взгляд врага, – ты же прекрасно знаешь, почему я так поступаю. Из мира теней нет пути обратно, а если побываешь на земле мертвых, и все же путь домой найдешь, то уж вернешься не тем, кем прежде оставался. Мрак прокрался внутрь, найдя укромное местечко в моей душе и с каждым годом, что я росла, глубже пускал корни и расцветал до тех пор, пока не заполнил собой все имеющееся пространство. Теперь я часть смерти, во мне живет тьма, она требует пищи, а ее самое излюбленное блюдо, чужие жизни. Вот видишь, Фида, ты своими руками создала чудовище, так пожинай плоды своего творения.

– Ты, – горечь опалила сердце венарии, на глазах выступили слезы, – моя самая великая ошибка.

– Напротив, я твое велико творение!

– Ты украла нашу магию!

– Это правда, ею вас и уничтожу!

– Не спеши, – прошипела Фида. – Как жаль, что я не в силах убить тебя, но кое-что я могу…

– Что же? – ирония в голосе колдуньи придала уверенно-

сти венарии.

– Ты больше не получишь и крупицы нашей магии, путь к Пещере Каменного Плодородия отныне для тебя навсегда закрыт.

Молниеносно перевернув труп сестры, Фида выпустила когти, содрала пучок золотой чешую вместе с кожей и швырнула мокрую окровавленную массу прямо в лицо Каллиды.

– Прочь отсюда и пусть Высшие рассудят и воздадут тебе по заслугам!

Венария притихла, украдкой взглянула на Дарину, та неподвижно сидела на холодном полу, внимание приковано к повествовавшей.

– С тех пор минуло много столетий, – печальный вздох прошелестел меж каменных стен, – Каллида предпринимала тысячи попыток отыскать путь обратно, мне это известно, но магию чешуи не сломить, ни она, ни те, кто ей служит, никогда не отыщут пути сюда. Нас с сестрами осталось слишком мало, чтобы рисковать, пещеру мы редко покидаем. Магия расползлась по миру, не смотря на усилия сохранить ее в тайне, что теперь горевать.

– А как же Омнис? – спросила девушка. – Почему тогда он не помог вам?

– Он дал нам возможность защищаться и защищать магию, мы сами виноваты в случившемся…

– Он же вас создал!

Венария бросила на девушку косой ироничный взгляд, оттолкнулась от горки золотых монет, разлетевшихся по каменному полу с характерным звоном, блеснув в свете настенных огоньков, подлетела к пленнице, уселась рядом.

– Что с того? – хмыкнула она, склонила голову набок. – Многие ли оберегают свои творения? Урсус отдал жизнь за меня, но собственное дитя не уберег.

– Он хотя бы желал этого, – с грустью сказала Дарина, вспомнив отца.

– Ну да ладно, – вздохнула Фида, – прошлое не воротишь, а жалости мне не надо, в мире хватает лжи, грязи и предательства, этого не изменить, но и хорошего в нем достаточно, уж я-то научилась распознавать всякое. Душа твоя чиста, вижу, посему дам то, зачем пришла.

Запустив руку за спину, венария соскребла золотую чешуйку, протянула Дарине.

– Держи, но обещай, что мне не придется вновь пожалеть о своем поступке.

– Обещаю.

Чешуйка невесомым перышком легла на ладонь избранницы, она облегченно вздохнула и тут же насторожилась, свободной рукой потянулась к мешочку на шее, дар лешего заметно потяжелел, причиняя неудобство.

– Что это? – венария заметила странный предмет.

– Дар лесного духа…

Отдаленный глухой звук, походивший на грозу, разыграв-

шуюся в коробке, оборвал фразу Дарины. Видимо Князь находился где-то поблизости. Фида скривила недовольную гримасу, поднялась, натянуто пропыхтела:

– Наглый колдун! Вот, правда, пустоголовый, наглый колдун! Вставай, девочка, пора усмирить этого безобразника!

В глубине лабиринта Константин отражал атаки возбужденных вторжением существ. Венарии окружили чужаков, колдуну с трудом удавалось сдерживать натиск, выставив защитный магический щит. Он знал, что твари будут защищать родовую обитель агрессивно, но сил у него достаточно, чтобы отразить нападки врага, добиться поставленной цели. Князь пристально следил за маневрами нападающих, усиливая защитные места, принимавшие наиболее яростные удары, отчего рождался грохот, разлетавшийся по извилистым коридорам пещеры, забиваясь в дальние щели.

– Как долго мы продержимся? – голос Приморица звенел от напряжения, на кончиках пальцев искрились синие молнии, готовые в любую секунду поразить любую выбранную цель.

– Столько сколько понадобится, – спокойствие в голосе Константина обнадеживало.

– Почему не атакуем? Одного броска будет достаточно, твари отступят, а мы упростим себе задачу.

– Никаких атак, – обрубил Князь, – Разве не видишь, силы их покидают, еще немного и венарии разлетятся в стороны,

надеясь на пещеру, что та поглотит нас.

Приморис спорить не стал, но молнии продолжили плясать на его пальцах, если колдуну будет угрожать серьезная опасность, дух-защитник воспользуется магией, не смотря на запрет.

– Стойте! Прекратите безумствовать! – внезапно появившаяся из темноты Фида, привлекла всеобщее внимание, за ней следовала девушка.

В замершей обстановке повисла тишина, слышалось лишь фырканье потрескивание огня, выбивавшегося из каменных стен. Фида вихрем пронеслась меж сестер, остановилась перед Константином, глянула исподтишка, на губах заиграла насмешливая улыбка.

– Ты что, колдун, совсем разум утратил? Думаешь защититься вот этим? – фыркнула венария, ткнула пальцем в поблескивающее магическое сплетение.

– Как видишь, мне это неплохо удается, – в голосе Князя чувствовалось напряжение, но внешне он выглядел спокойным. – Признаюсь, мне это изрядно наскучило, не пора ли перейти в наступление?

Взгляд Фиды метнулся к духам-защитникам, стоявшим позади Константина, их пальцы окутывали искрящиеся синие молнии, признак готовности к атаке. Венария не знала полной мощи подобных атакующих заклинаний, но чутье подсказывало, что одного выпада будет достаточно, чтобы отнять жизнь. Странная мысль втиснулась ей в голову. А ведь

колдун мог убить сестер, и не тронул ни одну, терпеливо сносил их нападки.

– Да будет тебе, – настроение ее резко переменилось, стало игривым, улыбка растянула пухлые губы, – Зачем в наступление? Может, помиримся?

– Что так? – Князь оставался на стороже, если тварь хитрит, нельзя попасться в ловушку.

Что-то знакомое мелькнуло невдалеке, он поднял голову, сердце замерло в страхе, на лбу выступил холодный пот. Сквозь толпу ядовитых существ, неподвижно наблюдавших за сестрой, аккуратно пробиралась Дарина. Одно неверное движение, толчок и твари оцарапают ее.

Девушка напротив, казалось, опасности не чувствовала, уверенно шагала вперед, венарии не трогали ее, даже не реагировали. Константин напряженно следил за передвижением избранницы, ровная походка, спокойствие, и вдруг споткнулась, покачнулась, подалась вперед, с трудом устояв на ногах. Колдун дернулся, концентрация на защите оборвалась, и та рассыпалась миллионами сверкающих блесток.

– Осторожнее! – крикнул он, выдав тревогу.

Дарина замерла.

– Ох уж эти человеческие чувства… – пропыхтела Фида, иронично закатив глаза, громче добавила, – Иди, иди сюда, девочка, да не бойся.

– Что ты задумала? – в голосе Константина слышалась угроза, обращаясь к существу, он не сводил глаз с избранни-

цы, продолжившей путь.

– Мы не так глупы, как считаете вы, надменные людишки. Сестры не тронут твою драгоценную деву, колдун, я им не позволю, а тебе не позволю причинить вред венариям. К тому же, я знаю, что ты больше не служишь Каллиде…

Имя жрица Даллия резануло слух Князя, поморщился от неприятного ощущения.

– Не так ли? – спросила Фида.

– Ты прекрасно осведомлена для той, что живет в глухой пещере.

– На твое счастье, – фыркнула венария.

– Ты права, я давно не служу… Каллиде.

– А еще, – существо понизило голос, быстро взглянула на Дарину, почти добравшуюся до места, – а еще у девочки уникальная чистая энергия, способная развеять самый густой мрак, и ты это прекрасно знаешь, колдун, поэтому привел ее сюда, верно? Погляди, мои сестры чуют ее, они спокойно пропускают незнакомку пройти меж ними, не реагируют, я впервые вижу такое. Время обучило нас читать суть человеческой натуры по аурам, твоя аура перепачкана, колдун, вываляна в грязи прошлых поступков, но ты не безнадежен. Эта девочка твое спасение, верно?

– Верно, – тихо ответил Константин, ему не нравились рассуждения венарии, но не признать ее правоту он не мог.

– Что ж, радуйся, колдун, – крикнула Фида, в этот момент Дарина подступала к Князю, схватила протянутую руку, тот

притянул, крепко прижал к могучей груди. – Твой приход не был напрасным, в твоих руках сейчас все, что тебе нужно. А теперь ступайте, нельзя вам больше здесь оставаться.

Константин понял намек лишь, когда Дарина приоткрыла сжатый кулачок, маленькая золотая чешуйка блеснула на ладони. Он кивнул венарии, развернулся, увлекая за собой избранницу, но та замешкалась, высвободилась, подошла к Фиде и, склонившись, обняла.

– Спасибо, – тихий шепот сорвался с ее уст.

Изумленное существо рассеяно моргнуло, небольшая головка дернулась, лбом уткнулась в хрупкое плечо девушки. Давно утраченная нежность, тронула очерствевшее сердце Фиды, вера в добро снова затеплилась в душе, она отстранилась, улыбнулась теплой ласковой улыбкой.

– Ступай девочка, пора.

Путники вернулись в Амбра Каструм ровно в полночь, о чем возвестили большие деревянные напольные часы в гостиной. Куранты отбили двенадцать раз, затихли, сменив громкий шум на мерное тиканье.

Духи-защитники, взяв под защиту чешуйку венарии, устремились в призрачный Сад Грез, Константин с избранницей остались наедине.

– Минувший день был слишком непредсказуем. Прости, душа моя, что подверг тебя риску. Ты наверняка утомилась, – нежность в голосе Князя обволакивала.

– Нет, – солгала Дарина, не хотелось расставаться с мужчиной, она страстно нуждалась в его близости, защите, объятиях, – разве что от этой неудобной одежды.

– Необходимо избавиться от нее, – слова колдуна внезапно налились тяжестью, слышалась хрипотца, выдававшая растущее возбуждение.

– Прямо здесь?

– Было бы неплохо, – глаза Князя блестели от желания, губы кривила лукавая усмешка, – но, думаю, лучше это сделать в более подходящем месте. Пойдем, я отведу тебя в покои.

Девушка не противилась, радостно вложила тонкие пальчики в большую мужскую ладонь, колдун повел ее по коридору. Предчувствие возможных событий вызывало в ней непроизвольный трепет, сильная, и в то же время, нежная рука, чувственно сжимавшая ее пальцы, напомнила о ласках, страстных прикосновениях Князя, она вздрогнула, отогнала навязчивые мысли.

Дверь неожиданно возникла перед ней, так сильно задумалась, что длинный коридор промелькнул незаметно. Хозяин замка потянул за стальную ручку, пропустил Дарину вперед. Комната приветливо встретила гостей, повсюду горели свечи, окутывая пространство приятным золотистым теплом. Постель аккуратно разобрана, на прикроватном столике предусмотрительно располагался поднос с холодным жареным мясом, сыром, хлебом, фруктами и бутылкой красного

сладкого вина. Над горячей водой в железной кадушке, стоявшей в центре помещения, вздымались клубы белого пара.

– Что же ты, душа моя? – губы Князя почти касались нежного ушка девушки, остановившейся на проходе, дыхание обожгло кожу.

Стараясь унять дрожь, Дарина преодолела оцепенение, помедлила, прошла в комнату, взгляд оставался прикованным к манящей горячей водой в ванной.

– Странно, – произнесла она.

– Что именно?

– Здесь все подготовлено к часу нашего возвращения, к этому часу, словно знали, что мы будем здесь именно сейчас.

– Ты каждый раз удивляешься, душа моя, забывая кто я, – Константин приблизился, став за спиной избранницы, пальцы принялись умело расшнуровывать туго затянутый корсет.

– Колдун, – едва слышно прошептала она.

– Именно, – его горячее дыхание коснулось тонкой шеи Дарины, а затем и губы прильнули к бархатистой коже.

Одурманенная лаской, девушка непроизвольно закрыла глаза, голова склонилась набок, открыв больше пространства для прикосновений, тяжелый вздох, полный истомы, вырвался из высоко вздымающейся груди.

Корсет полетел в сторону, сильные руки легли на тонкую талию, отстранились. Он играл с ней, как кошка с мышью, обошел ее, встал на одно колено, взял за лодыжку, потянул сапог, сидевший на ноге так плотно, что она покачнулась,

едва не плюхнулась на пол, быстро ухватилась за мужское плечо.

– Ох, – невольно вырвалось у Дарины, колдун высвободил вторую ногу, потянулся вверх к шнуровке бриджей.

Умелые пальцы обжигали лаской кожу избранницы даже через ткань одежды. Она не заметила, как осталась полностью нагой, следовала молчаливым приказам хозяина, управлявшим ею прикосновениями.

Князь помог ей забраться в железную кадушку, кусок ароматного мыла в его руке, скользнул по изгибам девичьих плеч к груди, задел розовый сосок, мгновенно отреагировавший, затвердевший, преобразившийся в сочную ягоду. Легкими быстрыми движениями Константин освободился от одежды, забрался в кадушку, притянул девушку к себе, она запрокинула голову, затылок коснулся широкой груди. Мыльные руки продолжили исследовать податливое девичье тело, массировать, расслаблять. Горячее покрывало воды защищало от ночной прохлады, врывавшейся через открытое окно и Дарине захотелось чтобы время остановилось, оставило ей навсегда это мгновение безмятежного, всепоглощающего блаженства.

– Пусть это длится вечно, – прошептала она.

Но Константин прервал ее грезы, отстранился, встал, выбрался из кадушки. Махра полотенца впитала влагу на его коже, поманил избранницу, та нехотя повиновалась. Он подхватил ее на руки, укутав в пушистую мягкую ткань, усадил

на постель, поставил рядом поднос с едой.

– Поешь, восстанови силы.

Не дожидаясь ни протестов, ни согласия, колдун отломил кусочек сыра, поднес к губам избранницы. Та зачарованно наблюдала за его движениями, медленно открыла рот, позволив сырному ломтику соскользнуть с пальцев Князя, упасть ей на язык.

– Еще, – тихо попросила она, удивленная собственной смелостью.

Константин протянул руку над тарелкой с холодным мясом, оно заскворчало, словно на раскаленной сковороде, пьянящий аромат коснулся ноздрей, дразня, рот наполнился слюной.

– Ты никогда не перестанешь меня удивлять, – сказала Дарина, принимая от колдуна кусочек жареного лакомства.

Ели они в тишине, прислушиваясь к треску горящих свечей, мерному свисту ветра, гулявшему в ночи за окном, их не смущала нагота, не беспокоил завтрашний день, только сегодня, только сейчас имело значение.

Князь отставил полупустой бокал, потянулся к избраннице, привлек к себе. Она почувствовала, как гулко бьется его сердце, замерла, ожидая дальнейших действий. Он не торопился, гладил ее по волосам, перебирая в пальцах золотые пряди.

– Пусть это длится вечно, – тихо, почти не слышно, произнесла девушка, теснее прижавшись к груди Князя.

Странная тяжесть потянула ее за шею, отвлекла. Дарина слегка отстранилась, потерла кожу под натянувшейся веревочкой, подаренный лешим мешочек, качнулся, причинил неудобство, поерзала, оттянула «удавку».

– Что тебя беспокоит? – спросил Константин, чувствуя, как напряглась избранница.

– Мешочек, – она снова потянула за веревочку, натянувшуюся еще сильнее, – он потяжелел.

– Как сильно? – колдун выглядел обеспокоенным.

– Еще в пещере я ощутила легкую тяжесть, но сейчас… немного и он меня задушит.

– Снимай, скорее!

Дарина пыталась, но небольшой с виду мешочек весил целый пуд, неуклонно тянул за шею, веревкой царапая кожу.

– Склонись ближе, я помогу.

Князь тронул «удавку», отдернул руку, касание высекло мелкие искры, плохой знак. Но это его не остановило, колдун схватил мошну, резко дернул, веревка натянулась, лопнула, дар лешего шлепнулся на пол.

– Пусть лежит, – предупредил Константин, остановил руку избранницы, готовую потянуться к мешочку.

– Леший об этом что-то говорил. Но почему?

– Время пришло.

– Время для чего?

– Для этого, – солгал Князь, потянул Дарину на себя и жадно припал к ее губам.

Одна рука его легла на затылок, бережно придержала откинувшуюся назад голову, другая ласково погладила плечо, спину, потянулась к шее, пальцы скользнули по багровой полосе на коже, след от «удавки». Девушка вздрогнула, почувствовав боль. Губы колдуна потянулись к отметинам, язык коснулся царапин, оставил влажную дорожку.

– Если бы ты только знала, – прошептал он, внутренняя борьба, тщательно скрытая от посторонних глаз, не давала покоя, чем ближе подступал назначенный срок спланированных событий, тем сложнее приходилось не менять решимость действовать.

– Я знаю, – отозвалась избранница, Константин напрягся, – знаю, что люблю тебя, этого мне достаточно.

Тихие слова признания для Князя прогремели подобно барабанному кармагалу, сердце сжалось, и все что он мог сделать для нее в данный момент, вновь поцеловать. Он бережно уложил ее, не размыкая уст, рука обласкала груди, живот, бедра. Девушка плавилась под неустанными ласками, подобно разбитым кусочкам льда, тающим под теплыми весенними лучами. Мир искрился радужными переливами, все смешалось, страсть, нежность, благоговение, наслаждение. Обнаженные тела слились в единое существо, порожденное желанием, повинуясь естественности, той, что в любом из миров дарует жизнь.

Ночь таяла, блики рассвета на горизонте предвещали близость нового дня. Дарина крепко спала в объятиях колдуна,

хмурого от собственных мыслей. Он тесно прижимал хрупкое создание, зная, что пришло время отпустить, дать возможность событиям продолжаться, идти согласно намеченному плану, должен отправить избранницу в другой мир, туда, откуда привел ее, сослать в Великий Новгород.

Князь тяжело вздохнул, иного выбора нет, на кон поставлена не одна жизнь. С трудом расцепив объятия, подвинулся к краю постели, взгляд упал на юное лицо, прелестное, спокойное, на устах играет едва уловимая улыбка, щеки алеют, ресницы подрагивают. Картина резанула по сердцу ржавым лезвием совести, но отступать Константин не собирался. Рука его поднялась, зависла над девушкой, заклинание повисло в воздухе едва разборчивым шепотом. Через мгновение все стихло, а от избранницы осталось тепло на измятой простыне и шелест мерного дыхания в памяти.

Мрачнее грозовой тучи в разгар бури, колдун продолжал смотреть на место, где только что лежала Дарина. В висках пульсировала боль, он сжал голову ладонями, усилив страдания. Так ему и надо! Девушке предстоит не легкое испытание, и он тому виной!

Глава 12

С улицы доносились знакомые шум, гомон, топот. Дарина поморщилась, перевернуться на другой бок, сильнее зажмурилась. Как же не хочется просыпаться, волшебная ночь еще свежа в памяти, сонные мысли утекают к деталям, так сладко.

Назойливые крики не смолкали, настойчиво вытягивая девушку из дремы, безмятежность принялась таять, она ощутила нарастающую тревогу, распахнула глаза, растерянно уставилась в пространство затуманенным взором. Господи, что это? В момент подскочила, голова повернулась в одну, другую сторону, ледяной озноб пробежал по позвоночнику, на лбу и верхней губе выступили капельки пота. Она узнала место, жилище Гордея, стены, обстановку.

– Не может быть! – хриплый шепот вырвался из пересохшего горла девушки, с трудом признавшей, что она вернулась под крышу палача в Великий Новгород.

Входная дверь отворилась, пронзительно скрипнув петлями, Дарина подпрыгнула на месте. Она устремила взгляд на вошедшего мужчину и едва не лишилась чувств. На пороге стоял Гордей, вперив в нее изумленный взгляд, тяжелый мешок выскользнул из его рук, послышался глухой удар при падении.

– Воротилась?! – громыхнул он, сомнения спирали широ-

кую грудь, невеста не раз являлась ему в грезах, давала надежду и внезапно исчезала, стоило поверить в ее реальность.

Сердце Дарины сжалось в страхе, Гордей двинулся на нее. Не думая, она сорвалась с места, быстро попятилась, глаза неотрывно следили за действиями мужика, споткнулась, остановилась, принялась испуганно озираться по сторонам.

– Ну уж нет, – осклабился палач, – не знаю, что за нелегкая тебя воротила, но боле не сбежишь.

Он преградил путь к двери, предугадав мысли девушки, шагнул ближе, загоняя ее в угол, словно охотник нерадивого зверька. Дарина охнула, рука легла на грудь, сердце вот-вот выпрыгнет, снова попятилась. Что-то твердое уперлось ей в спину, стена, туманная пелена заволокла взор, это тупик. Надо бежать. Но куда? Зачем? Не имеет значение, страх слишком велик, чтобы подчиняться доводам разума.

Голова Дарины поникла, глаза защипали слезы отчаяния, она увидела подол до боли знакомого старого сарафана, ее сарафана, ни мягких изгибов, ни пышных складок, ни расшитых цветами юбок, лишь выцветшая, поношенная грубоватая льняная ткань. Все верно, колдун воротил ее в Великий Новгород, как обещалось. Но почему сейчас? Почему не сказал, не предупредил, не научил защищаться? Все это ошибка! Глупая, нелепая ошибка! Она же ничему не успела обучиться, не знает и заклинания!

Комната поплыла перед глазами. Если она не знает заклинания, помощи от нее Темному Князю не дождаться, он в

опасности. Страх за жизнь Константина пересилил отчаяние, Дарина подхватила подол сарафана, прыгнула на Гордея, надеясь сбить с ног, желанная дверь к выходу показалась ближе.

– Стой, дуреха! – заревел тот, шире расставляя руки, подобно тому, как раскидывает рыбак сети.

Дарина ударилась о палача, как о каменную глыбу, охнув от боли и неожиданности, поняла, что сама загнала себя в ловушку, крепкие, грубые руки сжали ее предплечья, она попалась словно мотылек в липкую узорчатую паутину хищника. Но борьба на этом не кончилась. Девушка принялась брыкаться, лягаться, стараясь вырваться из цепких объятий, отвращение смешалось с яростным желанием воли, подстегивало, давало сил.

– Да ты никак взбесилась! – зарычал палач, крепче стискивая стальные объятия.

– Пусти, – задыхаясь, пропищала неудавшаяся невеста, еще чуток сожми мужик ручищи и у нее захрустят косточки.

– Нет, Даринка, ты моя, слышишь, моя!

Темные пятна замелькали перед глазами Дарины, кровь отлила от лица, губы посинели, затряслись, тело обмякло, разум погрузился во мрак, не в силах принять очевидный факт, палач прав, она в его полной власти.

В бессознательном состоянии девушка пробыла почти двое суток. Гордей уложил ее в свою постель, состояние невесты тревожило его, еще никто, никогда не вызывал в

черством сердце подобных чувств. Он усердно следил за ее состоянием, прислушивался к тихому дыханию, наблюдал, вглядывался в бледное осунувшееся лицо, ловил малейшее подрагивание ресниц, в надежде увидеть, как разомкнутся девичьи веки и лазуревые глаза посмотрят на него не с ненавистью, но хотя бы без страха.

В день повторного исчезновения невесты, палач обошел Великий Новгород вдоль и поперек, обрыскал окрестности, даже к Угриму наведался по-тихому, старательно оставаясь незамеченным, чтоб ненароком девку не спугнуть, если отыщет, но усилия были тщетны, та словно в воду канула, надежда постепенно угасла, и он оставил всякие попытки отыскать беглянку. Посему, воротившись домой и, обнаружив пропажу после долгого отсутствия, ставшую краше, желаннее, Гордей буквально ополоумел от радости, изумления и гнева. Несколько мгновений он не мог признать реальности видения, Дарина чудилась очередным прекрасным наваждением, понадобилось немного времени, чтобы признать реальность виденного. Само небо вернуло ему суженную, вернуло невесту палачу, теперь он глаз не спустит со строптивой девки. Отныне и навечно она принадлежит лишь ему.

Тихий стон вырвал Гордея из раздумий. Он быстро соскочил с соседней кушетки. вытянул шею, став похожим гуся, заглянул в бледное лицо Дарины. Густые золотистые ресницы, отбрасывали тени на щеки, легонько затрепетали, глаза распахнулись.

– Проснулась, – облегченно прошептал палач, добавил громче, – чего ж ты так душу то мою изводишь? Убежала сперва, невесть где пропадала, невзначай воротилась. Мы ж венчаться должны были, а ты воно как поступила. Эх, дуреха ты дуреха, Даринка, разве не видишь, люба ты мне, ох как люба.

Девушка молчала, отказывалась верить в реальность происходящего. Сейчас она немного полежит, закроет глаза, снова откроет, а перед ней покои Амбра Каструм и улыбающееся лицо Константина. Она крепко зажмурилась, поморгала, увы, палач и все вокруг реально. Мелкая дрожь покатила по телу, набежали слезы, крохотный хрусталик упал на подушку. Сквозь влажную пелену посмотрела на Гордея, он терпеливо наблюдал, не прикасался, не бранил, качал головой, хмурился, неразборчиво бурчал под нос накопившиеся обиды. Палач не выглядел зверем, как раньше, пугавшим, заставлявшим бежать без оглядки, спасаться. У Дарины отлегло от сердца, угрозы она не чувствовала, прислушалась к неразборчивому бормотанию мужика.

– Пообещай, – пыхтел тот, – пообещай, Даринка, что не убежишь боле, не спрячешься от меня. Мы повенчаемся, детишками обзаведемся…

Девушка едва не вскрикнула, слишком рано она успокоилась, Гордей не отступился от старого. Что же делать? Что сказать? Дать обещание и не исполнить нельзя. Ответить отказом, изобьет до смерти, покалечит.

– Не молчи, пообещай, – страдальчески простонал палач.

Дарина тяжело вздохнула, нет сил принимать решения, пусть думает, что хочет, а сердце вот-вот остановится от навалившейся тоски и тревоги, она прикрыла налитые свинцом веки.

– Полно, Даринка, полно, – разволновался мужик, подался вперед, схватил в лапищи маленькую ледяную ладошку невесты, – не буду боле липнуть к тебе. Ты полежи, отдохни, а я ягод для тебя раздобуду, съешь их, повеселеешь.

Гордей встал, нехотя отпустил безвольную девичью руку, бросил последний взгляд на невесту с бледным лицом покойницы, скрылся за дверью. Уход палача принес облегчение, но не ослабил боли, камнем повисшей на сердце девушки, душа ее стонала, металась в агонии, распирая грудь, мысли не давали покоя. Чем больше она рассуждала, тем увесистее становился камень, тянувший, усиливающий страдания.

Дарина не прекращала плакать, глаза опухли, покраснели, подушка вымокла. Гордей вернулся с обещанными ягодами, и вид невесты напугал его сильнее прежнего. Он приблизился к кровати, тихонечко поставил корзинку на пол, шепотом позвал ее по имени. Девушка не отреагировала. Не зная, как поступить, палач сел на край постели, потянулся и положил руку ей на живот, на этот раз реакция последовала незамедлительно, юное тело напряглось, сжалось, сконфуженный взгляд, полный ужаса упал на распластанную ладонь.

– Не надо, – дрожащим от страха голосом прошептала она.

Мужик отдернул руку.

– Даринка, чего ты, я же просто, без умысла какого, то раньше…

Он запнулся, не зная, как выразить словами то, что, наконец, раскаялся за совершенные прежде поступки, что-то невнятно промямлил, мысли в голове кружились, но фразы не складывались. Насупился, махнул рукой, подтянул корзинку.

– Ладно, – в голосе мужика слышалось напряжение, – что было, то прошло. На ка вот, лучше ягод пожуй, сладкие.

Гордей захватил в жменю лакомство, протянул невесте, тонкий, дразнящий аромат приятно пощекотал ноздри. Палач добр, но милость его соперничает с гневливостью, судьбу лучше не испытывать, не доводить до греха, Дарина знала, чем обернется неповиновение, приподнялась на постели, робко взяла пару ягод рано созревшей земляники, положила в рот, разжевала, не чувствуя вкуса, с трудом проглотила.

– Так-то лучше, – похвалил мужик, довольный маленькой победой.

С этого момента жизнь Дарины потекла обычной бессмысленной чередой событий. Гордей переменил к ней отношение, ухаживал, ограждал от тяжелой работы, не прикасался, и пока не упоминал о венчании. Но душевная тоска не отступала, усиливалась, день и ночь Темный Князь грезился ей, приходил во снах, прижимал к могучей груди, шеп-

тал ласковые слова утешения. На утро девушка просыпалась разбитой, обессиленной, полной тревоги, ей не с кем было поделиться горем. Она мало ела, почти не выходила из дому, молчала, изредка отвечая на несущественные вопросы палача, улыбка не касалась ее губ, глаза потускнели. Незаметно минуты перетекали в часы, часы в дни, а дни в недели, она сильно исхудала, осунулась, казалось, еще немного и от нее останется лишь тень.

Гордей сходил с ума, наблюдая за девушкой, он не понимал, не видел причин мрачному состоянию, она рядом, но ускользает, страх потерять невесту снова рос, усиливался, появилась необходимость принять серьезные меры.

Утро выдалось солнечным, свежим, палач рано проснулся, запряг лошадь в двухколесную телегу, разбудил невесту, приказал одеваться и выходить на улицу.

– Зачем? – сонно промямлила Дарина.

– Поедем отца твоего повидаем, а после на базар…

– Отца?

– Его самого, – кивнул палач, насупился. – Чего? Не желаешь?

Ответ застрял в горле, девушка послушно встала с койки, принялась одеваться.

– То-то же, – пробубнил мужик, вышел на улицу.

Он не мог стерпеть вида ее тела, прикрытого тканью ночной сорочки, сводившего с ума. Помнил вкус пухлых губ, прикосновения к нежной коже, тепло, исходившее от нее,

мягкость и тяжесть волос, пахнущих цветами. Он взял ее лишь раз, взял силой, против воли, причинил боль, но память об этом воспламеняла его плоть, заставляла кровь кипеть, снова и снова подталкивала пойти на преступление. Он крепился из последних сил, надеясь, что однажды невеста ответит взаимным желанием, тогда больше не придется ломать ее, принуждать, а, впрочем, время покажет.

Дарина вышла на улицу, прищурилась, занимающаяся заря неприятно резанула по глазам, привыкшим к мраку. Солнце повсюду разбросало тонкие лучи, утренняя роса блестела, переливалась цветами радуги, скатывалась с травинок, наполняя землю живительной влагой. Улицы Великого Новгорода дышали свежестью, прохладой, просыпались, сбрасывали ночную дрему.

Попривыкнув, девушка огляделась, вдохнула полной грудью, облегчение приятной волной нахлынуло на нее, но лишь на мгновение. Не проронив ни слова, забралась в телегу, Гордей хлыстнул лошадь кнутом и окрестные пейзажи замелькали, сменяя друг друга.

Пустынные улицы города постепенно оживали, люди сновали вдоль дороги, спеша по делам, девушка безмятежно наблюдала за кутерьмой, старательно отметая назойливые тоскливые мысли, не дающие покоя. За городскими вратами суматоха угасла, внимание перешло к облакам, мирно плывущим по лазурной глади небес, так незаметно подкатили к отчему дому. Вблизи деревянной хатенки Угрима стояла

непривычная тишина, лишь издали доносились птичьи трели, ни кур, ни гусей, ни другой одомашненной твари не наблюдалось. Никак разбежались все, или еще хуже, подохли. Неприятная мысль насторожила девушку, спрыгнув с телеги, она быстрым шагом направилась к входной двери, не обращая внимания на палача.

Дверь со скрипом отворилась, развернув печальную картину перед незваной гостьей. Жилище запущено, повсюду разбросаны грязные вещи, пыль серым полотном накрыла скудные пожитки хозяина, казалось, взмахни рукой, и серая масса запляшет в помещении, закружит, завертится. Полы усланы пучками соломы, разодранная испачканная сажей «перина», когда-то служившая спальным местом босоногой девчушке, покоится в углу, стены голые, вязанки сухих грибов, колосьев пшеницы исчезли, саманная печь чернеет открытой давно не чищеной «пастью», на припечке глиняные горшки в засохшей, заплесневелой каше.

Угрим спал, возвышаясь на печи вздымающейся опадающей горой, забористый храп сопровождал крепкий похмельный сон. Разочарованная Дарина переступила порог под звуки рычания, свиста, перебиваемого сопением, запах перегара ударил в нос. Впрочем, чего она ожидала? Радушного приема? Перемен в отце? Глупо и наивно! Тихонечко подкралась, встала на цыпочки, заглянула в бородатое лицо, хмурое, грозное даже в забытье.

– Батюшка, – позвала чуть слышно.

Храп стих, мужик поерзал, замычал, приоткрыл глаз и сразу зажмурился.

– Голова, м-м-м! – прохрипел он, морщась от боли, в глотке пересохло, губы потрескались.

Дарина отпрянула, сраженная вонью, удержалась, чтобы не прикрыть нос ладошкой, страх, привычка повиноваться родителю брали над ней верх. Угрим раскачиваясь, кряхтя, перевалился на бок, не без труда сел, свесил ноги с печи, исподлобья глянул на дочь.

– Ишь, кто пожаловал, – голос мужика осип, во рту сухо, будто песка объелся.

– Батюшка, это я, – от волнения у девушки вспотели ладошки.

– Да уж вижу, – отмахнулся тот, как от назойливой мухи. – Чем обязаны?

– Вот, повидаться пришла.

– Повидалась? – раздраженно спросил Угрим, неуклюже сполз, проковылял мимо дочери к столу. – Ступай обратно восвояси.

Обида хлестнула девушку толстым кнутом, подступили слезы, покатились по бледным исхудалым щекам. В дверях показался палач, вид плачущей невесты разозлил его, лицо потемнело, глаза метнули молнии, сжал кулаки, быстрым шагом направился к Угриму. Вот так успокоил родитель дитяти, сейчас за это и получит сполна!

Дарина остановила палача, помотала головой, тихо сказа-

ла отцу:

– Прощаю тебе, батюшка, твою нелюбовь ко мне.

Круто развернувшись, она направилась к выходу, опустив голову, избегая недовольного взгляда Гордея.

– Постой! – оклик отца остановил ее, не поднимая головы, не оборачиваясь, она ждала. – Постой, Даринка, погорячился я, иди-ка, присядь за стол. – Обратился к Гордею, – дозволь с дочерью объясниться, ступай на двор, обожди.

Палач негодующе уставился на мужика, сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев, но увидел умоляющий взгляд невесты и подчинился. Скрипнув от ярости зубами, он резко повернулся, направился к выходу, уже в дверях обернулся, пригрозил:

– Тронешь ее, шкуру спущу.

Дверь захлопнулась с грохотом и в комнате воцарилась мертвая тишина. Угрим собирался с мыслями. В дальнем углу комнаты стояло деревянное ведро с водой, он подошел к нему, зачерпнул горсть, шумно хлебнул с ладони, плеснул немного влаги в лицо. Движения тяжело давались ему, похмелье тому виной, медленно, по-медвежьи развернулся, добрался до скамейки, сел сам, позвал дочь.

– Присядь, потолкуем.

Дарина села.

– Говоришь, прощаешь мне грехи-то?

– Бог грехи прощает, – сказала Дарина, – я же прощаю твою нелюбовь ко мне.

– Что ж, благодарствуй, дочка! – в голосе Угрима не слышалось насмешки или фальши, он говорил от чистого сердца. – Я ведь и не надеялся, что ты когда-нибудь промолвишь мне эти словечки, поэтому не силился их заслужить. А столько поганости, сколько тебе пришлось вытерпеть от меня… Эх!

Мужик резко ударил себя по лбу, замычал, опустил локоть на стол и зарылся лицом в огромную мозолистую ладонь.

– Что ты, батюшка, – хрупкая девичья рука невесомо легла на отцовское плечо, – прошлого не воротишь, оставь.

– Ты пойми, Даринка, – не унимался Угрим, – я ж не спроста-то бесновался, злоба лютая душила, покоя не давала, а все от того, что ты мне не родная.

– Как? – словно громом пораженная, девушка не смогла сдержаться, руки затряслись, над верхней губой выступили капельки пота, лицо и грудь разукрасили алые пятна. Она ожидала услышать все что угодно, но это!

– Мать твоя, покойница, шла за меня, будучи на сносях от другого мужика.

– Нет, не может быть, – губы Дарины нервно подрагивали, она с трудом верила услышанному.

Принести дитя в подоле, как любили поговаривать в народе, незамужней бабе, на всю жизнь позора набраться. Как могла ее гордая, сильная, прекрасная мать допустить подобное? Но мысли о собственной судьбе, внезапно ворвавшиеся в воспоминания, заставили более трезво посмотреть на же-

стокую реальность.

– Верея жила в чертогах града, – говорил Угрим, – изредка бегала в лес по грибы, тогда-то я ее заприметил. Она мне сразу по нраву пришлась, тонкая, как березка, шустрая, да и краше девок, чем она, нигде не встречал. Да только подступиться к ней не решался, боялся, откажет, не переживу. Помимо меня были и другие, до красы ее охочие, один больно прыткий сыскался, варяг, соблазнил девку-то, а сам воеводить ушел, да так и не воротился обратно, многое передумали, и что вместе с дружиной на поле брани полег, закололи, али голова с плеч. А может и не нужна ему была-то, так, попортил девку и концы в воду. А Верея от варяга понесла, пузо расти стало, в граде зашептались, что, мол, девка-то гулящая, дитя в подоле принесла. Вот тогда-то я и решился, стал замуж звать, чтоб от позора уберечь, а она ни в какую, мол, люблю своего варяга, дождусь возвращения… Отпиралась долго, пока слух прошел, что весь полк полег, где и варяг ее был, да не просто был, а вел он полк тот, потому как княжеская кровь в жилах его текла. Только тогда-то и согласилась Верея пойти за меня, но с условием, что дитя, родившееся признаю за своего, чтобы позор на голову его не полег. Куда мне отказывать было… согласился, но простить так и не смог, что варяга того она любила больше. Ты росла, постоянно мозолила очи, как напоминание о варяге, о том, что Верея сердешные чувства по-прежнему питает к покойнику сомнений у меня не было, и ненависть во мне вскипала

все сильнее… а когда она померла, тебя стал ненавидеть еще пуще, люто. Думалось, что твоя во всем вина, от этого, я даже продал тебя палачу!!! Да, да, Даринка, продал, за гроши, так сильно мне хотелось избавиться от тебя!!! Но… понимаешь, Даринка, когда ты ушла, то понял, что неправ был, что зазря обижал, бранил, выгонял… зазря! Ведь ты и только ты, все, что у меня в жизни-то оставалось. Ох, стыдно-то как… стыдно…

Мозолистые грубые ладони закрыли бородатое лицо, Угрим издал стон, перешедший в хрип. Девушка глядела на него с жалостью, но в душе от выплывшей истины поднялась горечь, хотелось бежать, куда ноги понесут, не оглядываясь, сдержалась. Лишь теперь она поняла, лишь сейчас осознала, что двигало отцом, вызывало к ней жуткую неприязнь, но ни злобы, ни ярости не было, наступило осознание сути прожитых ушедших дней, наполненных пустыми надеждами.

– Не казнись, – тихо сказала Дарина, – я не держу в душе зла, и никогда не держала. Что было, то прошло.

Девушка поднялась со скамьи, чувствуя дрожь в коленях, не простившись, пошла на двор. Угрим не остановил ее, лишь мрачно, с болью глядел в след, исповедь не принесла облегчения, слишком поздно он понял совершенные ошибки, одиночество, вот его наказание, расплата за грехи.

Гордей дожидался невесту подле двухколесной телеги. Раздобыв немного сена, он протягивал пахучую траву к лошадиной морде, та хватала угощение мягкими губами, фыр-

кала, жевала, прядала ушами от удовольствия. Дарина улыбнулась, как мало нужно животному для счастья, подошла ближе, потрепала сбившуюся в пряди гриву, маленькая ладошка легла на вытянутую морду, погладила.

– Скоро же вы управились, – пробурчал Гордей.

– Скоро, – эхом отозвалась девушка, – здесь боле нечего делать, едем.

Палач скрыл удивление, перечить, расспрашивать не стал, Дарина выглядела еще более подавленной, чем до встречи с отцом, зря привез ее сюда, только хуже сделал.

Обратный путь сопровождало гнетущее молчание, Гордей не мог выдавить ни слова, доехав до базара на городской площади, он вздохнул с облегчением. Солнце ощутимо припекало, решил поторопиться, взять необходимое и поскорее отправиться под тень крыши дома. Но не тут-то было. Люди, завидев Дарину, стали шушукать, тыкать пальцами, некоторые с опаской поглядывали в ее сторону.

– Глянь-ка, Авдотья, – донеслось до ушей палача, – не та ли это, что коня взмахом руки завалила?

– Вроде та, – ответ прозвучал с опаской, и еще тише, – ведьма.

– Да нет, – послышалось с другой стороны, – та посправнее была, кажись… эта больно тощая.

– Колдовство-то оно силы отнимает…

– Она это, помяните мое слово, чур, меня, чур…

Говорившая бабка перекрестилась, плюнула себе под но-

ги, скрылась в толпе. Гордей нахмурился, сказал так, чтоб услышала только невеста.

– Слышишь, Даринка, не про тебя ли молва в народе ходит?

– Какая молва? – девушка встрепенулась, обрывки фраз долетали до ее ушей, но погруженная в раздумья, не обращала внимания на нелепый базарный гомон, и лишь сейчас осознала их смысл.

Сердце ухнуло куда-то в пятки, действительно о ней судачили, и как узнали ее, всего один раз видели? Не думала, что случай так в души людям западет, что запомнится на долгое время.

– Едем, – попросила осипшим голосом, – дурно мне.

Палач окинул базар пристальным взглядом, девка явно скрывает что-то не доброе, но что толку допытываться, давать повод для больших пересудов. Хлестнул лошадь, та прибавила шаг, дома потолкует с невестой, не сознается по-хорошему, что ж, применит силу, надоело в няньках ходить, пора мужику характер показать.

Над замком Амбра Каструм нависли черные обрюзглые, налитые холодной влагой, грозовые тучи. Константин сидел в кресле перед разожженным камином библиотеки и потягивал из бокала коньяк. Брови его, сошедшиеся на переносице, давали понять, что он не в самом позитивном расположении духа.

– Как долго нам бездействовать? – мрачный голос Алтэры прозвучал за спиной Темного Князя. – До лунного затмения остались считанные дни.

– Знаю, – отмахнулся колдун.

– Каллида так и не показалась больше, – не унималась дух-защитница, – ее необходимо спровоцировать…

– Нет, – отрезал Константин, – она сама объявится, ждать не долго. Ступай, Алтэра, я хочу побыть один.

– Нельзя постоянно находиться в одиночестве. С тех пор, как избранница…

– Алтэра! Ступай!

– Как будет угодно, – пробурчала та и растворилась в пространстве.

Оставшись наедине с удручающими мыслями, колдун сделал глоток янтарной жидкости, заглянул на дно полупустого бокала. Он постоянно возвращался разумом к предстоящим событиям, терзался сомнениями, правильный ли сделал выбор, если допустить хотя бы один неверный шаг, то вековые усилия пойдут прахом.

Бокал его опустел, жажда не пропала, пусть разум ненадолго успокоится, затуманится, Константин поднялся, в камине затрещало полено, глянул на него с упреком, что отвлекло от напитка, направился к тумбе с графинами. Сосуды ждали хозяина, жидкости в них пропускали сквозь себя теплый золотистый свет, игравший на стенах и книжных полках разными оттенками. Князь поднял графин с янтарной жид-

костью, мерцающее пламя камина плясало, отражаясь в хрустале, и на память пришло мгновение: он дает бокал с коньяком Дарине, та пробует, ее щеки покрывает нежный румянец, в глазах появляются искорки. Ненужные воспоминания резанули по сердцу, внезапным порывом нахлынуло раздражение, он силой швырнуть графин в стену. Хрустальный сосуд ударился о твердую поверхность и с жалобным звоном раскололся, разлетелся на тысячи осколков, рассыпался по полу.

– Будь ты проклята, Каллида! – прорычал Князь.

– Только не говори, что клянешь меня из-за той белесой девки, – голос жрицы Далия, внезапно материализовавшейся в комнате, прозвучал на удивление дружелюбно.

– Явилась, – буркнул Константин, довольный тем, что задуманный план принялся воплощаться в реальность.

– Не смогла устоять, мой дорогой Арман, – съязвила колдунья, и направилась к хозяину замка, стоявшему к ней спиной. – Ты ведь отменил большую часть защитных наговоров, позволил мне беспрепятственно проникнуть в твою обитель.

– Что же тогда медлила? Защита давно снята.

– Просто обдумывала… – спокойным, раздражающим Темного Князя тоном, произнесла Каллида.

– Что именно? – грубее, чем намеревался, спросил он, повернулся к женщине лицом.

– Стоит ли мне доверять тебе, или ты пытаешься заманить меня в ловушку, – пропела та медовым голосом, льсти-

во улыбнулась.

Колдун же нахмурился, чувствуя подвох в словах.

– Но потом решила, – продолжала жрица, угрюмость колдуна ее не смущала, – решила, что моя магия превосходит твою в сотни раз, и как бы ты не старался, я снова приручу тебя.

– Этого не потребуется, – в тоне Константина слышалась твердость, он шагнул вперед, вплотную приблизился к врагу. – Я уже в твоей власти. Ты была права, моя госпожа.

– Права? –Каллиды не ждала скорой капитуляции, глаза ее подозрительно сузились, превратившись в тонкие щелочки, вскинула голову, заглянула в кобальтовые глаза бывшего раба, но лжи не обнаружила. Либо тот искусно маскируется, либо с уст действительно срывается правда, это следует выяснить. – Что же заставило тебя так резко изменить мнение? Ведь ты не одну сотню лет отрицал свое предназначение служить мне! К тому же, несколько минут назад проклинал меня, не так ли? Да и как же та глупая девчонка?

– Все это больше не имеет значения, – тон мужчины по-прежнему оставался твердым, но спокойным. – Я многое обдумал с момента твоего последнего визита, и наконец, понял, что наша встреча была предопределена. Мы должны быть вместе…

– Но как же девчонка? – не унималась колдунья.

– Не стану отрицать, – признался Князь, – она была мне дорога, но не столь сильно, как ты, госпожа.

– И ты избавился от нее?

Темный Князь кивнул.

– И как же ты от нее избавился? – язвительно поинтересовалась Каллида, ей до безумия хотелось услышать подробности, посмаковать поражение соперницы.

Князь не доставил порочной женщине удовольствия, склонился к ее уху, прошептал:

– Неважно, главное, что беспокоиться более не о чем.

– Что ж, – недовольно фыркнула жрица, – тогда докажи, что твои слова правдивы, поцелуй меня так, как прежде, до того, как покинул.

Константин едва сдержался, чтобы не сжать кулаки, тело напряглось, желание отступить промелькнуло в сознании, но он подчинился требованию женщины. Темноволосая голова склонилась, глаза сверкнули холодными льдинками, потянулся к устам колдуньи, властно накрыл их, впился жестким поцелуем. Он сминал податливые губы беспощадно, до боли, стон удовольствия вырвался у Каллиды, бесстыдно подалась вперед, ей не хватало этой страсти сотни лет, пока ее верный раб находился в недосягаемости. Но теперь она снова властвует над ним, пожирает жизненную энергию, диктует условия, теперь он не ускользнет, ни за что, никогда.

Колдунья не распознали лжи, ярость, пылавшую в синих глазах мужчины, приняла за страсть, облизнула влажные, припухшие губы, довольно хмыкнула:

– Мой дорогой Арман, я тосковала по этим ласкам, нако-

нец, ты одумался. А теперь, нам пора, у меня накопись поручения…

– Еще не время, – Константин не отводил взгляда от госпожи, изучая ее реакцию.

– И что это значит? – раздраженно спросила женщина.

– Это значит, – ответил колдун, сдерживая нарастающий гнев, – что у меня есть неоконченные дела в Амбра Каструм.

– В этом замке?

– Да, моя госпожа.

Каллида зло сверкнула глазами, только что он клялся в верности, а через мгновение ищет предлог, чтобы снова увернуться.

– Арман, – закричала она, – в какие игры ты со мной играешь?

– Я больше не играю в игры, Каллида! – резко отрезал Князь. – Мне действительно необходимо кое-что уладить прежде, чем твоя власть поглотит меня полностью. Если не веришь мне, возьми вот это, в знак повиновения и преданности.

В руке колдуна материализовался тряпичный мешочек.

– Что это? – колдунья брезгливо уставилась на странный предмет.

– В этом предмете сокрыты великая и чистая энергия, – пояснил хозяин замка, – он долгое время впитывал светлые энергетические потоки, переплетенные с лазурной волной…

– Так он из другого мира? – было заметно, как интерес

колдуньи к тряпице возрос, лазурная волна редкое кратковременное явление межмирья, раздобыть даже малейшую крупицу этого чуда практически невозможно.

Рука жрицы непроизвольно потянулась к мешочку, слегка коснулась его, легкий щелчок по пальцам дал понять, что в крохотном предмете сокрыта величайшая сила, способная умножить магические возможности в сотни, в тысячи раз. И если колдун так легко расстается с тем, что возможно помогло бы ему справиться с ней, значит, он действительно отныне в ее власти. Хищная улыбка расцвела на лице Каллиды, повернувшись спиной к мужчине, торопливо выговорила:

– Надень его на меня.

Тряпица повисла на изящной шее колдуньи, она возбужденно потрогала подношение, чувствуя потоки чистой энергии, разливающиеся по ее телу, внутри все дрожало, кожа покалывала.

– Великолепно! – почти зарычала женщина, с трудом сдерживая магическое напряжение.

– А теперь, моя госпожа, – глухо выдавил Князь, – возвращайся в Далий.

– Ты что, приказываешь мне? – выпалила жрица, резко повернувшись, игривый взгляд выдал истинный настрой.

– Отнюдь, – льстивая улыбка украсила лицо колдуна, возбудившая Каллиду до предела.

– Ох, ладно, – все же отступилась она, – на сей раз будь по-твоему. Но не затягивай, мой дорогой Арман, ты же зна-

ешь, твоих ласк я жажду больше всего на свете и долго ждать отныне не намерена.

«Жаждешь, – подумал мужчина,– но не больше, чем власти.»

– Слушаюсь, моя госпожа.

Подарив ему томную соблазнительную улыбку, Каллида растаяла в воздухе. Поистине, магическая сила женщины стократно приумножилась, Константин надеялся, что этот факт не построит дополнительных трудностей, а, впрочем, чему быть, того не миновать. Сбросив маску послушного раба, Князь зашагал прочь из библиотеки, время утекает, необходимо как можно быстрее попасть в Великий Новгород, все готово к перемещению.

Влетев ураганом в конюшню, он услышал приветственное ржание Фрагора. Конь нетерпеливо бил копытом в стойле, храпел, мотал головой, запах хозяина будоражил его, предвкушение скачки делало нетерпеливым.

– Хэдес, – позвал колдун, дух незамедлительно явился, – ты знаешь, что делать, к моему возвращению все должно быть готово.

Фантом кивнул, Князь прошел мимо него к стойлу верного друга, запряг и скользнул в коридоры межмирья.

Деревянное веретено, юлою бегало по полу, Дарина выпустила из рук тонкую ниточку пряжи, продолговатый предмет вздрогнул, упал, закатился под скамейку. Рука девушки

легла на грудь, сердце билось сильнее, покалывало, странное предчувствие овладело ею, навалилось необъяснимой тяжестью, слабость сковала тело. Грядут перемены, только вот хорошие ли?

Отругав себя за минутную слабость, Дарина отбросила глупые мысли, потянулась к веретену и застыла, неведомая тень, до боли знакомого человека, мелькнула за окном. Взгляд метнулся к небольшому отверстию, затянутому бычьим пузырем, сердце обмерло, силуэт вырисовывал образ Темного Князя. Невеста палача резко вскочила, подбежала к двери, распахнула настежь, выскочила на улицу. Голова возбужденно металась из стороны в сторону, но на улице не было ни души. Вечернее зарево окрасило небо багровыми красками, и девушка ощутила знакомую горечь разочарования, это закат ее надежды.

Тяжелый вздох вырвался помимо воли, медленно побрела обратно, уныло претворила дверь, не подозревая о тайном наблюдателе. Константин успел скрыться за углом соседнего здания, ей нет нужды знать, что он здесь, достаточно того, что она невредима.

Колдун направился к главным воротам Великого Новгорода, вечерний мрак подступал, серым плащом ложился на его плечи. За пределами града Темный Князь огляделся, по близости ни души.

– Фрагор! – выкрикнул он в сумеречную пустоту.

Горизонт окутала плотная дымка, стук подкованных ко-

пыт поднял в воздух стаю ворон, сидевших поблизости на ветвях высокого тополя. Конь грациозно выпорхнул из пустоты, закружив дымку причудливым узором, рысью подскакал к хозяину, фыркнул, загарцевал на месте, покачивая головой, размахивая черной гривой.

– Фрагор, мой верный друг, – проговорил мужчина, похлопал коня по холке, вскочил на него и поскакал вдоль дороги в сторону небольшого поселения, к дому, где выросла Дарина.

Стоя перед обветшалой хатенкой, Константин хмурил брови. Омерзение, гнев, презрение, необходимо усмирить эти чувства, прежде чем завяжется разговор с нерадивым отцом, продавшим дочь палачу. Подступив к двери, толкнул, петли неприятно скрипнули, отворился проход, похожий на черную пасть, могильным повеяло холодом, нехорошее предчувствие мелькнуло в сознании. Колдун переступил порог, внутри царила мертвая тишина, повсюду расползся мрак, мерзкое зловонье витало в спертом воздухе. Тихий скрипучий звук привлек внимание Князя, его глаза постепенно привыкли к сумраку, напрягся, мороз пробежал по позвоночнику, шагнул вперед, поднял голову и застыл на месте. Под камышовым потолком, слегка покачиваясь на натянутой до предела веревке, обвившей толстую шею, висело безжизненное тело Угрима.

– Безумец, – мрачно выговорил Константин.

Он рассчитывал перекупить Дарину, расторгнуть договор,

заплатить отцу сумму большую, чем дал палач, но непредсказуемый поступок мужика оказался совсем некстати, планы необходимо пересмотреть.

Натянутая веревка скребнула по потолочной балке, высвободив едва уловимый хруст, колдун мрачно хмыкнул, отметил, что на физиономии мертвеца застыло выражение покоя, освобождения и даже умиротворения. В его чертах ни читалось, ни страха, ни гнева, ни раскаяния, ни отчаяния, глаза плотно зажмурены, рот слегка приоткрыт, но приглядевшись, Князь заметил отпечаток боли, боли душевной, вырвавшейся наружу едва уловимыми чертами, приподнятостью густых бровей и уголками рта, опущенными к низу. Стало ясно, Угрим страдал при жизни, но тщательно скрывал гнетущие душу муки, прикрывался буйством, гневом, раздражением. Как бы там ни было, теперь все это уже не имело значения.

На дворе послышалось ржание коня, Темный Князь направился к выходу, вскочил в седло, небрежно махнул рукой. Яркая искра метнулась от его пальцев к обветшалой хатенке, та полыхнула, занялась пламенем.

– Вперед, Фрагор! – колдун пришпорил коня.

Огромный вороной жеребец храпнул, заглушая топотом копыт, треск горящих бревен, рванул к стенам Великого Новгорода.

Ночь принесла в град пустоту, люд разбрелся по домам и кабакам, невзирая на яркую, полную луну, разливавшую

лучи взамен дневному светилу. Безлюдные улицы приветствовали Константина тишиной, он пронесся вдоль незамысловатых построек, натянул поводья у жилища палача, Фрагор послушно остановился, запрядал ушами, мотнул головой, звякнув сбруей.

– Тише, друг, тише.

Колдун потрепал гриву жеребца, спешился, в небольшом оконце мелькали знакомые силуэты, он напряг зрение, стараясь понять, что происходит.

Не подозревая о затеянной слежке, Гордей зажигал лучину. Утомленная Дарина спала на скамье, опершись спиной о стену, палач нагнулся, рассматривая невесту, в руках ее покоилась пряжа, деревянное веретено лежало у ног без дела. Слегка склонившись над девушкой, мужик потряс ее за плечо.

– Даринка, ты чего тут уснула?

Девушка вздрогнула, резко открыла глаза, затуманенные дремой.

– Что? – выдохнула она, инстинктивно отдернула плечо.

– Тише, – Гордей ощутил неприятное томление, – тише, Даринка.

– Темно! Ночь на дворе?

– Ночь ли, день ли, – загадочно проговорил палач, – а минуло много времени, с тех пор как ты воротилась.

Знакомый страх прокрался в сердце Дарины, брошенные в лицо слова не предвещали ничего хорошего, неприятно

кольнуло в области груди. Она силилась не подать вида, спрятала вспотевшие ладони в складках сарафана, опустила глаза, поджала губы.

– Может, все ж, поведаешь, где пропадала, спустя то столько времени, – хмуро прохрипел палач, разбивая надежды девушки на маленькие осколки, – да почему люд на базаре ведьмой называл? Ясно ж, что про тебя шушукали… а, Даринка? Ну что молчишь, как в рот воды набрала? Отвечай, коли спрашивают!

Девушка молчала, горло сдавило, стук сердца отдавался в ушах. Что она могла сказать? Уж конечно не правду о колдуне, магии, другом мире, совершенно не похожем на здешний. Не оставалось ничего, кроме как покорного ожидая неминуемой участи.

– Молчишь, – прорычал мужик, – опять молчишь. До коли ж ты мучить то меня будешь, а?

Неожиданно, Гордей рухнул на колени, руки упали, крепко обхватили бедра невесты, уронил голову, зарывшись лицом в подол сарафана.

– Не могу без тебя, – хрипел он, – не могу!

Дарина с ужасом взирала на упавшую ей на колени голову. Страх сменился жалостью, медленно, настороженно протянула руку, пригладила взъерошенные на затылке короткие волосы. Мужик напрягся, мышцы спины закаменели, он резко поднял голову, схватил тонкое запястье девушки, прижал горячие уста к ее ледяной ладони. Она не смогла сдержать

прерывистый вздох, дернула руку, но не высвободилась. Гордей не собирался отступать, слишком долго ждал, пока сама его позовет. Но она не звала, и не позовет, он все возьмет в свои руки, здесь, сейчас, пусть видит его любовь, пусть знает, как дорога ему.

Перейдя в наступление, Гордей продолжил лобызать руки невесты, поцелуи становились жарче, настойчивей, губы поднимались выше, к локтям, плечу, ключице. Он старался не замечать, как девушка корчится, неприязненно отворачивается, пытается отстраниться.

– Прошу, прекрати, перестань, – с едва сдерживаемым отвращением просила она.

Палач не желал слышать отказа, мольба в голосе не останавливала его, кровь закипала, возбуждение нарастало, разжигая древние животные инстинкты, огненным потоком стремящиеся к низу живота. Зов плоти туманил разум, поддавшись искушению, он сунул руки под подол сарафана, неуклюже лаская обнаженные бедра, раздвинул девушке ноги.

– Не-е-т! – закричала Дарина, сорвалась с места, бросившись в сторону, забилась в угол, словно там крылось спасение.

Отчаянный стон вырвался откуда-то из недр души Гордея, голова поникла, с размаху стукнул кулаком по лавке, проревел, поднимаясь с колен:

– Ну почему?

– Не могу, – лепетала та, широко распахнув глаза, слезы застилали взор, – не могу! Оставь меня! Оставь!

– Вот что, Даринка, – голос палача стал суров, брови сошлись в кучу, – я боле не намерен терпеть твои выходки! Довольно! Завтра же мы с тобой обвенчаемся, на то уже давно разрешение дано! Тогда не отвертишься… а если снова бежать вздумаешь… так заруби себе на носу, сыщу даже на том свете! А пока взаперти посидишь!

Резко повернувшись, мужик выскочил на улицу, дверь с грохотом захлопнулась, едва удержавшись на петлях. Схватил длинную толстую палку, валявшуюся неподалеку, одним концом воткнул в землю напротив входа, другим упер в дверь так, что даже если надави на нее с обратной стороны с большой силой, все равно не поддалась бы и не отворилась. Перепроверил, подергал палку, та крепко застыла в установленном положении.

– Посиди, подумай, дуреха, – пробубнил он под нос, горечь безответной любви разъедала душу.

Мрачный взгляд упал на запертую дверь, в лунном свете она показалась Гордею недоступным проходом в райские кущи, зарычал, отогнал прочь искушающие мысли. Если повторно возьмет девку силой, она и руки на себя наложить может. Нет, надо сдержаться и идти прочь, подальше от наваждения, от мыслей губительных, надо идти в кабак!

Шел Гордей быстрой тяжелой поступью, гнал прочь мысли о Дарине, думал о загульной ночи, о трудах и совершен-

ных деяниях, но как бы ни старался забыться, все равно возвращался к образу невесты. Ее светлые голубые глаза, окаймленные густыми ресницами, сводили с ума, губы манили, пьянили, заставляли забыть обо всем на свете, кроме медовой сладости, что обещали даровать при поцелуях. Хрупкий стан, прикрытый одеялом золотых локонов, каскадом ниспадающих вдоль тела, обещал трепетать от наслаждения в сильных мужских объятиях. И если бы он ни сорвался в ту роковую ночь, если бы не взял ее насильно, а завоевал медленно, настойчиво, все это могло бы уже принадлежать ему.

Неестественный звериный рык вырвался из глотки палача, сжал кулаки. Дать бы кому в морду, чтоб полегчало! Мужицкий хохот отвлек от нарастающего гнева, Гордей поднял голову, перед ним, словно из-под земли вырос кабак. Видать, сильно задумался, пути не заметил пройденного, оно и к лучшему.

Внутри Гордей почувствовал себя лучше, в ноздри ударили знакомые резкие запахи браги, лошадиного пота и немытых тел, предвестники веселой ночки. За столами сидели мужики, большие деревянные кружки, крепко зажатые в мозолистых ладонях, то и дело метались вверх-вниз, туманящий разум напиток пачкал усы, стекал по бородам, шум, гомон, болтовня неслись со всех сторон.

– Глядите-ка, кого это нелегкая принесла! – грубый мужицкий бас выделился на фоне общего гула.

– Здрав будь, Богша! – подхватил палач, направившись к

обладателю грозного голоса.

Высокий, широкий в плечах мужик, одетый в простую потрепанную рубаху, сидел за дальним столом, потягивая брагу из засаленной кружки.

– И тебе не хворать, – прогромыхал он, развалившись на стуле.

Гордей подсел за стол к знакомцу, и кивнул хозяину заведения. Тут же перед ним очутился невысокий мужичок, тщательно вытиравший руки о изрядно испачканный фартук.

– Чаво изволите? – поинтересовался он.

– Хлебного вина, да утварь поболе дай, – распорядился палач, и переключил внимание на Богшу. – Что, друже, отыгрываться будешь?

– Не сегодня, – скривился знакомец, снова прикладываясь к кружке, – уже продулся Могуту, без гроша меня оставил.

– Эх ты, Могута обыграть не смог, тьфу, – разочарованно выпалил Гордей, грозно зыркнув на мужичка, быстро семенящего в их сторону.

Шустрым привычным движением тот поставил кружку на стол, развернулся, намереваясь уйти, но палач остановил его, раздраженно спросил:

– И это, по-твоему, большая посудина?

Поднял кружку, в два глотка осушил содержимое, вручил обратно кабатчику, и потребовал нести еще, мужичек откланялся за добавкой.

– Ба, гляньте-ка, важная птица! – хрюкнул Богша.

– От чего ж не важная-то? – обиженно пробубнил Гордей, приняв реплику на свой счет.

– Да вона, туды глянь! – мужик кивнул в сторону входа, палач оглянулся.

В дверном проеме стоял высокий статный мужчина, широкополая шляпа отбрасывала тень на лицо, длинный черный плащ едва не касался пола, начищенные до зеркального блеска высокие сапоги дополняли образ. Весь кабацкий сброд умолк, любопытные взоры скользили по незнакомцу.

Константин расценил обстановку, как вполне подходящую для осуществления задуманного плана, двинулся за пустой стол, недружелюбные косяки, бросаемые в его сторону, проигнорировал, занял свободное место, в ожидании, руки в кожаных перчатках легли на шершавую поверхность стола. Кабатчик засеменил к знатному иноземцу, в тонких искривленных артритом пальцах тряслась пустая кружка, заказ палача можно отложить, на горизонте маячит захожий побогаче.

– Чаво изволите? – льстиво улыбнувшись, спросил он.

– Выпить, – сказал колдун, не поднимая глаз, протянул руку и бросил на стол три золотые монетки. – На твое усмотрение.

Кабатчик, отродясь не знавший такого богатства, взвизгнул, схватил со стола монетки и убежал за питьем для щедрого гостя.

– Про мое вино не забудь! – крикнул ему вдогонку Гор-

дей, раздраженный появлением чужака, слишком много чести иноземцу.

– Упиться решил? – спросил Богша, привлекая утраченное внимание приятеля.

– Тебе что за дело? – рыкнул палач. – Ночь длинная, домой мне до утра дорога закрыта, в кости срезались бы, да ты ж вона, Могуте продулся!

– Так я и в долг могу!

– Чего кочевряжился тогда? Не сегодня! Не сегодня! Тьфу!

– А ты плохо уговаривал, – хохотнул Богша, вынимая из кармана четыре пожелтевших кубика.

– Уговоры не про меня, – отрезал Гордей, хмель ударила ему в голову, – если надобно чего, силой беру!

– Не в этот раз, – осадил приятель, небрежно бросил кубики на стол, – остынь, а то погляжу, совсем разгорячился…

– Нечего мне указывать! – громыхнул палач, здоровенный кулак обрушился на стол с такой силой, что все четыре кубика одновременно подпрыгнули.

– Да кто ж тебе указывает? – спокойно проговорил Богша, глотнул браги. – Бери кости, давай сыграем, так и быть, уступлю, ходи первым.

– А на что играть будем? – Гордей взял кубики, принялся трясти, перемешивать. – Что в долг загонишь?

– Известное дело, – хмыкнул Богша, широкая ладонь скользнула в карман, вынырнула, увлекая за собой горсть

монет-чешуек, простерлась над столом, тонкий мелодичный звон сопроводил упавшие на шершавую поверхность кругляшки, – на денежки.

– Ты ж сказал…

– Остынь, друже, пошутил я.

– Эх ты, ладно, на деньги, так на деньги, – палач не стал спорить, положил на стол всего две монетки-чешуйки.

– Чего мало достал-то? – удивился приятель.

– Да ты это сперва выиграй.

– Начинай, – нахмурился Богша, его ужасно раздражала самоуверенность знакомца.

Гордей с удвоенной силой потряс кости, бросил их на стол и наклонился ближе, ища взглядом возможные выпавшие шестерки. Но как назло, один кубик упал двойкой вверх, два других показывали четверки, третий единицу. Богша, видя неудачный расклад соперника, громко захохотал.

– Ишь, как перышки тебе да пообщипало! Давай сюда кости, моя очередь.

Приятель яростно затряс кости, сквозь его ладони слышался отчетливый треск ударяющихся друг о друга игральных предметов.

– Не сломай, – хмыкнул палач, поддразнивая.

Перетасовав шестигранники, Богша швырнул их на стол, те разлетелись в разные стороны, едва не слетев с шершавой деревянной поверхности. Резко склонившись над кубиками, тут же отпрянул, грубо выругался.

– Рано радовался, – позлорадствовал Гордей, не обнаружив в раскладе приятеля ни одной выигрышной цифры, сгреб кости, потряс, бросил.

Фортуна улыбнулась ему, две выпавшие шестерки принесли первую победу, Богша скрипнул зубами, подвинул одну монету в сторону соперника. Везение продолжилось, последующие коны сопровождались новыми кругляшками, двигающимися ближе, палач выбрасывал кубики с шестерками, победоносно скалился, раздражая знакомца, к великому ужасу которого, ни один его бросок не оказался выигрышным. В скором времени монеты Богши, все до единой перекочевали к Гордею. Довольная улыбка расцвела на его смуглой физиономии, глядя на кучку денег, он с жаром потирал ладони.

– Чего зубоскалишь? – гневно выпалил Богша, злоба клокотала в груди.

– Чего не зубоскалить? Не я ж продулся! Двоим за вечер! – съязвил палач, сунул монеты в карман.

– Ну, знаешь! – громыхнул приятель, ударил кулаком по столу, вскочил и подался к выходу.

– Богша, постой, ты чего? – крикнул Гордей вдогонку, но тот отмахнулся, и яростно хлопнув дверью, выскочил из кабака. – Ну и проваливай!

– Со мной сыграешь? – вопрос прозвучал где-то рядом, палач обернулся.

Иноземец в странном одеянии стоял подле него, широко-

полая шляпа по-прежнему бросала тень на незнакомое лицо, смазывая черты. Алчная искра блеснула в глазах Гордея, удача сопутствовала ему в игре, монеты чужака сами покатятся в его карманы, надо соглашаться.

– От чего ж не сыграть, сыграю, – палач кивнул на пустой стул ушедшего переваривать досаду приятеля.

Константин снял шляпу, перчатки, положил на стол, в движениях прослеживались покой и уверенность. Кто-то их выпивох громко хохотнул, стукнул кружкой по дереву, Гордей вздрогнул, резкие звуки всегда его раздражали.

– Правила знаешь? – бесцеремонно спросил он.

– Знаю, – присев, ответил Князь.

– А есть у тебя на что играть?

Колдун вынул из складок плаща довольно увесистый кожаный мешочек, золотые монеты сверкнули в тусклых бликах зажженных свечей кабака, звеня, упали на стол.

– Устроит? – спросил Князь.

– Меня-то устроит, – палач пожирал глазами богатство иноземца, – да только не смогу предложить тебе равного…

– Тогда прировняем твои монеты к моим, – предложил незнакомец.

– А тебе выгода какая, если так?

– Дело не в выгоде.

– В чем же тогда?

– В удовольствии, азарте…

– Ну, если дело в этом, – пожал плечами Гордей, вдавать-

ся в подробности не хотелось, блеск золота отвлекал, – ходи первым.

Уверенным, твердым жестом, Темный Князь взял кости, и, не перемешивая, бросил. Кубики выбили чуть слышную дробь, покатилась, резво перевернулись.

– Ишь ты, – прищелкнул языком Гордей, рассматривая три выпавшие из возможных четырех шестерки, – прытко начал!

– Твоя очередь, – лицо незнакомца оставалось бесстрастным.

Одним грубым движением палач сгреб шестигранники, потряс, швырнул, брови его угрюмо сдвинулись в кучу, ни одной выигрышной цифры не выпало, первый бросок оказался неудачным.

– Нет, так дело не пойдет, – пробубнил он, положил одну монету-чешуйку ближе к иноземцу, – бросай, че ждешь-то!

Игра продолжилась, раз за разом колдун выбрасывал выигрышные шестерки, раззадоривая, раздражая соперника до тех пор, пока не увидел, что тот, разочаровавшись готов отказаться от продолжения. Пришло время ослабить хватку, несколько конов подряд он подтасовывал кости, позволяя сопернику обыграть себя. И как только азартный запал палача достиг необходимого пика, Князь решил изменить условия игры.

– Бросай, – нетерпеливо рыкнул палач, глядя на шестигранники, уныло перекатывающиеся в пальцах незнакомца,

бросать игральные предметы тот не спешил.

– Довольно, – резко сказал колдун, отложил кубики в сторону, – рассвет близится, устал я, идти пора.

– Куда идти? – запротестовал Гордей, он горы свернуть готов, нельзя чужаку позволить сорваться с крючка. – Струсил что ли? Боишься, что я все денежки у тебя выиграю?!

– Нет, не боюсь, – от спокойного тона соперника палачу стало не по себе. – Предлагаю сыграть последний раз, да только не по одной монете, а все сразу на кон…

Гордей, не раздумывая, согласился, фортуна благоволит, отчего не воспользоваться. Он достал все имеющиеся деньги, сдвинул в середину стола.

– Давай! – пылко сказал он, звериная ухмылка кривила физиономию.

– Погоди, так дело не пойдет, – лукаво проговорил Константин, хитро прищурившись, – теперь и мне выгодно сыграть хочется.

– Но это все, что у меня есть, – пожал плечами палач.

– Думаю, у тебя есть еще кое-что, способное заинтересовать меня!

– И что же это? – насторожился мужик.

– Девушка, что живет в твоем доме, голубоглазая, светловолосая…

– Даринка? – Гордей догадался, к чему клонит незнакомец. – На нее играть не стану.

– А если добавлю еще золота? – Князь достал мешочек,

намного больше первого, потряс им, монеты зазвенели, распустил завязку, высыпал половину содержимого на стол.

– Все одно – не стану, – заупрямился палача, при этом жадно взирая на образовавшуюся золотую горку.

– Как знаешь, – деланно согласился Константин, рисовано положил ладонь на монеты.

Гордей мучительно наблюдал, как от него ускользает шанс, выиграть богатство иноземца, способное обеспечить ему безбедную жизнь. Здравый смысл шептал, что он поступает верно, отказываясь от денег, не рискует лишиться любимой невесты в случае проигрыша. Но алчность, желание наживы, азарт, да и хмель от выпитого за вечер хлебного вина, ударившая в голову, заставляла пересмотреть, изменить принятое решение, согласиться на последнюю игру, и получить все, став удачливым победителем.

– Погоди! – наконец не выдержав, крикнул он, как раз в тот момент, когда незнакомец уже собрался отправлять золотые монеты обратно в мешочек. – Погоди! Согласен!

– Согласен рискнуть, и в случае проигрыша отдать мне девушку, живущую в твоем доме? – громко спросил Князь, привлекая внимание зевак, и без того разместившихся неподалёку от них, и с любопытством следивших за игрой двух противников, на протяжении всего времени, что те играли.

– Да, – выдавил Гордей, нахмурился.

– Скажи яснее, чтобы все слышали и от слов своих ты не отступился, – настаивал колдун, словно подтрунивая над

противником.

– Я согласен, – раздраженно выпалил палач, – если продуюсь, отдам выигранные монеты и свою невесту Дарину тебе, иноземец! Но если выиграю, то ты отдашь мне все золото, которое сейчас при тебе, до единой монетки!

– Договорились!

– Первый бросок за мной, – распорядился Гордей, быстрым движением сгреб кубики, принялся усердно трясти их в руках. – У кого больше шестерок выпадет, за тем и победа!

С этими словами он швырнул шестигранники на деревянную поверхность стола, присмотрелся, и чуть не подпрыгнул на месте от радости, обнаружив, что на трех костях оказались заветные числа. Он выиграл! Почти выиграл! Поскольку шанс выбросить сразу четыре шестерки за один кон невелик, если ни совсем невозможен.

– Что ж, – Константин медлил, давая сопернику возможность насладиться мнимой победой, – моя очередь.

Легко подхватив кости одной рукой, не тасуя, колдун небрежно выронил их, кубики рассыпались на плоской поверхности, прокатились и все четыре легли шестерками вверх. Наблюдавшие за игрой зеваки охнули в один голос, устремив взгляды на проигравшего палача, в воздухе повисла гробовая тишина, ждали реакции Гордея. Тот побледнел, рассеянно уставился в черные точки на белых поверхностях шестигранников, не принимая неожиданную удачу чужака.

– Я приду за девушкой через три дня, – голос Князя зву-

чал словно издалека.

Гордей поднял голову, оторвавшись от проклятых игральных костей, вперился затуманенным взглядом в иноземца, не в силах признать поражение.

– Ничего ей не говори, – продолжал колдун, поднимаясь.

Потерянный вид мужика его не смущал, он надел шляпу, натянул перчатки, выпрямился, в глазах не светилось ликования, это продуманная, подстроенная победа, все идет по плану.

– Золото можешь оставить себе, и помни, ты дал слово… теперь Дарина тебе не принадлежит.

Развернувшись, он взмахнул длинным черным плащом и скрылся за дверью кабака. Свидетели игры оставались в недоумении, возбужденно шептались, прихлебывая брагу, палач же сидел неподвижно, деньги утратили значимость, золото поблекло, он проиграл много больше. Гордей чувствовал, как ярость внутри нарастала, закипала, пока ни зарычал, словно зверь, ударенный копьем в сердце, два мощных кулака обрушились на стол, монеты подпрыгнули, деревянная кружка опрокинулась, расплескав остатки хлебного вина.

– Проклятье! – заревел он, швырнул кружку на пол и уставился на монеты взглядом, полным ненависти.

Глава 13

Вернувшаяся в Далий, после свидания с Темным Князем, Каллида, пребывала в блаженном состоянии, ожидая скорого появления излюбленного раба. Первое, что она ему поручит, это завоевание новых миров, и начать можно будет с того, откуда прибыл странный предмет, наполненный энергией невообразимой силы.

При мысли о мешочке, дарованном Константином, колдунья бессознательно подняла ладонь, слегка коснулась предмета кончиками пальцев.

– Великолепно! – пробормотала она, прикрыв глаза, наслаждаясь энергетическим потоком, струящимся от мошны.

Уединение ее прервал неожиданно прозвучавший голос мужчины:

– Моя госпожа, с возвращением, ваше присутствие истинное благо!

Каллида повернулась, в глазах блеснули гнев и неудовольствие, при виде Домитиана, вошедшего в покои большого зала, излюбленного места колдуньи, хранившего магические письмена, предметы и зелья.

– Я не звала тебя! – негодующе выпалила она, отвернулась к высокому арочному окну.

Раздражение в голосе жрицы звучало привычно, Домитиан пропустил неприветливый тон мимо ушей, прошел к цен-

тру комнаты, к массивному столу из цельного дуба, уселся на один из резных стульев с высокой спинкой.

– Не припомню, чтобы в последнее время я нуждался в приглашении, – с деланной обидой выговорил он, прищелкнул пальцами, и в руке у него тут же материализовался бокал, наполненный алым, словно свежая кровь, вином.

– Ты забываешься, Домитиан! – прошипела Каллида.

С поднятым к верху подбородком, она прошествовала к полкам с древними письменами, рукописи зашуршали под ее тонкими изящными пальцами.

– Не понимаю, чем мог я вызвать подобное неудовольствие к своей персоне? – напрягся мужчина, начиная чувствовать неподдельный гнев колдуньи.

– Тем, что всегда был слишком слаб! – брезгливо выговорила та.

Искомая рукопись показалась средь множества листов пергамента, жрица отнесла ее на стол, развернула, сосредоточенный взгляд побежал по вычурным иероглифам.

– Что это? – спросил Домитиан, старательно пряча досаду, обидные слова женщины неприятно резанули по сердцу, задели мужское самолюбие.

– Древний магический манускрипт, с помощью которого я, наконец, заставлю Армана полностью мне подчиниться, отдать волю и остаться верным на века. Слишком долго он скрывался, чтобы заставить верить тому, что теперь снова готов вернуться.

– Темный Князь дал согласие вновь служить тебе? – удивленный прислужник дернулся на стуле. – Не могу в это поверить!

– От чего же? – хмыкнула Каллида.

– Он долго и тщательно скрывался от подобной участи, а тут вдруг согласился за столь короткий промежуток времени после твоего визита. Это мало похоже на правду, моя госпожа!

– Думаешь, я этого не понимаю, – хитро улыбнулась колдунья. – Мне нужен лишь доступ к его душе через тело. Этим скоро буду обеспеченна. Остается приготовить зелье, прочесть заклинание, и как только мой дорогой Арман выпьет магический напиток, уже ничто не вырвет его из моей власти. Пусть думает, что я попалась на его уловку, так будет легче все устроить.

Прислужник отвернулся, туча негодования и злости наползла на красивое лицо, план жрицы безупречен и в скором времени претворится в реальность, Константин станет в ряды слуг Каллиды, и что тогда будет с ним, с Домитианом? Снова отойдет на второй план, будет забыт, приставлен выполнять грязную, никчемную работенку, ковырять ящерную печень, рвать крылья могильных бабочек для очередного магического зелья? Но это блекнет по сравнению с тем, что жрица перекроет ему доступ к ее безупречному телу, такому сладостному и вожделенному. Да, после любовных игр с колдуньей практически не остается жизненной энергии, жрица

высасывает ее посредством интимных утех, но это не имеет значения, неделя-другая восстанавливают утраченные силы. Она приучила его к удовольствиям, похоть не унять, но оно того стоит и делиться он не намерен.

– А как же я, Каллида? – ревниво выпалил Домитиан, расправил плечи. – Столько веков служивший тебе верой и правдой! Отбросишь меня на второй план?

– Ты же прекрасно знаешь, что Арман во всем превосходит тебя, – просто ответила колдунья, – так чего же задавать бессмысленные вопросы. Если бы ты имел хоть малую часть той энергии, силы и мощи, которой он обладает, разве искала бы я его на протяжении нескольких сотен лет, разве тратила бы попусту время, вместо того, чтобы поглощать и порабощать города и даже миры?

Оскорбления сыпались на голову мужчины справедливо, но отступать он не собирался, распаленный яростью, швырнул бокал в сторону, алые капли запятнали каменный пол, резко встал, твердым шагом приблизился к жрице, грубо схватил за плечи.

– Как могут подобные слова касаться твоих уст? Оставь мысли о Темном Князе, я твой верный раб и полководец! Он не достоин тебя! А я люблю тебя! Слышишь?

Каллида молчала, презрение горело в ее глазах, но мгновение, и на лице расцвела сладострастная улыбка. Она встала на цыпочки, жгучий поцелуй опалил губы прислужника, он жадно принял пламенную ласку, думая, что женщина осо-

знала его важность. Разбуженное желание охватило его, руки сжали податливые бедра колдуньи, притянули ближе. Погрузиться в страсть с головой не позволило тихое гортанное клокотание, долетело до его ушей, он посмотрел на любовницу, неприятный холодок пробежал по позвоночнику, остудив пыл. Жрица смеялась, глухо, надменно.

– Пойми, Домитиан, твоя любовь пустое, мне этого недостаточно, – с подчеркнутой брезгливостью сказала она, оттолкнула прислужника, шагнула назад.

Домитиан растерялся, игра, затеянная колдуньей, не укладывалась в здравом сознании. Он хотел возразить, потянул воздух и замер, в горле образовался удушливый ком, дыхание потяжелело, появилось жжение на губах и в груди, то осознал. В один роковой момент пришло осознание, гнев и ярость сменились страхом.

– Ты отравила меня! – задыхаясь, прохрипел он, ладонь обхватила глотку, словно мог нащупать невидимую удавку. – Как?

– Мой глупый, никчемный Домитиан, – промурлыкала колдунья, наслаждаясь видом растущей агонии жертвы, – ты слишком наивен. Комната переполнена ядами, ты знал это. Мне не составило труда нанести на уста во время поиска древних рукописей.

– За что? – хрипел несчастный, захлебываясь кровавой пеной, хлынувшей изо рта.

– За предательство! – неистово закричала Каллида, лицо

изуродовала гримаса ненависти. – Думал, не узнаю, что ты нашел Армана задолго до того, как сообщил мне об этом? Думал, не узнаю, о попытке предупредить его, позволив скрыться? Да только ты просчитался!

– Но я пытался привести… – кровь заглушила слова, потекла по подбородку, Домитиан не смог закончить фразу, упал на колени, умоляюще глядя на жрицу.

Та оставалась непреклонной, стояла, гордо выпрямив спину, вздернув подбородок. Прислужник рухнул на пол, дрожащая рука потянулась к ее ногам, не смог коснуться, агония поглотила, сотрясла умирающее тело, отдавая смерти положенную дань.

Бывший раб затих, мертвенная бледность, стихшие хрипы, возвестили о кончине, жрица склонилась над трупом, небрежно уронила:

– Ты жалок, мой глупый Домитиан. Пришло время уступить место сильнейшему, что, наконец, сможет воплотить мои грезы в реальность. Тем более, твоей никчемной энергии абсолютно ни на что не хватало, а я крайне нуждаюсь в жизненных силах, после того, как побывала в мире теней. Долина мертвых исковеркала мою душу, пожрала энергию, увы, выдернувшая меня оттуда венария не учла подобного, за что поплатилась жизнями соплеменниц. Жаль, конечно, не своей, но это поправимо. Согласен? Молчишь?

Каллида расхохоталась, зная, что собеседник мертв и не ответит ей, склонила голову набок, заглянула в его остекле-

невшие глаза.

– Прощай, Домитиан, – наигранная трагичность прозвучала в ее голосе.

Труп почернел, мышцы скукожились, превратив кожу в подобие гармошки, одряхлел, ссохлось, и рассыпался прахом, оставив пыльный след фигуры человека на каменном полу. Жрица переступила через пятно, взмахом подола разметав пепел в стороны, снова перенесла внимание на древние магические манускрипты, выделанные из человеческой кожи с символами, написанными кровью, разбросанные по столу. Люди давным-давно превратили большую часть магии в нечто зловещее, способное творить мрачные дела, ублажая их алчные натуры, и Каллида с непередаваемым удовольствием поглощала плоды неосторожности венарий и человеческой подлости, корысти и жадности. Она соберет необходимые ингредиенты для зелья, и, сотворив его, отправится за Темным Князем, последует в любой мир, где бы он ни находился. Константин остался глупцом, считает, что она будет ждать его возвращения. Этому не бывать, она ускорит процесс, больше никаких уловок, обмана, ей нет равных в хитрости.

Лукавая улыбка заиграла на ее устах, схватила один из манускриптов, свернула в рулон, направилась к стенду с множеством баночек, склянок, колб, наполненных содержимым для магического варева. Золотая чешуйка венарии не помешала бы сейчас, она намного полезней и эффективней, увы,

таковой в наличии не имеется, мерзкие твари навсегда перекрыли доступ к Пещере Каменного Плодородия и безграничной силе магии Омниса. Ничего, придет время, и способ отыскать и пещеру, и существ найдется, уж тогда она не упустит шанса заполучить желаемое и истребит ненавистных тварей, всех до единой.

Вспомнив о венариях, Каллида необычайно разозлилась, существа всегда выводили ее из равновесия. Эта их добродетель, искренность, жалость, вера в хорошее, бессмысленная трата времени. Чувства благодарности за спасенную жизнь она не испытывала, тени долины мертвых услужили ей больше, исковеркав душу, наполнив мраком в момент «призыва» Фиды. Ей пришлось повернуть на полпути, отвернуться от света, и тогда-то она осталась совершенно беззащитной к атакам черноты, беспомощной перед страхом и ужасом, утонув в непроглядном сумраке. Магия существа вырвала ее из адских объятий демонов, но кровоточащие раны души не зажили и по сей день. Вместо крови из них теперь сочится мрак, она заполнит им весь мир, заставит страдать каждого, кто встанет на пути.

На полках жрица отыскала необходимые компоненты для зелья, разложила их на столе, руки запорхали в воздухе, заклинание сорвалось с губ. Небольшой черный котелок, с раскаленным докрасна днищем, материализовался под действием слов колдуньи. Посудина зависла над четвероногой чугунной подставкой, запыхтела, стала потрескивать.

Каллида поочередно сложила ингредиенты в котел, прочла наговор из манускрипта, наблюдая, как, клокоча, булькая на дне сосуда, зелье набирается сил. Окончив работу, посудина опустилась на чугун, колдунья взяла пустую склянку, наполнила варевом до краев. Хищная улыбка наползла на красивое лицо, свободная рука инстинктивно потянулась к мешочку на шее, прикоснулась, и, шепча новое заклинание, жрица Далия шагнула в коридоры межмирья.

Ярость клокотала в груди палача, шагавшего домой. Мрачные, раздражающие мысли роились в его голове, подпитывая нарастающий гнев. Как он мог проиграть, да еще кому, иноземцу! Подобное просто немыслимо! Удача была на его стороне, это казалось ясным, словно летний погожий день, ведь все последние броски увенчивались успехом, каждый раз выпадала шестерка, а то и две. Да и последний бросок открыл три победоносные кости, но проклятому чужаку все же повезло больше, повезло так, как ему самому никогда не везло. И теперь придется отдать Даринку, единственную отраду его души. И дернул же черт за язык согласиться на нее сыграть. А этот иноземец будто знал все наперед, будто именно Дарина ему и была нужна, ведь золото не забрал, оставил проигравшему. Зачем, спрашивается, тогда вообще играл? Азарт! Кровь кипит! Все это пустое, словечки для головной мороки, чтобы невесту отнять. К тому же, будто насмехаясь, три дня сроку дал, чтобы помучался мужик по-

дольше, глядя на несостоявшуюся в очередной раз супружницу, а та дороже жизни стала. А может случится так, что забудет за выигранную чужую девку, авось не придет забирать? Хотя, какой там забудет, уж больно взгляд у иноземца прошибной, решительный, как у ведьмака какого-нибудь.

Внезапно родившаяся в голове палача мысль, заставила его резко остановиться, словно прирасти к месту. А ведь и правда, чужак изредка глядел ему в глаза, но каждый раз, случись взглядам скреститься, его пробирали стуженый холод и дрожь, а на лбу моментально выступала испарина. Он списывал подобную реакцию на переживания из-за игры, но так ли это на самом деле. Ему вдруг на память пришел случай из далекого, давно минувшего прошлого, в те времена он был совсем юнцом.

В селе, откуда он родом, многие года случались вычурные дела, то воронья черного полчище, невесть откуда, налетит, тучей кружит на одном месте, то скотина передохнет в одном дворе вся разом, то собаки в одночасье выть начинают. Со временем сельчане привыкли к странностям, и все бы ничего, да только мор среди людей пошел от неизвестной хворобы. Одного мужика в лесу нашли, кожа его белее савана была, и покрыта неведомыми землистыми пятнами, остекленевшие глаза выпучены, кровью налиты, в пустоту с ужасом взирали. Через недолгое время мертвую женщину у реки обнаружили с тем же видом, как у первого покойника.

Оба мертвеца в ссоре были с местным дровосеком, тот

без причины всегда странным казался, нелюдимым, дружбу редко с кем-либо водил, часто, бредя по улице, бормотал себе под нос всякую ерунду. Никто никогда на это не обращал внимания, а тут вдруг сельчане насторожились, решили мужики проследить за дровосеком. И как оказалось не зря.

Поначалу особого ничего дровосек не творил, по селу болтался как обычно, бубнил неразборчиво, людей чурался, на закате же третьего дня слежки отправился в лес. Мужики последовали за ним, держались поодаль, чтоб не заприметил.

Шел он долго, едва переставлял ноги, придирчиво разглядывал деревья с пожелтевшей осенней листвой, тянул время. Лишь дневное светило спрятало за горизонт последние лучики, остановился, положил топор на землю, достал из кармана небольшой сверток, вырыл в земле ямку, сунул тряпицу в углубление и принялся закапывать, непрерывно бормоча. Закончив дело, быстро срубил тоненькое молодое деревце, взвалил на плечо и быстрым шагом затопал обратно в село.

Мужики дождались, пока дровосек скроется из виду, раскопали свежую землю, сверток мирно покоился в углублении. Сгустившаяся темнота мрачной пеленой застилала взоры, разворачивать находку не стали, все равно мало что удалось бы разглядеть, отнесли в село, решив поутру разобраться в деталях.

Лишь утренние лучи коснулись все еще спавшей земли, как мужики, подгоняемые любопытством, собрались у избы

человека, взявшего сверток на сохранение. Переступив порог избы, разом все замерли, ледяной холод сковал конечности, изморозью побежал по позвоночникам, стоило увидеть лежавшее на полу, почерневшее, бездыханное тело. Недалеко от покойного валялся размотанный сверток дровосека, тряпица хранила отрезанную голову филина, из клюва, выпачканного потемневшей сухой кровью, торчал огромный иссохший паук.

Люди шарахнулись из избы мертвеца, до смерти перепуганные зрелищем, ринулись к жилищу дровосека, вопя до хрипоты: «Ведьмак! Ведьмак!».

Селяне, разбуженные криками, выбегали на улицу, растирая сонные глаза, страхи росли, свидетели на ходу с пылом, запинаясь, повествовали о деяниях ведьмака. Когда схватили дровосека, Гордей наблюдал за возбужденной суетой, стоя неподалеку. Взгляд избитого колдуна блуждал в пространстве, ни на чем не концентрировался, отрешенный, пустой, словно у набитого соломой чучела, но наткнувшись на мальчика, изменился. Гордей ощутил злую, прошибную силу, попятился, его буквально молнией поразило, на лбу и нижней губе выступили крупные бусины пота.

Вечером того же дня ведьмак горел на костре, прах его собрали, развеяли по ветру, спустя недолгое времени жизнь в селе наладилась, но его недобрый взгляд долгое время преследовал Гордея. Жизнь текла дальше, в суете дней воспоминания постепенно угасли, затерялись в прошлом, до се-

годняшнего дня, взгляд иноземца поразил его до самой глубины души, как топор, одним махом снимающий голову с плеч, осознание пришло внезапно, никаких сомнений, чужак ведом в колдовстве. И что, он должен отдать невесту нечистой силе? Не бывать этому! Но как же тогда честное слово, данное победителю? Ведь как-никак он проиграл! А что если иноземец явился за Дариной, зная наперед, что она тоже ведьма? Люд на базаре шептался про это, зыркая на нее, пальцами тыкал. Столь ли это важно? Он не отдаст невесту, не вынесет мысли, что досталась другому. Не ему, значит никому! Иного выхода не остается, он вырвет жизнь из девушки, но как это сделать и самому выйти сухим из воды? Если оплошает, всплывет правда о смерти первой жены и ему несдобровать. Но если и так, пусть, Дарине все одно – не жить!

Решение принято, Гордей ускорил шаг и вскоре оказался дома. Невесту он застал мирно спавшей, пригляделся к любимым чертам лица, безмятежным, мирным во сне, и такая злоба его охватила, что, подскочив, едва не схватил, не затряс, осекся, железной волей сковал чувства, сжать кулаки.

– Что ж ты делаешь со мной, проклятая девка! – в отчаянии зашептал он, присел рядом на койку, закрыл лицо руками.

Сон Дарины давно стал чутким, неспокойным, она сквозь дрему ощутила постороннее присутствие, открыла глаза, подле нее сидел Гордей. Несчастный вид его, отчужденный,

навеял дурное предчувствие, от скверного человека всегда ждешь подвоха, в один момент жалостливый, участливый, в другой вспыльчивый, озлобленный и бесконтрольный. К прочему отчетливо улавливался запах перебродившего хлебного вина, значит, палач явился домой под утро навеселе и, конечно же, с очередным немыслимым предложением.

О побеге она думала с тех пор, как повидалась с отцом, неважно куда, лишь бы подальше от здешних мест и горестных воспоминаний, пока Гордею не наскучило доброе отношение, пока в нем не пробудился зверь. Темный Князь сослал ее без предупреждения, ждать его появления под пристальным пугающим вниманием палача больше немыслимо. Вчерашний вечер укрепил решение бежать, но горе-жених сдержал обещание, запер ее, задуманное оказалось невозможным.

Дарина исподтишка продолжала наблюдать за Гордеем. Тот мрачно вздохнул, грубая ладонь потянулась к ней, застыла на полпути, сжалась в кулак, он боролся с собой. Видимо победило благоразумие, палач тяжело встал с ее лежака, а через мгновение уже громко храпел в собственной постели.

«Хватит дрожать!» – мысленно приказала себе девушка, пришло время действовать. Она тихонечко приподнялась, спустила босые ноги на пол, прислушалась к храпу, громкий, видать крепко заснул горе-жених, вперед, выход близко. На цыпочках прокралась к двери, схватилась за ручку и обмер-

ла от страха, услышав хриплый голос палача:

– Куда собралась?

Не останавливаться, бежать, Дарина резко потянула за ручку, дверь распахнулась, свобода показалась реальной, метнулась через порог и тут же вскрикнула от резкой боли в предплечье. Палач, вскочивший на ноги, в два прыжка преодолел расстояние между ними, схватил невесту за руку, дернул так, что захрустели косточки. Он развернул беглянку, сгреб в охапку, грубо стиснул, не давая возможности вырваться.

– Нет, Даринка, не уйдешь! – горячо выдохнул ей прямо в ухо.

– Не буду твоей, не буду! – закричала девушка, сдавленные легкие горели.

Гордей разозлился, кровь заиграла в жилах, круто развернувшись, он с силой швырнул несчастную на пол.

– Ты и не была моей, – выплюнул мужик, – никогда не была, как бы мне не хотелось! Ты околдовала меня, заворожила! Ведьма! Сон из-за тебя утерял, лишь о тебе помыслы тревожили, лишь твой лик пред очами стоял! А ты… нос как воротила, так и воротишь. Отец твой продал мне тебя, за гроши продал! Слышишь?

– Замолчи! – надрывисто выпалила Дарина, не в силах вынести тираду. – Замолчи! Остановись!

Повелительный крик всегда робкой девушки охладил Гордея, он замер, глупо таращась на нее, прищелкнул язы-

ком, и, осклабившись, прошипел:

– Что, зубки прорезались? Никак решилась на поверку ведьмины проказы выпустить?

Дарина опешила, ее не впервые зовут ведьмой, несправедливо, но не беспочвенно.

– Думала не узнаю, не догадаюсь, а?

– О чем? – девушка физически ощутила нарастающую тревогу.

– Ох и хитрая же ты бестия, – хмыкнул Гордей. – Не уж то сама не сознаешься?

– Да в чем же?

– Ведьма ты! – заревел палач. – Ведьма!

Возбужденный и одновременно разъяренный, он отступил назад, зная наверняка, не сумеет сдержаться, пожалеет. Девка так и манит, глядит снизу-вверх, очи сверкают, волосы растрепались, разметались по плечам, сарафан до колен задрался. С трудом глотнул воздух пересохшим горлом, стиснул зубы, стукнул кулаком себя по бедру и выскочил на улицу.

Утренняя прохлада отрезвила Гордея, наспех подпер снаружи дверь, в сарае, где мирно похрапывала его лошадь, ожидая кормежки, взял топор, зашагал в сторону главных ворот, гонимый принятым решением. Он казнит девку, через три дня, за воротами Великого Новгорода казнит! Ведьмак явится, потребует выигрыш, его право! Вот и пусть заберет то, что от нее останется.

За воротами палач направился вдоль реки Волхов к небольшой рощице, деревца шелестели молодой сочной листвой, танцующей в порывах легкого утреннего ветерка, словно шепча слова приветствия незнакомому гостю. Пышные ясени, стройные березы, вытянутые к куполу небес осины, покачивались из стороны в сторону плавно, непринужденно, любовно поддаваясь воздушным потокам. Пройдя вглубь леска, мужик выбрал подходящие для срубки деревья, занес топор над головой, остервенело замахал, выкалывая куски из худощавого ствола. Обреченное на гибель бессловесное создание содрогалось от ударов могучего орудия, роняя на холодную землю изумрудные слезы, пуская тонкие струйки бело-золотистого сока, подобно человеку, раненому в смертельном бою, истекающему алой кровной.

Отсекая ветви сваленного древа, Гордей тщательно укладывал их в плотную кучу, сырыми те полезнее станутся, дрова будут гореть медленнее, несомненно, причинят больше страданий. Глупая девка заслуживает печальной участи, отреклась от любви простого мужика, должна поплатиться.

Палач шмыгнул носом, дурные мысли покоя не дают, злобно оскалился, челюсть выдвинулась вперед, решимость довести задуманное до конца крепла с каждой минутой. Воспоминания о проигрыше раззадоривали, раздражали, выводили из равновесия, придавая сил, разжигая ярость. Зарычав, подобно дикому зверю, он рубанул топором по очередному стволу, надеясь частично высвободить разрывавшие

изнутри чувства. Древо издало храпнувший звук, покачнулось, зашелестело листвой, накренилось, спустя три, четыре новых удара повалилось с шипящим хрустом наземь. Мужик с торжествующей злобой уставился на очередное деяние своих рук, довольный скорой победой, сейчас древо пред ним пало, а через несколько дней околдовавшая ведьма канет в лету, прекратив его сердечные терзания. Дровишек нужно заготовить побольше, чтоб костер дымил, да пылал ярко, пожирая строптивицу, а вместе с ней его безответную любовь и надежды чужака, пожелавшего отнять единственное, что дорого сердцу палача.

Все три дня Гордей провел в леске, в граде не показывался, рубил, крушил деревца, готовя кострище, предназначавшееся для сожжения несостоявшейся невесты. В течение этого времени он ничего не ел, воду пил прямо из реки, черпая грязными ладонями, покрытыми мозолями от интенсивного махания топором, спал на сырой холодной земле, не чувствуя ни зноя, ни голода, питаемый бурлящим в душе гневом.

Срок отдать Дарину иноземцу подошел скоро, но палач оказался во всеоружии, место казни было готово. Поутру назначенного колдуном дня, собравшись отправляться в град за жертвой, он решил напоследок оглядеть результат трехдневной работы. Кострище внушало благоговение и страх, бревна и сучья выложены вдоль по кругу, образуя слегка приплюснутый конус для возможности взобрать-

ся наверх, достигнуть середины, где прямым грузным колом несокрушимо стоял толстый древесный ствол. Мужику стоило немыслимых усилий свалить подходящее древо, обтесать сучки, а затем взгромоздить волыну в сердцевину кострища. Старания оказались не напрасны, «башня» выдержит сопротивления ведьмы, несомненно, она будет барахтаться, вырываться, лишь поймет, что гонима на смерть, но сухая трава, высланная поверх древесины, полыхнет быстро, на бегство времени не хватит. Дело осталось за малым, притащить девку к месту казни, да побыстрее.

Не смотря на черные мысли палача, день весело пробуждался, утреннее солнце уже карабкалось ввысь по небосводу, ярче освещая зарождающиеся новые сутки. Кинув последний взгляд на заготовку, Гордей направился к дому, где отчаявшаяся выбраться на волю Дарина, выплакав слезы бессилия, покорно ожидала неминуемой участи.

Глухой бухнувший звук упавшего на землю бревна, возвестил о возвращении палача, отбросившего импровизированную затворку. Он со скрипом отворил дверь, остановился на пороге, ожидая увидеть забившуюся в угол от страха девушку. Не оправдав предположений, та мирно сидела на койке, упавший на него взгляд спокоен, отрешен, никаких тревог, грусти, переживаний, губы слегка подрагивают, будто силится улыбнуться. Такая внезапная покорность заставила сердце мужика дрогнуть в сомнении, решить отступиться от задуманного, но всплывший в памяти образ победителя ведь-

мака, отбросил колебания.

– Пойдем, Дарина! – выдохнул Гордей, опустив глаза.

– Я никуда не пойду, – голос ее звучал тихо, но твердо, она искренне считала, что и на сей раз отказывается идти в церковь венчаться.

Палач взбесился, опять девка ему перечит, разбушевавшимся ураганом пронесся по комнате, грубо подхватил строптивицу по локоть, рывком поставил на ноги, злобно выплюнув:

– Поднимайся!

– Если так ты относишься к тем, кого любишь, – скривилась девушка, – страшно подумать, что ожидает тех, кого ненавидишь!

Повторный всплеск бесстрашия и дерзости всегда кроткой, пугливой девчонки обескуражили Гордея, на минуту он замер, остолбенев от несвойственного поведения невесты.

– Довольно голову морочить, – придя в себя, зарычал палач, потащил жертву к выходу, – боле меня не проймут ведьмины хитрости.

– Ведьмины… хитрости? – пролепетала Дарина, шустро перебирая ногами, стараясь поспеть за широкими шагами мужика, тащившего ее к базарной площади.

Шумная толпа попрошаек, купцов, заборщиков суетились, трудом встречая новый день, кричали, ругались, зазывая, переманивая к своим прилавкам тех, кто готов заплатить за товар, кинуть монетку в дырявый карман, осчастли-

виться прибылью или новой покупкой. Базарная площадь по сложившемуся обычаю жила собственной бурной жизнью, в обыкновении ничем не нарушаемой, пока в поле зрения народа не появился Гордей, волочащий девушку, о которой с недавних пор ходила дурная слава. Та не упиралась, торопливо семенила ногами, изредка морща нос, мужик железной хваткой сжимал ее предплечье, намеренно причинял боль.

Народ приметил странную пару, притих, жужжащий гул, гомон и шепотки покатили по толпе, любопытные вытянули шеи, походя на гусей, узревших лакомого кузнечика или саранчу, стараясь пристальнее рассмотреть разворачивающуюся сцену.

Добравшись до открытого места практически в центре базарной площади, палач оглядел шушукающихся людей, убедился, что привлек всеобщее внимание, остановился, крепче стиснул руку Дарины, та едва не вскрикнула.

– Новгородцы, – громогласный призыв возымел действие, зевак стало больше, – новгородцы, поглядите сюда!

Гул в толпе мгновенно усилился, люди теснились, толкались, зрелище обещало принять интересный разворот.

– Поглядите на эту девку! – продолжал ораторствовать Гордей, – Сама чистота, ни крупицы гнили, да черни?! Не обманывайтесь, новгородцы, эта девка – ведьма!

Единый громкий вздох прокатил по толпе, стоявшие вблизи палача с девушкой люди отпрянули назад, словно чума взмахнула болезненной рукой пред их перепуганными ли-

цами. Дарина в ужасе уставилась на мужика, не веря собственным ушам, не в силах осознать всю степень навалившейся беды, она ощутила нервную дрожь, расползающуюся по телу, сотрясающую его, подобно разрядам молнии, бьющим в рыхлую землю.

– Это не правда, – беззвучно выдохнула она, утратив голос, шевеля пересохшими губами.

– Страшные деяния сотворила эта девка, – кричал Гордей взбудораженный, возбужденный собственной ложью, – слышите, новгородцы?

Неожиданно, как для палача, так и для обвиняемой, не дожидаясь разъяснений и описаний колдовства, якобы творимого приведенной на площадь ведьмой, толпа подхватила упреки, заулюлюкала, стали слышны возгласы:

– Это ж та самая, коня опрокинула…

– Да, да, рукой махнула… животину как перышко…

– Так и знал…

– Ведьма, говорила же ведьма…

Толстая неопрятная старуха в обносках выступила из толпы, бесстрашно подковыляла к Дарине, плюнула ей под ноги, почавкав беззубым ртом.

– Чтоб тебе пусто было, ведьма проклятая! – прошепелявила она, скорчила злобную гримасу.

– Нет, – закричала Дарина, широко распахнув глаза от страха и удивления, – не правда, я не ведьма!

Палач выкрутил ей предплечье, заставив невольно

вскрикнуть от новой порции боли и замолчать, не хватало, чтоб начала оправдываться.

– Надо сжечь, проклятую! – выпалил он.

Обезумевшая толпа, с необъяснимой жаждой крови, подхватила, завопила, словно кричали ни десятки собравшихся, а один человек с тысячей голосов: «Сжечь! Сжечь!». Ни единому горожанину не приходило в голову оправдать девушку, допустить мысли, что несчастная невиновна, никакой порчи, и уж тем более проклятий не насылала на людей, никто не желал разбираться в сложившейся ситуации, каждый из присутствующих, кроме жертвы алкал зрелища, наказания обвиняемой, не испытывая ничего, лишь первобытный инстинкт желания убить.

Гордей получил абсолютную поддержку народа на рыночной площади, подгоняемый толпой, он дернул жертву, потащил к главным воротам, люди расступились, пропустили вперед и последовали за ним по пятам, боясь упустить даже махонькую крупицу представления. Обвиняемая пришла в неописуемый ужас от того, ее собрались сжечь без разбирательств, без возможности оправдаться, она принялась упираться, вырываться, кричать, стараясь избавиться от железной хватки. Попытки не увенчивались успехом, действовать необходимо жестче, извернулась, дотянулась ртом до державшей ее руки и с яростью вцепилась зубами в мягкую плоть, кожа под натиском хрупнула, тонкий кровавый подтек остался на месте укуса. Палач взвыл от боли, на короткое

мгновение выпустил жертву, но не дал ей ощутить вернувшуюся на миг свободу, замахнулся, отвесил пощечину с такой силой, что Дарина потеряла равновесие, упала на землю, в голове неприятно зашумело, с рассеченной нижней губы по подбородку потекла кровяная струйка. Окружающий мир поплыл перед глазами, людей заволокло серовато-белым туманом, все происходящее в один момент утратило смысл, возникла пугающая, и в то же время умиротворяющая легкость. Мир не прекращал вертеться, кружиться, танцевать, даже когда мучитель потянулся к ней, поставил рывком на ноги, продолжил тащить к месту казни, под одобрительное улюлюканье толпы, не знающей, куда именно направляется.

Подготовленное кострище одиноко ждало предназначенную ему жертву, оставаясь сырым в сердцевине, откуда торчала толстая волына. Как только толпа народа, ведомая палачом, выбравшись за пределы града, проследовала к сооружению, оно словно ожило, струящийся в щелях между дров ветер унывно засвистел, приветствуя жестоких гостей, казалось, даже толстый кол закивал им, слегка пошатываясь.

Дарина, оглушенная ударом, безвольно шагала следом за убийцей, толкающим ее в лапы смерти. Она не сопротивлялась, когда увидела выстроенное кострище, когда Гордей взял ее на руки, поднял на самый верх, прислонил спиной к стволу срубленного древа. Вытянув из-за пояса жирную тугую веревку, он грубо дернул бывшую невесту, связал ей запястья, обкрутил узкую талию, плечи, бедра, старательно

привязав к волыне. Она не реагировала, терпела измывательства, молчаливо водила пустым взором по толпе, окружившей место казни, ни гнева, ни ненависти, ни обиды не испытывала, лишь жалость к людям, со скопившейся в сердцах чернотой. Эти озлобленные человечки негодуют от того, что в душе совершенно несчастны, рвутся высвободить ярость, обрушить на любого, кто попадет под горячую руку, и, если ей не посчастливилось оказаться загнанной ланью на охоте, значит, так тому и быть.

– Гляньте, новгородцы, ведьма затихла, небось, ворожбу задумала, – закричал палач, тыкая пальцем в привязанную девушку.

Люди инстинктивно затихли, кто-то поежился, приняв на веру очередной бред Гордея, слегка отступили от кострища, рассредоточившись поодаль, чтобы ни дай Бог, ведьмино проклятье на них не легло. Дарина не отреагировала на злобное высказывание, высунула кончик языка, коснулась им саднившей ранки на рассеченной губе, стараясь немного смочить засохшую кровь, ощутила неприятный солоноватый железный привкус, поморщилась.

– Змея уж и язык высовывает, – тут же подхватил палач, чувствуя, что на самом деле в сердце неожиданно кольнуло иглой жалости и сомнения.

Стараясь не утратить решимость довести задуманное до конца, он быстро вытащил из кармана огниво и кремень, присел на корточки, подтянул заранее подготовленную пал-

ку, один конец не плотно, но обильно обмотан куском сухой ткани, оторванной от его рубахи, а между тканевыми прослойками торчат пучочки тонкой иссохшей до невозможности травки. Самодельный факел слегка растрепался, Гордей поправил намотанную тряпицу, уложил на кучку сена, крепко сжал в кулаках камни, и уже со второго удара высек снопы искр, разлетавшиеся в разные стороны. Несколько из огненных крох упали на сено, полыхнул язычок пламени, пополз, сжевывая солому в тряпице, кольцом обхватил верхушку палки.

Дрожащими, от внезапно родившегося волнения, руками Гордей схватил самодельный факел, бросил огниво на землю, встал, поднял пылающий предмет над головой, прохрипел:

– Огонь да очистит тебя от грехов, ведьма!

Шагнул к кострищу и невольно замер, заколебался, разрываемый на части неожиданно проснувшимися угрызениями совести, сомнениями, растерянностью. Толпа, алчущая жуткого зрелища, недовольная замешательством палача, зароптала. Лишь один человек в скопившейся гуще наблюдал за происходящим с ледяным на вид спокойствием, скрываемый под черной мантией с капюшоном, отбрасывающим мрачную тень на красивое лицо.

Не произнося ни звука, не шевелясь, Константин с замиранием и болью в сердце следил за происходящим, ожидая развязки. К шествию толпы, провожающей невинную девуш-

ку на казнь, он присоединился у главных ворот Великого Новгорода, незаметно проскользнув в середину скопившегося народа, поглощенного представлением, не обратившим внимания на странного незнакомца. Казалось все шло как надо, по плану, но Темный Князь не испытывал радости, видя страдания Дарины, старательно пытавшейся не выказать страха. Колдун знал, ей осталось недолго, увы, это не умаляло терзаний его совести. В момент, когда девушка, высунув алый язычок, коснулась им запекшейся крови на губе, он готов был сорваться с места, ураганом пронестись меж, одурманенных его же заклятием и призывными криками палача, людей, схватить избранницу на руки и унести прочь от проклятого места казни. И все же заставил себя отказаться от необдуманного порыва, сжал кулаки, крепко зажмурил глаза, постарался отогнать непрошеные мысли. Не сейчас, только не сейчас, пройдено слишком много, осталась лишь малость, крупица, пищика мгновения в бесконечной пустыне времени и задуманное свершится.

Легкий трепетный ветерок, коснулся, потрепал подол мантии, Князь тяжело поднял веки. «Она здесь!», – промелькнуло в его голове, вызвав в душе крохотную толику облегчения, и одновременно с этим тревоги. Он поднял глаза к голубому куполу небес, созерцая танец луны, надвигающейся тенью на солнечный диск, медленно, но целенаправленно тот подминал под себя ярило, затмение набирало обороты. Время пришло, теперь все зависело от Дарины, от того, оста-

лась ли она чиста душой или горечь, отчаяние и обида поглотили, уничтожили непорочные ростки невинности. Последняя искра надежды угасла в глазах, как только палач отправил ее на кострище, а веревка крепко обвила тонкий стан, это Константин видел отчетливо, но выбора не осталось, лишь надежда.

Колдун переместился в толпе, стараясь незаметно выследить немаловажную деталь давно запланированного ритуала, шепчущий ветер по-прежнему трепал мантию, как бы «говоря»: «Она близко». Сконцентрироваться оказалось сложнее, чем представлялось, он втянул в легкие тяжелый воздух, едва ощутил поток слабой, пропитанной магией, энергии, излучаемой телом Каллиды.

Жрица Далия, надеялась остаться незамеченной, выпорхнув из коридоров межмирья, она стояла поодаль от дурно пахнущей, верещащей толпы людей, кучкующейся вокруг деревянного сооружения. В центре к столбу привязана девушка, колдунья не сразу признала в несчастной жертве недавнюю соперницу, и довольно хмыкнула, поняв, что ту вот-вот сожгут. Но в чужой мир она пришла не за этим, энергетический след Армана здесь отчетлив, ее верный раб по близости, его нельзя упустить.

Возникшие мысли приятно пощекотали нервы колдуньи, пальцы заиграли, сминая флакончик, наполненный пагубным зельем. Темный Князь наверняка среди этих гогочущих простолюдинов, мерзкое сборище помеха в поисках, как же

приятно будет заставить вернувшегося раба отправить их в долину мертвых.

Пошарив взглядом по гадкому сборищу, Каллида наткнулась на фигуру, отличавшуюся от остальных, высокую, широкоплечую, облаченную в черную мантию, не способную скрыть мощи ее обладателя, стоявшего к ней спиной. Могучие потоки энергии, рождаемые аурой обнаруженного, не оставляли сомнений, она нашла, кого искала, оставалось подобраться ближе. Но колдун ускользнул вновь, двинулся в гущу толпы, подобрался к кострищу, он словно видел ее, знал о присутствии и затеял игру кота с мышью.

Злоба жгучей отравой разлилась в груди жрицы Далия, раздраженная, она направилась к толпе, прикрыла нос платком, морщась от запахов источаемых телами простолюдинов. Несколько горожан бросили изумленные взгляды на красивую незнакомку в темно-алом, почти черном плаще, брезгливо кидавшую взгляды по сторонам, остальные же, недовольные замешательством палача, принялись роптать, изредка выкрикивая:

– Сожги ведьму!

– Чаво ждешь?

– Жги ее, жги…

Гордей слышал подначивания, но по-прежнему колебался, любовь и ненависть боролись в его душе, требовали сделать выбор, способный перевернуть всю никчемную жизнь. В какой-то момент решимость обрушить огонь обрела готов-

ность отступить, сердце обратилось к любви, и лишь рука с факелом дрогнула, в разум вторгся чужой настойчивый голос, зашептавший: «Она не принадлежит тебе, не принадлежит, ты проиграл, отдал чужаку, отдал без колебаний, за гроши…»

Мрачный шепоток камнем лег на сердце мужика, любовь померкла, вернулись отчаяние и гнев. Душераздирающе взвыв от неизбежности и нестерпимой боли, разорвавшей могучую грудь, Гордей бросил пылающий факел к ногам той, в ком заключались его счастье, страдания, надежда, безысходность и спрыгнул на землю, спасаясь бегством от всепожирающего пламени. Огонь лизнул сухую траву, та мгновенно вспыхнула, золотисто-красные язычки яростно заплясали, перебросились на заготовленные бревна, охватив кострище, побежали к босым исцарапанным ногам девушки.

Толпа охнула, ожидание с реальностью ни шло в сравнение, затихшие люди, с раскрытыми ртами наблюдали, как огонь расползается по кругу, набирает силы, громкий треск поленьев казался нестерпимым в гнетущей тишине.

Дарина почувствовала нарастающий страх, она с ужасом взирала на подбирающиеся языки пламени, как внезапно взгляд ее смягчился, потеплел, в нем отразились жалость и сочувствие. Подняв взор к людям, осудившим на смерть, она вдруг улыбнулась сквозь набежавшие слезы.

– Прощаю, всех вас прощаю!

На небе, яркий золотой диск потускнел, затмение обре-

ло полную силу, высвободив полумрак, мгла расползлась по земле, обволокла чернотой все, до чего сумела дотянуться, густым покрывалом накрыла ораву вокруг кострища. Людей охватила паника, но никто не двинулся с места, словно единое парализованное существо, толпа застыла, глядя на потемневший в вышине круг. Не крикнуть, не убежать, глотки пересохли, ноги, будто приросли к земле, это знак, кара за убийство.

Пламя обвило стан Дарины, добралось до груди, она не видела, ни затмения, ни народа, ни Константина, стоявшего у костра, золотые язычки пламени безуспешно тянулись к его черной мантии. Не стонала, не вопила, не боролась за жизнь, упрямо смотрела на Гордея, мучавшегося сожалением и болью потери, слезы раскаяния бежали по его лицу, он не пытался их стереть.

– Прощаю тебе… – беззвучно, одним губами сказала девушка, и палач ее понял.

Пламя вспыхнуло алым кровавым цветом, выплюнув сноп искр, и с головой поглотило жертву, ни звука не сорвалось с ее уст, ветер завыл вместо нее, затянул унывную песнь.

– Свершилось, – сказал Темный Князь, ни один мускул не дрогнул на красивом лице.

Скинул капюшон, обернулся, жрица Далия, стояла невдалеке от него, взгляд полон ужаса и непонимания, бледное лицо осунулось, стало практически неузнаваемым. Исхудавшие в момент руки, с выпирающими костяшками, задрожа-

ли, миниатюрный флакончик с зельем выскользнул из тонких пальцев, шлепнулся на землю, от удара крохотная пробка выскочила, отрава пролилась на землю, образовав мерзкое пенящееся темно-зеленое пятно.

Медленно, не произнося ни слова, Константин направился в сторону Каллиды. Поравнявшись с бывшей госпожой, он, холодно взглянув в ее умирающие глаза, едва заметно склонился, отвернулся и зашагал прочь не оглядываясь, зная наперед, что именно ожидало безжалостную, алчную женщину.

Тьма, нависшая над Великим Новгородом, последовала за Князем, стремительно рассеявшись в проступивших освобожденных лучах солнца. Черный диск, спрятавший ярило, понемногу отступал, высвобождал пленника, и тот радостно бросал золотые нити на землю, освещая округу. Затмение близилось к концу, и когда цикл полностью завершится, о нем никто никогда не вспомнит, словно не было ничего, колдун позаботится об этом, старательно сокроет следы магического вмешательств.

Еще мгновение и огненный шар окончательно высвободился из объятий мрака. Пламя костра, по-прежнему яростно полыхало, тянулось к облакам трепещущими язычками, Гордей не отходил от бушующей стихии, стоял рядом, но жара не чувствовал. Тело убийцы сотрясала крупная дрожь, глаза переполняли жгучие слезы, дыхание прерывалось, воздух с хрипом выталкивался из легких, со свистом вылетал

изо рта.

– Дарина, – тихо, почти беззвучно произнес он пересохшими, потрескавшимися до крови губами.

«Прощаю тебе…», – зазвенело в голове палача, словно девушка склонилась над его ухом, повторяя сказанное, – «Прощаю, прощаю, прощаю…»

Боль острым клинком пронзила его черствое сердце, зажала в стальные тески. В отчаянии мужик рухнул на колени, руки обхватили голову, готовые раздавить черепушку с вертящимися в ней жалящими мыслями.

– Что я натворил? Что… натворил?! Простила она… простила меня! А я не прощу… Себе не прощу!

В одно мгновение в нем вспыхнула решимость, он подпрыгнул, вскочил на ноги.

– Дарина!

Крик застыл на устах палача, одним мощным рывком он бросился к костру в бушующее пламя, и оно поглотило его, выплюнув сном искр, взметнувшихся к небу.

Толпа ахнула в один голос, ужаснувшись, неожиданный поворот вывел людей из ступора, обретя способность движения, народ бросился врассыпную, вопя и толкаясь. Они проводили на смерть незнакомку, не сомневаясь в правоте обвинителя, но он шагнул за той в пламя, так была ли девушка в чем-либо виновна? Кары не избежать за несправедливое убийство, понимание этого и страх гнали участников сожжения прочь от места казни с невероятной быстротой.

Костер долго еще горел, ни крики, ни шепот не сопровождали трепыхания его обжигающих языков, черный смолянистый дым толстым размытым столбом поднимался к белым облакам, пачкая небо. Тлеющие угли угасли лишь поутру нового дня, когда рассыпавшиеся тонкие струйки дождевых капель, омыли совершенный грех, оставив влажный круг пепла, напоминание о сотворенном зле. Жизнь в Великом Новгороде потекла по обычному руслу, но в сердцах тех, кто присутствовал на казни незнакомой девушки, на века запечатлелись тихие слова дарованного прощения. Теперь уже никто не сомневался, что осудили на смерть невинную душу, оттого в стыде все молчали, не желая вспоминать наваждение, позорящее их пред лицом правды, надеясь, что со временем все забудется. И лишь один или двое участников позорного деяния рискнули вернуться к остаткам кострища, возложить букетики простых полевых цветов, безмолвно прося уже полученного прощения.

Эпилог

Крытая большая карета, запряженная четверкой вороных жеребцов, мчалась по каменистой дороге, пролегающей вдоль открытых равнин, поросших алыми цветами, отдаленно напоминающими вереск на тонких вытянутых стеблях, малейший порыв ветра приводил бутоны в движение, они колыхались, кланяясь путникам. Статный высокий мужчина, облаченный в темные одежды, сидел на мягкой скамье кареты, обитой синим бархатом, на руках его мирно спала девушка, завернутая в теплый шерстяной плед.

Карета резко качнулся, и юная особа прерывисто вздохнула, поерзала, приходя в сознание. Константин пристально вгляделся в лицо избранницы, настоящий ангел, она вот-вот откроет глаза, в полутьме они как обычно приобретут выразительные лазуревые нотки.

Очередной толчок и девушка издала тихий протяжный стон, густые пушистые ресницы затрепетали, веки тяжело приподнялись, сквозь пелену дремы вырисовались знакомые черты лица, колдун улыбался.

– Я на небесах? – в хриплом голосе Дарины чувствовалось волнение.

– Нет, – коротко ответил Князь, теснее прижал ценную ношу к могучей груди.

– Почему? Ведь я мертва?

– Ты живее всех живых, душа моя.

– Как такое возможно? – недоверчиво спросила девушка, она никак не могла понять, что к чему, сон еще владел частью ее сознания, потянулась, постаралась выпутаться из шерстяного пледа, возможно холод подействует отрезвляюще, растормошит память, может она что-то упустила, надо постараться вспомнить.

– Колдовство, – просто ответил Константин.

– Но я помню, – потускневшим голосом вымолвила избранница, в глазах промелькнула искорка страха, заставив потупить взор, – помню яркое обжигающее пламя, надвигающееся на меня со всех сторон… мне было так страшно… хотелось кричать, бежать…

– Все в прошлом, – колдун провел ладонью по золотистым локонам, стараясь успокоить, утешить Дарину, но та не слушала.

– Ужас сковал мое сердце, – продолжала она, плотно зажмурив глаза, будто нарочно старалась воскресить в памяти неприятные картины прошлого, – я думала, что задохнусь от страха и гнева, бушевавшего в душе. Но потом, неведомо откуда, пришла легкость… и прощение. Почему?

Девушка спрашивала себя, ответа от Темного Князя она не ждала.

– Ты сильна духом, добра сердцем, – сказал Константин.

– И только? – послышался недоверчивый шепот. – Разве этого достаточно?

– Этого более чем достаточно, – твердость в голосе колдуна предавала уверенности сказанному. – Видишь ли, душа моя, совершенный путь ты должна была пройти сама, пройти до конца. Мне очень жаль, что пришлось подвергнуть тебя ужасным испытаниям, но выбора не оставалось. Помнишь, я просил тебя помочь мне, в назначенный срок произнести необходимое заклинание?

Дарина кивнула в знак согласия и колдун продолжил:

– Заклинанием послужили искренние слова прощения, обращенные тобой к несправедливому народу, осудившему невинную на смерть и к палачу, питавшему к тебе нежные чувства, но не сумевшему побороть собственную алчность, гордыню и злобу.

– Пусть так, – выдохнула девушка. – И все же, почему я не сгорела? Я и боли то не чувствовала!

– Ты и не должна была почувствовать боль, таков был мой план, я утаил от тебя часть задуманного. Рассказывая тебе историю своей жизни, мне пришлось умолчал о детали, ключе к спасению.

Дарина едва заметно напряглась, впитывая слова истины, раскрывающие правду о человеке, которому отдано ее сердце.

– Служа Каллиде, я безоговорочно подчинялся ее воле, послушный раб, исполняющий прихоти госпожи. Осознание пришло слишком поздно, моя душа была отравлена гневом, яростью, людскими страданиями и смертями, – Темный

Князь говорил слова признания с трудом, голосом пропитанным горечью, неотрывно смотря в глаза спутницы. – Остатками сохранившегося разума я решил сберечь малую долю того светлого, что осталось во мне. Сотворив магическое заклинание невероятной мощи, я отколол крохотную частицу души и отпустил скитаться по мирам в надежде, что та отыщет пристанище рядом с чистым непорочным духом человека, избрав чужое тело временным сосудом. Частица должна была слиться с незнакомой душой, способной защитить кусочек чужой сущности от мирской грязи, пока тому не придет время вернуться к хозяину.

– Пристанищем оказалась… я? – спросила избранница, зная ответ.

– Да, твое тело стало сосудом, душа пристанищем. На протяжении сотен лет я не находил покоя, блуждал по чужим мирам, в надежде отыскать утраченное, но мне не открывалось души, наполненной безграничным добром и светом, способной приютить невеликий, едва ощутимый энергетический клочок.

Люди взрослеют, души с годами черствеют, наполняются безразличием, злобой, недоверием, завистью. Сталкиваясь с пороками, осколок души продолжал скитания, продлевая мои ожидания и мучительные поиски, надежда на спасение таяла день ото дня. Тьма, поглощавшая дух и разум, расползлась внутри меня, подобно чернилам, растекающимся по гладкой поверхности стола, и с каждым после-

дующим годом контролировать ее становилось все сложнее. Приходилось делать безуспешные попытки отсрочить неизбежное, создавать больше защитных заклинаний. Но внутренний зверь, порожденный Каллидой, рвался наружу, делая почти бессмысленными титанические усилия оградиться от чар колдуньи.

Прошло много времени, изменений не было и меня стали посещать мысли о капитуляции, но встретив Приморис, неприкаянно блуждавшего во мраке, буквально ощутив его страдания, я устыдился просочившейся в разум слабости. Я создал Сад Грез, обитель дала фантому приют и покой, и это усмирило мои терзания.

Вслед за Приморисом в Амбра Каструм потянулись множество иных потерянных душ, я не отказывал им в покровительстве, взамен они предлагали защиту. Призраки владеют мертвой силой, несравнимой с колдовством, эти энергии черпаются из разных истоков, и уникальность каждая имеет свою. Стоило направить духов с их даром в моем расчете, и они преобразовалась в практически несокрушимый щит, в верных, преданных союзников.

Прибегать к помощи фантомов приходилось часто, ритуалы, заклинания, мне удавалось усилить проводимые манипуляции, и тьма, переполнявшая меня, ненадолго отступала. Это давало больше возможностей для поиска осколка души, но несмотря ни на что, время стремительно мчалось вперед, столетия сменялись одно за другим, а поиски результатов не

давали. Я стал терять надежду…

– И тогда ты встретил меня?

– Увидел, – улыбка тронула уголки губ колдуна. – Заметив тебя, бегущей по дороге, я не мог остановиться, заклинание на переход было прочитано, я шагнул в коридоры межмирья. Вернуться сразу у меня возможности не было, перемещения меж мирами отнимают много сил. Но хуже было то, что близость утраченного осколка пробудила дремавшую во мне тьму, обуздать мрак я мог лишь в собственном мире, и я выдернул тебя из родового гнезда, чтобы сохранить единственную возможность спасения. Но, увы, не предвидел сделку твоего отца с палачом.

По закону магии, ты принадлежала другому. Не имея прав, не предоставлялось возможности вечно укрывать тебя в чужом мире. В довершение ко всему, я боялся бесконтрольного состояния внутренней тьмы, просыпавшейся каждый раз вблизи от тебя. Поэтому, до назначенного срока, когда не оставалось сил сдерживать внутреннего бушующего зверя, приходилось возвращать тебя в родной мир.

Если бы ты знала, как сильно я обезумел от страха в момент проникновения Каллиды в Амбра Каструм, в момент, когда тьма на мгновение сломила мою волю, спровоцировала на перевоплощение и взбешенным медведем бросила на тебя…

– Но ты поборол тьму, – сказала Дарина.

Тонкая рука потянулась, теплая ладонь легла на шерша-

вую мужскую щеку, колдун накрыл ее большой ладонью, теснее прижал к коже, слегка повернулся, потянул к губам, поцеловал.

– Да, поборол, но риск был велик, возникни ситуация снова, и я мог бы уже не справиться. Ты стала слишком дорога мне, ничего в жизни больше не жаждал, как твоего спасения. Опираясь от этого, пришлось пойти на большую хитрость, чем рассчитывал.

Изначально необходимость стояла лишь в помощи лешего, но вторжение Каллиды дало понять, что без золотой чешуи венарий не обойтись.

Дар лесного духа впитал часть твоей энергии, проведя невидимую нить между тобой и следующей носительницей мешочка со мхом. Колдовская сила чешуи увеличила связь, направила потоки энергии по верному пути, помогая обуздать невероятную мощь задуманных мною магических действий.

Ты должна была носить мошну до времени наполнения твоей энергией, тогда я забрал ее, обсыпал золотой пыльцой чешуи венарии, и отдал Каллиде, тем самым создав особую энергетическую прожилку меж вами. Невидимая нить сохраняла натянутое состояние до лунного затмения, как только оба мира поглотил мрак, огонь костра, места казни, заплясал сильнее, окутал тебя, сокрыл от любопытных взоров, а заклинание перебросило в безопасное место, и в это мгновение, частица моей души отделилась, покинула сосуд и пере-

шла к Каллиде. Она не вынесла света, переполнявшего крохотную частицу, щедро одаренную чистой энергией невинной девушки, и мрак ее души рассеялся. Колдунья слишком привыкла к тьме, ее очищенный дух не смог удержаться в мире живых. Моя же, душа, воссоединившись с утраченным осколком, приняла свет, данное обещание исполнено, ты меня спасла.

– Значит, магия колдуньи больше не угрожает, – Дарина с трудом верила в фортуну, наконец улыбнувшуюся ей.

– Не угрожает.

– Куда мы направляемся?

– В Амбра Каструм.

– И что нас ждет?

– Вечность, – Темный Князь провел ладонью по светлым локонам девушки. – Ни о чем не беспокойся, душа моя, отныне ты в ином мире, под моей защитой и покровительством. Все плохое, что было раньше – забудь, как сон. Я люблю тебя, помни лишь это.

Склонившись, колдун поцеловал избранницу долгим нежным поцелуем, карета слегка качнулась, продолжила путь, унося двух влюбленных в новую лучшую жизнь.